

Московский журнал международного права

- ПЕРВАЯ В РОССИИ
РЕГИОНАЛЬНАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ АМП
- КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ
ПРАВО РЕГУЛИРУЕТ
ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ
- ЗАКОНЫ ВОЙНЫ
ТОЖЕ НАДО ЗНАТЬ
- ПОСЛЕДНЕЕ
ИНТЕРВЬЮ
Ф.И. КОЖЕВНИКОВА

Moscow Journal of International Law

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Ю.М. КОЛОСОВ (Москва)

Н.И. АКУЕВ (Алма-Ата),

Э.Д. БЕЙШЕМБИЕВ (Бишкек),

И.И. БЕРГХОЛЬЦАС (Рига),

В.Г. БУТКЕВИЧ (Киев),

Р.В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси),

Г.В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург),

А.Л. КОЛОДКИН (Москва)

Г.И. КУРДЮКОВ (Казань),

Б.П. ЛИХАЧЕВ (Москва),

С.А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург),

В.П. ПАРХИТЬКО (Москва),

А.Х. САИДОВ (Ташкент),

А.В. ТОРКУНОВ (Москва),

А.А. ТРЕБКОВ (Москва),

В.Н. ФИСЕНКО (Минск),

М.О. ХАЙТОВ (Ашхабад),

А.Г. ХОДАКОВ (Москва),

Ю.Ю. ШАТАС (Вильнюс),

В.Н. ЯКОВЛЕВ (Ижевск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

В.П. ПАРХИТЬКО

Л.Б. АРХИПОВА,

К.А. БЕКЯШЕВ,

И.П. БЛИЩЕНКО,

А.А. ГРОМЫКО-ПИРАДОВ,

И.И. КОТЛЯРОВ,

В.И. КУЗНЕЦОВ,

Е.Г. ЛЯХОВ,

Ю.Н. МАЛЕЕВ,

В.Г. НЕСТЕРЕНКО (заместитель
Главного редактора, ответственный
за английское издание),

Т.О. РАМИШВИЛИ,

В.А. РОМАНОВ,

Ю.М. РЫБАКОВ,

Г.П. ТОЛСТОПЯТЕНКО,

Б.Р. ТУЗМУХАМЕДОВ (первый
заместитель Главного редактора),

И.Г. ФОМИНОВ,

О.Н. ХЛЕСТОВ

Издание "Московского журнала международного права" осуществляется при финансовой поддержке юридической службы Московского международного центра предпринимательства.

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ-УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

"СОЮЗ ЮРИСТОВ"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"

Адрес издательства: 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
телефон 975-12-63; телефакс 200-22-04

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76
телефон/телефакс 434-94-52

Адрес английской редакции: 121019, Москва Г-19, а/я 32
НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.
телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38

© Издательство "Международные отношения"
"Московский журнал международного права"

Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.

Московский журнал международного права

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается
с 1991 года на русском языке
и с 1995 года — на английском,
с 1997 года введен
на обоих языках
в систему INTERNET:
www.diplomat.ru/mjilaw/

Выходит один раз в три месяца

№ 2/98/30
апрель — июнь

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории	
Мингазов Л.Х. (Казань). Проблема эффективности в зарубежной доктрине	3
Решетов Ю.А. В защиту международного права	15
Международно-правовые проблемы СНГ	
Клеандров М.И. (Тюмень) О судебном механизме защиты прав россиянина в пространстве СНГ	25
Международная безопасность	
Фантастическое оружие в условиях разоружения	37
Россия участвует в силовых акциях НАТО	38
Международное и внутригосударственное право	
Бирюков П.Н. (Воронеж). Проблемы взаимодействия уголовных норм	39
Марочкин С.Ю. (Тюмень). Юридические условия действия норм международного права в правовой системе Российской Федерации	52
Сумин А.М. К созданию палестинской арабской автономии	64
Экономическое и научно-техническое сотрудничество	
Борисов К.Г. Правовые формы партнерства Европейского Союза в сфере коммуникаций и информационных услуг	84
Международное торговое право	
Шпенко Р.А. Субсидии и компенсационные пошлины: правила ГАТТ и законодательство РФ	112
Воздушное право	
Первый контракт о дирижаблях	133
Международное гуманитарное право	
Алешин В.В. Правовое регулирование вооруженного конфликта немеждународного характера	134
Право и экология	
Галаметдинова А.Ю. (Казань). Угроза экоцида	144
Дипломатическое право	
Петров В. "Без галстуков" и "без шпилек"	157
Книжная полка	
Абашидзе А.Х. Полезное исследование правовых проблем СНГ	159
Филатов В.П. Ключ к сокровищам "пещеры Аладдина"	161
Международные организации	
Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)	164

Международная федерация бодибилдинга (МФБ)	164
Корпорация "Сервис интернэшнл" ("Международное обслуживание")	165
Всемирный совет ядерных трудящихся (ВСЯТ)	165
Что такое ООНН (Организация непризнанных наций и народностей)?	166
Хроника	
Жуков Г.П. Космический юбилей	168
Уразова С. Лучше быть здоровым и богатым	177
Кузьменков С.Ю., Котельников М.В. Вторая Международная конференция по федерализму	180
Космическое право	
Пархитко В.П. Как делать деньги на знании международных норм	187
Трибуна преподавателя и студента	
Кондаков А. "Модель ООН-97"	193
Кто есть кто в нашей науке и практике	
Арбатова Г.А. (Москва), Бакаев Л.К. (Алма-Ата), Бергхольцас И.И. (Рига), Бурджанадзе Н.А. (Тбилиси), Вещунов В.С. (Москва), Волова Л.И. (Ростов-на-Дону), Галаметдинова А.Ю. (Казань), Иваненко В.С. (Санкт-Петербург), Корякин Ю.И. (Москва), Курдюков Г.И. (Казань), Литовченко О.И. (Саратов), Лобанов С.А. (Москва), Михайлов К.Ф. (Москва), Спивакова Т.И. (Москва), Хаитов М.О. (Ашхабад), Шамсисев Х.Р. (Душанбе)	195
Документы	
Первая в России региональная конференция Ассоциации международного права и 40-е юбилейное собрание Российской ассоциации международного права (совместное заседание) Москва, 17—19 сентября 1997 г.	224
Ельцин Б.Н. Юридической элите мира — от Президента Российской Федерации	224
Строев Е.С. Этап в консолидации сообщества юристов	225
Селезнев Г.П. Проведение конференций весьма символично	226
Завадская Л.Н. От имени юстиции	227
Требков А.А. Уважение к правовым ценностям	228
Йонкман Ганс (Нидерланды). Пусть крепнут связи России с Постоянным арбитражным судом	229
Кнехт Элизабет (Швейцария). Надо распространять знания о международном гуманитарном праве	231
Лорд Слин оф Хэдлн (Великобритания). Расширение, влияние, многогранность	233
Лукашук И.И. Международно-правовая концепция России	236
Кауашкин В.А. Россия и Всеобщая декларация прав человека	240
Звеков В.П. Новое российское гражданское законодательство и проблемы международного частного права	250
Ляхов Е.Г. Институт выдачи и борьба с международным терроризмом	257
Б.Т. О контроле над вооружениями и разоружении	262
Добры Джордж (Великобритания). Экологическое право — в жизнь	266
Ма Инг-жеу (Китайская республика на Тайване). Универсальность в участии и решимость в имплементации — ключ к успеху конвенций по защите окружающей среды	267
Казани Мойтаба (Иран). Подумаем вместе о проблеме оценки потерь	272
Терроризму — заслон!	273
Семинары Красного Креста	274
Рекомендации силовых структур. Вступительный комментарий Э.Н. Николаевой	277
Федор Иванович Кожевников	280

"Московский журнал международного права" является правопреемником "Советского журнала международного права", созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием "Московский" (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.

Отбор и содержание материалов журнала определяются Редакцией. Вместе с тем публикация материала в "Московском журнале международного права" не всегда означает, что Редакция разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.

Вопросы теории

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ

Л.Х. Мингазов*

В последние годы проблема эффективности привлекает внимание все большего числа специалистов-международников. Различные ее аспекты рассматриваются в работах зарубежных авторов: В. Бочардта, Э. Бленк-Кнокке, Дж. Бучеза, П. Велласа, Д. Вильдемана, М. Вейтю, Дж.К. де Врий, Хедли Булла, Ш. де Вишера, В. Коплина, Марко Маркова, С. Нортропа, Д. Пруитта, Дж. Стоуна, Х. Месснера, Д. Тускоза, Дж. Триски, Д. Фрея, В. Фридмана, Р. Фишера, Л. Хенкина, А. Шейка, Д. Шиндлера, Д. Шелтона и др. В ряде из них затрагиваются методологические проблемы, в частности отдельные методы и подходы к изучению эффективности. Речь идет об использовании в работах Э. Бленк-Кнокке, В. Бочардта, Д. Фрея, С. Нортропа, П. Тьерра конкретно-социологического, социально-психологического, информационного, аксиологического методов исследования эффективности норм и институтов международного права¹. Научный интерес представляют публикации зарубежных ученых, посвященные исследованию эффективности конкретных международных норм и институтов, в частности изучению эффективности норм гуманитарного права (М. Вейтю), права вооруженных конфликтов (В. Бочардт, Д. Фрей), некоторых соглашений в области разоружения (Рикардо Фрей), и международных институтов².

Давая общую характеристику состояния исследования эффективности международного права, следует отметить, что в работах зарубежных авторов получили разработку отдельные частные аспекты данной проблемы, общая же теория эффективности ими еще не разработана. Имеется определенный прогресс в разработке ими таких существенных элементов проблемы эффективности, как понятие и критерии оценки эффективности международного права, качество (совершенство) норм международного права и их соотношение с

*Доцент, кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1997 г.

национальными интересами, роль принуждения, санкций в механизме реализации международных обязательств. Значительное внимание в работах зарубежных авторов уделяется исследованию факторов, определяющих эффективность международного права, его отдельных институтов и норм. Заслуживают в этой связи упоминания работы швейцарских юристов В. Бочардта и Д. Фрея, посвященные исследованию факторов (переменных), оказывающих воздействие на поведение участников вооруженных конфликтов с точки зрения выполнения ими норм международного гуманитарного права³.

Для иллюстрации приведем несколько примеров из работ зарубежных авторов, относящихся к понятию, критериям, факторам эффективности.

По мнению Х. Булла, для определения эффективности нормы международного права следует установить, имеется ли соответствие между действием государства и предписываемым нормой права поведением. Причем отдельные случаи невыполнения норм права, пишет автор, не свидетельствуют о неэффективности международного права в целом⁴. То, что совершенно ясно свидетельствует о неэффективности международного права, помимо несоответствия между поведением субъекта и нормой права, — это отсутствие признания государством самой целесообразности нормы международного права или ее обязывающего характера. Основными факторами выполнения государствами предписаний международного права, считает автор, являются одобрение государствами целей и ценностей, лежащих в основе соглашения; принуждение со стороны надгосударственных органов и взаимный интерес, существующий независимо от обязательств. При отсутствии указанных условий, пишет автор, юридические обязательства будут неэффективными⁵.

Американский ученый В. Коплин вопросам эффективности международного права уделил внимание в своей работе, посвященной исследованию функций международного права. Когда мы говорим, что правовая система эффективна, пишет автор, мы имеем в виду, что имеется определенный уровень симметрии между действиями членов общества и моделями поведения, установленными правом. Международное право состоит из норм, предписывающих образцы поведения, которые не всегда четкие и определенные. Современное международное право неэффективно во многих отношениях, поскольку между государствами нет общего согласия в отношении большей его эффективности⁶. Автор считает, что любая попытка оценить эффективность международной правовой системы должна основываться на изучении трех факторов: создание и определение обязательных образцов поведения (или источники права); развитие обязывающей основы права; наличие санкционных механизмов, применяемых для пресечения неправомерных действий государств⁷.

Наиболее важным автор считает третий фактор. Однако до сих пор международное сообщество полагается главным образом на самопомощь как средство осуществления международно-правовых санкций. В будущем по мере развития человечества среди факторов соблюдения международного права, считает автор, все большую значимость будут приобретать такие, как всеобщие человеческие ценности, на которые делают упор натуралисты, а также самозаинтересованность государств, на что делают упор позитивисты⁸.

Другой американской автор, В. Фридман, пишет: "Часто внимание концентрируют на фактах нарушения международного права, чем на его соблюдении... Оценивать действительность и реальность международного права необходимо с учетом того, в какой мере государства соблюдают международное право по необходимости, чем по свободному выбору"⁹. Автор перечисляет важнейшие недостатки международного права, делающие его малоэффективным. К ним он относит пробельность в регламентации международных отношений; супрематии суверенных государств в международных отношениях, которой соответствует слабость международного права; отсутствие эффективных механизмов, обеспечивающих прогрессивное изменение международного права вслед за развитием международных отношений¹⁰. Реальность ныне такова: в случае возникновения противоречий между политикой и международным правом последнее не пользуется никакой поддержкой у государств. Говоря о пробельности, В. Фридман отмечает, что международное право не является единой системой права и что лишь некоторые межгосударственные отношения подвергнуты регулированию. Реакция международного права на новые мировые проблемы (например, экологические) является неудовлетворительной, потребности в их правовом регулировании остаются необеспеченными¹¹.

Основной источник слабости международного права заключается, по мнению автора, в отсутствии судебных и административных учреждений, призванных обеспечить авторитетное соблюдение международных обязательств, в частности содержащихся в международных Пактах о правах человека¹². Так, война во Вьетнаме выявила два пробела в международном праве: отсутствие беспристрастного механизма обследования и неэффективность норм, применяемых к конфликтам внутреннего характера. Автор считает, что международное право имеет шанс стать более эффективным. Для этого необходимо установить новый международный порядок, который станет высшим по отношению к государственному правопорядку. В конечном счете истинным объектом международного права является индивид. Уровень соблюдения норм международного права в области регулирования защиты прав человека, по мнению автора, зависит во многом от социальной и политической природы государств—

участников международных актов по правам человека. Отсюда автор делает вывод о том, что более эффективными будут международные соглашения регионального характера, объединяющие государства со сходными социальными и политическими системами¹³.

В международно-правовой литературе высказываются различные точки зрения относительно степени эффективности международного права. Одни авторы (Р. Арон, Ш. Баркун, Ш. де Вишер, П. Корбет, Х. Лаутерпахт, Г. Моргентау, Р. Фолк, Г. Шварценбергер) считают, что международное право вовсе не эффективно или малоэффективно. Согласно такому подходу, реальное состояние международных отношений не соответствует формальным правилам международного права, в международных отношениях господствуют анархия и произвол. Так, Г. Шварценбергер пишет о существовании в современных международных отношениях квазипорядка, под которым он понимает такое фактическое состояние, когда международное сообщество не достигло, как и при Лиге Наций, поставленных целей¹⁴. Р. Фолк откровенно заявляет, что "условием эффективности международных институтов является отречение от любых усилий в осуществлении идеалистического содержания международного права, воплощенного в Уставе ООН"¹⁵.

Другая группа авторов утверждает, что международное право обладает высокой степенью эффективности (Дж. Меррил, А. Рубин, Л. Сон, Р. Фишер, Дж. Фоссетт, Л. Хенкин). Они утверждают, что международное право оказывает большое влияние на процесс осознания государствами национальных интересов, что оно продолжает сохранять свое значение в качестве средства, воздействующего на взаимодействие государств. Их тезис состоит в том, что многие государства, как правило, постоянно соблюдают подавляющее большинство норм международного права¹⁶.

Необходимо отметить еще одну — промежуточную между первой и второй — группу в зарубежной доктрине. Ее представители (Т. Вулсон, К. Перри, У. Коллин, Л. Оппенгейм) считают, что международное право в силу различных причин (например, в силу дезинтегрированности международного сообщества) слабее, чем внутригосударственное право "демократических" государств. Вместе с тем они подтверждают наличие определенного уровня законности и эффективности международного права. "Из-за того, — пишет К. Перри, — что члены международного сообщества довольно многочисленны и довольно сильны по сравнению с членами любого национального общества, примеры нарушения международного права воспринимаются весьма обостренно и внушают мысль, что общий стандарт соблюдения права менее высок, чем он есть в действительности"¹⁷.

Имеется также точка зрения, согласно которой в зависимости от предмета регулирования международное право делится на сильное и

слабое право¹⁸. Оно эффективно при регулировании технических, юридических вопросов в неконфликтных ситуациях и, напротив, неэффективно при регулировании вопросов политического характера в конфликтных условиях, особенно в период войны. Эффективность норм международного права, пишут С. Розен и В. Джоунз, зависит от того, в каком из трех политических уровней они реализуются — на уровне права политической структуры, или прав общества, или права взаимности¹⁹. Когда предмет регулирования не имеет политического характера (право взаимности), то исполнение международных договоров и обычаев предсказуемо. По мере того как предмет регулирования все более политизируется (сначала на уровне “права сообщества”, а затем — “права политической структуры”), решимость государств воздействовать на результаты международных процессов уменьшается, а исполнение международно-правовых норм становится неопределенным²⁰.

В зарубежной международно-правовой литературе много внимания уделяется исследованию так называемого принципа эффективности — проблеме связи права и факта, юридического и фактического. Ему посвящены работы Ш. де Вишера, Ж. Тускоза, Д. Вильдемана, Дж. Бучеза, Моник Шемилье-Жандро, Дж. Верзижля, Ж. Симонидеса, Г. Кельзена и др., в которых анализируются такие вопросы, как формы взаимосвязи права с социальной реальностью (фактическими отношениями), способы разрешения противоречий между ними, функции принципа эффективности и др.

В работах авторов эффективность понимается как выражение отношения между некоторым фактическим состоянием при социальной реальности (фактами, поведением субъектов и т.д.) и нормой права или тем, что считается правом в определенный момент²¹. Это соотношение может быть двоякого рода: с одной стороны, фактические обстоятельства (отношения) могут полностью соответствовать праву в данный конкретный момент. С другой стороны, может быть расхождение между этими двумя элементами. Если первый случай не вызывает проблем, то дело обстоит иначе во втором случае, когда возникает расхождение (напряженность) между правом и фактическими отношениями. Новые фактические отношения вызывают потребность в изменении или отмене устаревших правовых норм или создании новых. Стабильность международных отношений, по мнению авторов, требует, чтобы право и фактическое положение дел не оставались в состоянии напряженности в течение продолжительного времени. Однако в международных отношениях нет центральной власти, наделенной правом устанавливать то, что соответствует или не соответствует праву. В этом, по мнению авторов, заключается источник слабости и неэффективности международного права. Негосударственные правовые системы, писал Х.Л.А. Харт, к которым

относится международное право, неэффективны потому, что они медленно реагируют на новые потребности практики. Они могут функционировать совершенно адекватно в статичных условиях (примером может служить международное право в период с 1815 г. до начала Крымской войны). Но как только нарастает скорость изменений в развитии общества, международное право существенно отстает²². В международных отношениях отсутствуют центральные органы, осуществляющие пересмотр норм права и приведение их в соответствие с изменяющимися условиями. Эти функции, по мнению рассматриваемых авторов, выполняет принцип эффективности, который понимается как необходимая связь между юридическими нормами и социальной реальностью, связь, которая "прогрессивно стремится к идентичности" или к тождеству²³. Эффективность фактической ситуации рассматривается ими как юридическое понятие, принцип, которому должна соответствовать норма международного права. Если из двух государств одно обосновывает свои притязания исходя из факта владения, а другое — исходя из права, пишет Ш. де Вишер, то чаще всего Международный Суд склонен отдавать предпочтение первому²⁴. Характерно также следующее высказывание автора: "Обязательный характер договоров о мире, заключенных под принуждением над побежденными, объясняется не их согласительным происхождением, а эффективностью порядка, который договор о мире в состоянии установить"²⁵.

Существуют различные взгляды на понятие и место принципа эффективности в международном праве. Одни авторы (Г. Кельзен) определяют эффективность как основной принцип международного права, необходимое условие действительности любой правовой системы. Другие авторы (Л. Оппенгейм, Г. Фенвик, М. Эйккерст, Дж. Верзижль) склонны отдать ему более скромное место в международном праве: применение эффективности не должно идти дальше того частного явления, когда специфические условия фактического характера "встроены" в позитивное международное право. Третьи авторы полагают, что концепция эффективности в целом является не полезным (Д. Вильдеман)²⁶, а разрушающим международное право понятием (М.Шемилье-Жандро)²⁷.

Исследователи отмечают ряд функций эффективности: стабилизирующая, созидательная и ревизионная, обеспечения связи и тождества между нормами международного права и социальной действительностью. Эффективность проявляет свою созидательную функцию, содействуя созданию новых правил и юридических ситуаций, пишет Ж. Тускоз. Если два правопритязания находятся в конфликте, то более эффективное из них имеет тенденцию обладать преимуществом²⁸. Значение эффективности, пишет Дж. Бучез, едва ли можно переоценить, потому что она, с одной стороны, обладает

стабилизирующей функцией, а с другой — придает некоторую гибкость действующим нормам. Поддержание и строгое применение системы нормы права без учета изменяющейся действительности приводит к непониманию реального развития. Это ведет к ненужной стабилизации, так как возрастающая напряженность между правом и действительностью неизбежно оборачивается нарушениями права в обществе²⁹.

Бесспорно, проблема взаимосвязи юридических норм с социальной реальностью, фактическими отношениями имеет результатом эффективность действия международного права. Право — это надстроечное явление, практическая значимость которого определяется его соответствием регулируемым им общественным (международным) отношениям. Только та норма права будет действовать, которая отражает реально сложившиеся в обществе отношения. Следовательно, постоянная связь с объектом регулирования является необходимым условием эффективности. Между тем в работах указанных выше авторов не уделяется достаточного внимания этим вопросам. Принцип эффективности (*effectivité*), с одной стороны, и эффективность действия права, его результативность (или, по словам авторов, степень приближения нормы права к социальной цели — *efficacité*) — с другой, рассматриваются ими как два самостоятельных вопроса, с чем нельзя согласиться. Вызывает также возражение стремление авторов расширить толкование принципа эффективности, представить его как всеобщий принцип, регулирующий отношения и противоречия, возникающие между социальной действительностью и международным правом. Это находит свое проявление, в частности, в стремлении придать фактическим отношениям нормоустанавливающую силу, в недооценке роли государственной воли в международном нормотворческом процессе. С этим также нельзя согласиться, поскольку такой подход приводит к размыванию границ между законным и незаконным в международных отношениях. Признание безусловного приоритета фактической ситуации над релятивной целесообразностью правовой ситуации, вытекающей из нормы международного права, служит зачастую оправданием отхода государств от установленных ими же норм международного права под предлогом несоответствия этих норм изменившимся фактическим обстоятельствам³⁰. Поскольку право должно учитывать социальные факты, пишет М. Шемилле-Жандро, целью субъектов права, не желающих соблюдать юридические нормы, станет стремление изменить всеми возможными путями фактическую ситуацию, а затем, добившись этого, ссылаться на неэффективность юридического правила, содержащегося в норме права, и требовать в связи с эффективностью новой ситуации формулирования другой нормы права³¹.

На наш взгляд, ошибочно рассматривать эффективность как общий принцип международного права, в качестве “конститутивного элемента права”. Можно говорить лишь об отдельных предусмотренных международным правом случаях его применения. Это случаи, когда действительное (фактическое) осуществление государственной власти является условием применения определенной группы норм международного права. Так, в международном праве прошлого века действовало правило, закрепленное в Декларации о морской войне 1856 года, согласно которому эффективность морской блокады служила условием ее действительности. Другой пример связан с признанием новых правительств. Международное право не вмешивается во внутреннюю борьбу, вследствие которой в государстве — субъекте международного права приходит к власти новое правительство. Поэтому оно считает представителем государства в международных отношениях то правительство, которое эффективно и самостоятельно осуществляет власть³².

Другой случай применения эффективности связан с разрешением споров между государствами по поводу дипломатической защиты лиц с двойным гражданством. В ряде случаев решения этих споров в судах и арбитражах основывались на принципе эффективного гражданства³³. Считается, что наиболее ярким признаком эффективного гражданства является постоянное или обычное проживание гражданина в государстве, гражданство которого он имеет. Но возможны и другие признаки. Так, ст. 3 Статута Международного Суда ООН предусматривает: “Лицо, которое можно рассматривать, в применении к составу Суда, как гражданина более чем одного государства, считается гражданином того государства, в котором он обычно пользуется своими гражданскими и политическими правами”³⁴. Приведенные примеры показывают, что эффективность отражает характер существующей фактической ситуации, которой придается юридическое значение. Лишь в таком ограниченном смысле должен использоваться термин “принцип эффективности”.

Важно подчеркнуть, что применение “принципа эффективности” должно проводиться в строгих рамках режима международной законности, определяемых современным международным правом, и прежде всего его основными принципами. В старом международном праве, руководствуясь общеправовым принципом *ex injure jus non oritur*, любое государство имело право не признавать ситуации фактических и юридических последствий, наступивших в результате правонарушения. В наши дни встречаются попытки ревизии этого бесспорного положения. Так, П. Корбет утверждает, что “право должно приспособливаться к новым ситуациям”, что “если нарушения международного права признаются большинством, то новая норма заменяет старую”³⁵.

Принцип законности, считал Г. Кельзен, действует только в том случае, когда правопорядок, установленный в соответствии с основной нормой, является эффективным, принцип законности ограничен принципом эффективности³⁶. Эта теоретическая конструкция послужила основой для довольно реакционных выводов, в частности вывода о том, что эффективность легализует нарушения международного права. Государство может законно приобрести территорию в результате неправомерного акта, писал Г. Кельзен, если оно сможет эффективно удержать ее. Принцип *ex injuria jus non oritur*, защищаемый многими юристами, по мнению автора, не применяется в международном праве, а если и применяется, то с важными исключениями³⁷.

Такая позиция вызывала обоснованную критику со стороны других ученых. Так, Дж. Верзижль видит ее опасность для международного права в тех случаях, когда ссылаются на принцип эффективности для оправдания бездействия в отношении фактических ситуаций, вызванных неправомерными актами. Законность, считает автор, должна быть поставлена впереди эффективности, а не наоборот³⁸.

В соответствии с современным международным правом посягательство на международный правопорядок не только не создает прав и правовых титулов для правонарушителя, но является основанием для его международно-правовой ответственности. Современное международное право не ограничивается непризнанием последствий правонарушения, но предоставляет любому государству право применять определенную санкцию против нарушителя.

Бесспорно, проблема взаимосвязи и путей разрешения противоречий между юридическим и фактическим является актуальной для международного права, в котором отсутствуют развитые механизмы правотворчества и правореализации, как во внутригосударственном праве. Можно очертить в общем плане пути разрешения противоречий между юридическим и фактическим в международной сфере. На наш взгляд, ими являются: 1) совершенствование каждого компонента данной связи (т.е. и международного права, и системы международных отношений); 2) определение наиболее оптимальных способов их согласования, выявление наиболее эффективных средств их взаимодействия.

Как отмечалось выше, в работах зарубежных ученых уделяется значительное внимание методам исследования эффективности международного права, в частности методу социологического анализа.

Многие авторы (Д. Шиндлер, Ю. Стоун, Э. Бленк-Кнокке, О. Лисицын, Р. Якемчук) связывают с использованием этого метода определенные надежды. Так, Д. Шиндлер считает, что вклад международного права в сохранение всеобщего мира может быть исследо-

ван лишь с помощью социологического метода³⁹. По мнению другого юриста, Ю. Стоуна, необходимо систематическое развитие социологического метода в связи с международным правом, которое трудно переоценить с точки зрения его воздействия на будущее человечества⁴⁰. Значительное внимание социологическим методам анализа международного права уделяется в работе западногерманского юриста Э. Бленк-Кнокке⁴¹. По ее мнению, проблема эффективности касается связи международного права с реальностью и поэтому должна изучаться социологией международного права. Она рассматривает международное право как средство социального преобразования, изменения в мире. Для того чтобы иметь точное представление о возможностях международного права, по ее мнению, необходимо исследовать механизм “мирного изменения” (“placeful change”), возможности применения международного права как средства “социальной инженерии” (“social engineering”), процедуры создания новых норм путем кодификации международного права в рамках международных организаций⁴². Каковы же исходные предпосылки научного анализа эффективности международного права в работах Э. Бленк-Кнокке и других зарубежных юристов-социологов?

Оценка регулирующих возможностей международного права, считает Э. Бленк-Кнокке, во многом зависит от правильного понимания его особенностей и социальной среды, в которой его право действует. Каковы же эти особенности? В отличие от национальной (вертикальной), международное право — горизонтальная (мультицентричная) правовая система. В ней политическая власть локализована в структурных единицах — государствах⁴³. Она характеризуется отсутствием центральных законодательных органов, наличием постоянного взаимодействия (коммуникацией) между государствами и другими признаками. Этим определяются такие черты и свойства международного права, как особая близость к реальности, незначительные возможности влиять на процессы изменения среды, зависимость от этических принципов и т.д.⁴⁴ Что касается международной системы, то она трактуется в терминах “общество” и “сообщество”, которые понимаются как система взаимодействия людей. Различие между этими понятиями проводится исходя из таких критериев, как степень организованности, характер связей между членами сообщества и общества и т.д. По мнению Э. Бленк-Кнокке, современной системе международных отношений более присущи элементы “общества”. Указанные характеристики системы международных отношений, пишет автор, имеют определенное значение для эффективности международного права. Интересы государств имеют решающее значение в международной системе. Это проявляется, в частности, в том, что государства имеют преимущество в отношении легитимации своих индивидуальных интересов перед

интересами международного общества как целого⁴⁵. Вследствие этих и других причин созидательные возможности международного права, пишет автор, оказываются весьма незначительными. Однако следует учитывать степень интеграции, поскольку на различных ступенях интеграции действуют различные факторы, влияющие на эффективность развития международного права⁴⁶.

По мнению автора, поведение государства в международной сфере и его отношение к международному праву, а следовательно, эффективность норм международного права зависят от таких обстоятельств, как распределение власти и характер структуры международной системы, сходство в стиле взаимодействия (т.е. сходство интересов) государств, стабильность внутренней структуры государства и т.д.⁴⁷ Так, неравномерное распределение власти между государствами вызывает дестабилизацию системы (может, например, способствовать совершению актов вмешательства) и благоприятствует нарушениям международного права⁴⁸. Следовательно, для эффективности международного права, по мнению Э. Бленк-Кнокке, требуются определенная симметрия в распределении власти, примерное равенство сторон и т.д.

¹ Более подробный анализ информационного и социально-психологического подходов к изучению эффективности международного права дается нами в книге "Методология исследования теоретических проблем международного права" (изд-во Казанского университета, 1986). См. в ней гл. 3: "Эффективность норм международного права и некоторые методы ее исследования".

² *Ricardo Frailé. L'effectivité des normes prohibitive en droit de la guerre et de desarmement. Etude de la question des armes biologiques et chimiques. These. — Vol. 1—2. — Paris, 1981.*

³ *Frei Daniel. Zur Regelung der Gewaltaktivität Kriegsvölkerrechtlicher Normen-ein Überblick; Kleine Studien zur Politischen Wissenschaft. — Bd. 3. — Zürich, 1972; Bussahardt W. Zur Effectivität des Kriegsvölkerrecht, Möglichkeiten Empirischer Forschung; Kleine Studien zur Politischen Wissenschaft. — Bd. 21. — Zürich, 1973.*

⁴ *Bull H. The Anarchical Society; A Study of Order in the World Politics. — N. Y., 1977. — P. 137.*

⁵ *Ibid.* — P. 137, 142.

⁶ *Coplin W.D. The Functions of International Law: An Introduction to the Role of International Law in the Contemporary World. — Chicago, 1990. — P. 24.*

⁷ *Ibid.* — P. 7.

⁸ *Ibid.* — P. 19, 20.

⁹ *Friedmann W. De l'Efficacité des Institutions Internationales. — P., 1970. — P. 26.*

¹⁰ *Ibid.* — P. 48, 56.

- ¹¹ *Ibid.* — P. 56, 141.
- ¹² *Ibid.* — P. 133.
- ¹³ *Ibid.* — P. 12, 136.
- ¹⁴ *Schwarzenberger G.* International law and order. — L., Stewens, 1976. — P. 6, 8.
- ¹⁵ *Falk R.A.* Future Worlds. — N. Y., 1976. — P. 270.
- ¹⁶ *Sohn L.* The Effectiveness of International Law//Essays in International Law. — Fariadabad, 1975. — P. 59.
- ¹⁷ *Parry Cl.* The Functions of Law in the International Community//Manual of Public International Law/Ed. by Sorensen. — N.Y., Sn. Martin's Press, 1968. — P. 4.
- ¹⁸ *Friedmann W.* The Reality of International Law-A Reappraisal//Columbia Journal of Transnational Law. — Vol. 10. — No 1. — P. 51—52.
- ¹⁹ *Stewen R., Walter J.S.* The Logic of International Relations, 2-ed. — Cambridge, Massachusetts, Wintrop: Publisher, 1974. — P. 330.
- ²⁰ *Ibid.* — P. 330.
- ²¹ *Bouchez L.J.* The Concept of Effectiveness as Applied to Territorial Sovereignty over Sea-areas, Air Space and Outer Space//Nederlands Tijdschrift voor International Recht. — 1962. — Vol. IX. — Apl. 2/2. — P. 153—154.
- ²² *Barkun M.* International Norms as Facts and Ideals//American Journal of International Law. — 1972. — Vol. 66. — No 4. — P. 43.
- ²³ *Touscos J.* Le principe d'effectivité dans l'ordre international. — P., LGDJ, 1964. — P. 9.
- ²⁴ *Vossher Ch.* Theorie et réalités en droit international public. — P., Pedone, 1970. — P. 326.
- ²⁵ *Ibid.* — P. 320.
- ²⁶ *Wildeman J.* The Philosophical Background of Effectiveness//NILR. — 1977. — Vol. XXIV. — P. 339.
- ²⁷ *Monique Chemillier-Gendreau.* Le rôle de l'effectivité en droit international//Realité du droit international contemporain (force obligatoire et sujets de droit), Actes des 2 et 3 rencontres de Reims. — P. 79.
- ²⁸ *Touscos J.* Le principe d'effectivité dans l'ordre international. — P., 1964.
- ²⁹ *Bouchez L.J.* The Concept of ... — P. 158.
- ³⁰ Например, Дж. Кунц полагает, что кризис права, к которому относится его несоблюдение, есть высшая стадия нормальной трансформации права. См. *Kunz J.* The Changing Law of Nations//American Journal of International Law. — Vol. 61. — 1957. — P. 18.
- ³¹ *Monique Chemillier-Gendreau.* Op. cit. — P. 83.
- ³² См. *Курс международного права.* — Т. 3. Основные институты международного права. — М., Наука, 1990. — С. 109.
- ³³ Примером применения принципа эффективного гражданства может служить решение Международного Суда ООН по делу Ноттебока. См. *I. C. J. Reports.* — 1953. — P. 32.
- ³⁴ Статут Международного Суда ООН.
- ³⁵ *Corbet P.* Law in Diplomacy. — Princeton, 1959. — P. 79.
- ³⁶ *Kelsen H.* Principles of International Law. — N.Y., 1952. — P. 416.
- ³⁷ *Ibid.* — P. 216.

³⁸ *Verzijl J.H.M.* International Law in Historical Perspective. — Leyden, 1968. — Vol.1. — P. 293ff.

³⁹ *Schindler D.* Contribution a l'etude des facteurs sociologiques et psychologiques du droit international//RCADI-46. — 1933. — P. 237.

⁴⁰ См. *Stone Ju.* Problems Confronting International Law//RCADI-89. — 1956. — P. 138.

⁴¹ *Blenk-Knocke E.* Zu den soziologischen Bedingungen völkerrechtlicher Normenbesorgung. Die Kommunikation von Normen. — Ebelsbach: Verlag Rolfgremer, 1979.

⁴² *Ibid.* — S. 206—212.

⁴³ *Ibid.* — S. 84.

⁴⁴ *Ibid.* — S. 67, 70, 80.

⁴⁵ *Ibid.* — S. 84.

⁴⁶ *Ibid.* — S. 85.

⁴⁷ *Ibid.* — S. 95—102.

⁴⁸ *Ibid.* — S. 100.

г. Казань.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 года.

В ЗАЩИТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ю.А. Решетов*

Современное международное право является продуктом длительного развития отношений между его субъектами.

В нем можно выделить некоторые принципы, институты и нормы старого международного права, которые, несомненно, имели общедемократическую ценность. Однако создание его основных принципов и норм, имеющих основополагающее значение для поддержания международного правопорядка, пришлось на период после второй мировой войны. Решающее влияние на него оказали победа над фашизмом, крах колониальной системы, образование Организации Объединенных Наций, являющейся ключевым инструментом мира и международной безопасности. Начавшиеся под влиянием перестройки в Советском Союзе процессы скоро приобрели международное измерение, в результате чего принципы и нормы современ-

*Доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Исландии. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1993 г.

ного международного права были не только конкретизированы в европейском контексте, но и значительно развиты в новых исторических условиях. Общеввропейский процесс в то же время подтвердил их всеобщую пригодность и непреходящее значение для поддержания мира и безопасности, обеспечения нормальных, дружественных отношений между государствами, продвижения человечества по пути демократии и прогресса.

Несмотря на кровопролитные, часто длящиеся годами конфликты, характерные для последних лет, ничто не способствует общему развитию человечества по восходящей линии в такой мере, как приверженность этим принципам и нормам. Такие принципы, как неприменение силы, нерушимость границ, территориальная целостность, мирное урегулирование споров, суверенное равенство, равноправие, самоопределение, сотрудничество между государствами, права человека, добросовестное выполнение международных обязательств, лежат в основе международного правопорядка.

Этот международный правопорядок, как и всякий правопорядок, обладает качеством универсальности, в соответствии с которым его субъекты несут равные права и обязанности. Их правовое положение в международной системе обеспечивается этим правопорядком, в основе которого лежат перечисленные выше принципы.

Такие качества современного международного права, его принципов и норм, которые должны гарантировать поддержание адекватного им правопорядка, были обеспечены в ходе их выработки не в последнюю очередь благодаря тому, что она происходила в условиях двуполярного мира, когда намерения и действия одной стороны, желавшей придать разрабатываемым правилам проведения выгодный ей характер, нейтрализовались другой стороной, в результате чего эти принципы и нормы приобретали общедемократический характер. Противостояние двух основных военно-политических блоков, обеспечиваемый им баланс сил приводили и к тому, что на стадии выполнения основных принципов и норм международного права достигалось в конечном счете следование тем правилам поведения государств, которые были сформулированы в этих принципах и нормах. Долголетняя практика приучала великие державы к пониманию того, что имплементация этих норм на практике соответствовала как интересам всех держав, так и интересам поддержания стабильности и миропорядка в мировом масштабе.

Коренные перемены в международных отношениях, последовавшие вслед за историческими процессами в нашей стране, изменили это положение. С одной стороны, произошло оздоровление международной обстановки, большой вклад в которое внесла Россия, началось строительство нового миропорядка. В советские времена наши представители на международных форумах способствовали

тому, чтобы разрабатываемые нормы и принципы обладали качествами и параметрами, обеспечивающими их общедемократическое содержание. Однако при их практическом выполнении именно эти качества и параметры сплошь и рядом выходились вследствие настроений руководителей страны, что приводило к авантюрам во внешней политике и невыполнению взятых на себя обязательств, в частности по вопросам прав человека, — во внутренней.

К тому же вследствие ослабления международных позиций России по сравнению с Советским Союзом, и в первую очередь уменьшения ее военной мощи, ликвидации Варшавского договора, вывода наших войск с территории Центральной и Восточной Европы, у другой стороны усилилось искушение действовать в международных делах исходя в первую очередь из своих эгоистических интересов и пренебрегая нормами и принципами общего международного права. Это прежде всего относится к США, которые и ранее многократно проявляли волюнтаристский подход к международному праву, сдерживаемый, однако, во многих случаях усилиями восточного блока. Теперь же влиятельные круги в этой ведущей западной стране, видимо, решили, что можно освободиться от пут международно-правовых предписаний.

Причин такого курса США несколько. Не вдаваясь в их детальную характеристику, можно назвать глубокую идеологизированность американцев (лозунги о деидеологизации раньше выдвигали только применительно к бывшим государствам советского блока), когда на первое место, в том числе при определении внешнеполитических акций, выносятся американские идеалы, американский образ жизни, по-американски трактуемые права человека. С этим же связано и явное стремление обеспечить гегемонистское положение США в мире вопреки требованиям международного права, в принципе запрещающего гегемонизм. В своей внешней политике американцы исходят также в первую очередь из потребностей своей экономики, обеспечивая ее стабильное функционирование, лежащее в основе руководящей роли США в мировых делах.

К сожалению, на международном уровне существовавшие ранее сдерживания и противовесы американским внешнеполитическим акциям оказались в результате перемен близкими к нулю, и США удалось по многим направлениям серьезно подорвать международный правопорядок, часто при непотворении или даже содействии международного сообщества и не в последнюю очередь международных организаций.

Примеров таких действий США много. Остановимся лишь на главнейших из них.

По существу, отказавшись от выполнения своих международных обязательств, США задолжали громадные суммы в ООН. Затем,

несколько изменив тактику, они сделали вопрос о погашении своего долга предметом торговли с ООН, добиваясь в ответ на это проведение в этой универсальной организации изменений в желательном для них направлении. Американцы по-прежнему, поучая всех и каждого на тему о правах человека, не выполняют своих международных обязательств и не представляют доклады в этой области по уже ратифицированным универсальным конвенциям.

Серьезную угрозу международному правопорядку несет практикуемое американцами при ратификации международных договоров формулирование оговорок, вряд ли совместимых с их объектом и целями. Такие оговорки были сделаны США при ратификации, например, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а также Международного пакта о гражданских и политических правах.

Однако, наверное, наиболее тяжелый урон международному правопорядку наносит политика "санкций", проводимая США. Характеру подлинных санкций по современному международному праву отвечают лишь коллективные меры, предусмотренные в соответствии с главой VII Устава ООН в случае существования угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. Такие меры принимались, например, Советом Безопасности ООН против расистских режимов. Американцы, самовольно наделяя себя правами Совета Безопасности, с одной стороны, проводят под видом санкций по существу односторонние карательные меры против ряда государств, которые являются откровенно противоправными. С другой же стороны, используя геополитическую обстановку, им удавалось проводить неправомерные решения о принудительных мерах против тех или иных государств через органы ООН, и прежде всего через Совет Безопасности, и, к сожалению, порой без противодействия России. Очевидным в этом смысле было решение о направлении войск на Гаити со ссылкой на главу VII Устава ООН. В том же ряду стояло решение о расширении зоны воздушного патрулирования в Ираке со ссылкой на ст. 51, в которой речь идет о самообороне в ответ на вооруженное нападение, чего Ирак определенно не делал.

При протаскивании решения об интервенции против Панамы американцы делали в свое время упор на то, что глава страны Норьега занимался, мол, наркобизнесом (напомним для сравнения, что примерно в то же самое время причастным к наркоделам оказался мэр Вашингтона. Как бы взглянули американцы на организацию интервенции против США на этом основании?). С другой же стороны, американцы и в этом, и другом случае использовали аргументы гуманитарного характера, оправдывающие такое вмешательство. Например, организуя интервенцию против беззащитной Гренады, США утверждали, что существовала якобы угроза американским студентам, обучавшимся в этой стране.

Так называемые “гуманитарные” интервенции неоднократно предпринимались государствами в прошлом под знаменем спасения своих граждан. Однако они допустимы, на наш взгляд, лишь при соблюдении нескольких вполне определенных условий. К их числу можно отнести необходимость их осуществления, то есть отсутствие возможности разрешить гуманитарную ситуацию другим способом, более соответствующим требованиям международного права, подлинно гуманитарные цели операций и их пропорциональность. Последние два условия означают, например, что недопустимо под предлогом оказания гуманитарной помощи свергать правительство страны.

И в аргументах политиков, и в выступлениях СМИ практически постоянной является тема терроризма. Напомним, что терроризм имеет несколько основных форм. Террористические акты, к сожалению, вошли в жизнь многих стран, и против них применяются соответствующие меры на национальном уровне. На международном уровне осуществляются захват заложников, угон самолетов и судов, нападение на дипломатических агентов, что наносит значительный ущерб правопорядку и в конечном счете касается всех стран. Против таких акций международное сообщество принимает меры, в том числе путем выработки универсальных конвенций.

Еще большую опасность представляют террористические акты международного характера, когда к их осуществлению причастны те или иные государства в лице своих организаций и представителей, однако и в их отношении меры воздействия международного сообщества регламентируются. Так, американцы с упорством организуют санкции в отношении Ливии в связи с террористическим актом против американского самолета над Шотландией в 1988 году. Однако если бы даже и было доказано причастие ливийских властей к этому акту, то, хотя многосторонние конвенции 1970 и 1971 годов против незаконных актов в отношении безопасности гражданской авиации и предусматривают ряд мер по борьбе с ними (уголовное преследование на национальном уровне, включение в договоры о выдаче и правовой помощи в связи с уголовно-процессуальными действиями, международное арбитражное разбирательство и разбирательство в Международном Суде), их юридическая квалификация как серьезных преступлений международного характера не предполагает применения к ним международных санкций.

Наибольший вред международному сообществу наносят действия тех или иных государств, берущих на свое вооружение террористические методы, в результате чего они превращаются в полномасштабные международные преступления, ставящие под угрозу международный мир и безопасность. Речь идет о государственном терроризме. Именно в отношении таких международных преступле-

ний должны применяться все предписываемые международным правом меры принуждения.

Национально-освободительное движение, сторонники которого, конечно, должны соблюдать нормы международного права, и не в последнюю очередь гуманитарного, законы в области ведения военных действий, не стало, несмотря на все перемены в международных отношениях, явлением вчерашнего дня и продолжает действовать. Поэтому, когда, например, в комментариях СМИ по поводу событий на Ближнем Востоке одна сторона постоянно представляется в качестве регулярных, так сказать, цивилизованных войск, а другая — в качестве если не террористов, то, по крайней мере, “боевиков”, такая подача событий явно не отражает точку зрения международного права. Не следует забывать и того, что, хотя общепризнанного определения терроризма не существует, органы ООН в течение многих лет занимались этим вопросом, формулируемым следующим образом: “Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей, или приводит к их гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин тех форм терроризма и актов насилия, которые происходят из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждают некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен”.

Не оправдывая проявлений терроризма, международное сообщество, тем не менее, таким образом при характеристике этого сложнейшего явления побуждало не забывать и обстоятельства, которые вызывают такие проявления.

По чьей-то воле или по неведению даваемая часто односторонняя трактовка многих явлений международной жизни характеризуется прежде всего замалчиванием международно-правовой оценки этих ситуаций. Будь такая оценка дана, это, наверное, повлияло бы в значительной, если не решающей, степени на представления о них мировой общественности.

Так, последнее обострение обстановки на Ближнем Востоке, вызванное решением израильского правительства о создании новых еврейских поселений, обычно трактуется в качестве столкновения интересов израильтян и арабов. Обходится молчанием тот факт, что для этой ситуации существует совершенно однозначная правовая оценка. Это решение представляет собой намерение изменить демографическую ситуацию на оккупированных территориях, оно абсолютно противоправно в свете категорического запрещения международным правом попыток оккупирующей стороны “перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию”. Такой запрет содержится в ст. 49 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во

время войны. Поэтому меры по нарушению этого запрета должны рассматриваться в контексте военных преступлений.

Следует особо сказать о роли международной юстиции.

Международный Суд в Гааге зарекомендовал себя как подлинный орган международного правосудия. В 1984 году, например, он в ответ на действия США против Никарагуа, в частности минирование никарагуанских портов, вынес решение о прекращении такого минирования, а также решение, осуждающее какие-либо посягательства на суверенитет и политическую независимость Никарагуа с помощью любых военных или полувоенных действий, а также угрозы силой. Вашингтон отказался тогда признать постановление Международного Суда*.

Практика деятельности же Международного трибунала по бывшей Югославии не свидетельствует о добросовестном выполнении им основной цели, поставленной при его создании Советом Безопасности в резолюции 827 от 25 мая 1993 г., — содействовать восстановлению и поддержанию мира.

В связи с югославской трагедией наибольшее внимание мирового сообщества было приковано к феномену этнических чисток.

Дать его точную правовую характеристику, определить его в терминах международного уголовного права — не просто, учитывая тот факт, что военные преступления и преступления против человечности имеют с ним много общего. Однако если многообразные военные преступления могут носить единичный характер, да и преступления против человечности, например геноцид, могут выражаться, скажем, в убийстве одного члена национальной и этнической группы, то этническая чистка уже по своему определению явление массовое. Поэтому выделение этнических чисток в особый состав позволило бы исключить проявления предвзятости по отношению к лицам, совершавшим преступления на территории бывшей Югославии, преследовать именно тех из них, кто виновен в совершении этого массового преступления. Факты в отношении систематического применения этнических чисток могут быть установлены в цифрах жертв, которые им подверглись. Одной из самых первых массовых этнических чисток было массовое выдворение из Хорватии сербов, живших в ней в течение веков, а самым последним такого рода актом явилось изгнание нескольких десятков тысяч сербов из Сараево уже после подписания Дейтонских соглашений.

Однако такого выделения этнических чисток в самостоятельный состав при разработке Устава Трибунала по бывшей Югославии сделано не было, хотя это и следовало из резолюций Совета Безопасности. Отсутствие же юридического определения этнических чисток дает возможность концентрировать внимание мировой об-

*International Court of Justice. Communiqué 84/18, May 10, 1984.

щественности на привлечении к ответственности за единичные преступления, виновность за совершение которых трудно устанавливаемая, что и создает впечатление о причастности к преступлениям прежде всего представителей одной этнической группы, принимавшей участие в этой трагедии.

Не представляет также труда с точки зрения юридической техники обвинить в совершении тягчайших преступлений руководителей хорватов и боснийцев. Ведь индивидуальной ответственности за преступления в соответствии со ст. 7 Устава Международного трибунала подлежат лица, которые не только их совершили, но и планировали, подстрекали, приказывали или иным образом содействовали или подстрекали к планированию, подготовке или их совершению. Однако этого судом сделано не было.

Создавая Трибунал, Совет Безопасности отнюдь не собирался передавать ему всю юрисдикцию в отношении судебного преследования лиц за серьезные нарушения международного гуманитарного права в бывшей Югославии. Уставом прямо предусматривается участие в этом процессе и национальных судов.

Эта часть решения Совета Безопасности, однако, не получила никакого развития, а в результате односторонней ориентации суда (а ведь по статусу судьи должны проявлять беспристрастность) в мировых СМИ практически ежедневно мелькают лишь сербские имена. Такая тенденциозная практика порочна и исключительно опасна с точки зрения сохранения надежд на мирное развитие событий в этом взрывоопасном районе Европы.

Новые вопросы вызывает то, что (как показали действия западников по аресту в начале июля 1997 года нескольких сербов, один из которых был убит) Трибунал ведет, так сказать, двойную бухгалтерию. Наряду с опубликованным списком обвиняемых у него оказался другой, тайный список, о котором ничего не известно. Такие действия противоречат мандату Международных сил по стабилизации, в частности Правилам процедуры и доказывания Трибунала, и уже привели к обострению обстановки в Боснии.

Можно поэтому с определенностью сказать, что деятельность Международного трибунала оставляет сомнения в его беспристрастности, что вряд ли способствует достижению поставленной Советом Безопасности цели.

Что может быть предпринято Россией в ответ на это явное умаление роли международного права в вопросах, представляющих первостепенное значение для мирового сообщества, ослабление нового международного правопорядка, который начал в муках складываться благодаря усилиям большинства государств?

Прежде всего России, ее официальным представителям, ее общественному мнению и СМИ следует осознать, что такая тенденция

направлена против ее национальных интересов, интересов ее партнеров в различных районах мира и что, напротив, усиление роли международного права и укрепление вследствие этого международного правопорядка отвечает в большинстве случаев этим интересам.

Следствием такого понимания должно стать неуклонное следование представителями России, и в первую очередь в ООН и ее главном органе — в Совете Безопасности, принципам и нормам международного права вопреки оказываемому на них давлению сил, заинтересованных в еще большем размывании правовых основ международных отношений.

Отношения с НАТО, российский федерализм, толкование принципа самоопределения, прежде всего применительно к Чечне, отношения с бывшими республиками Советского Союза, в частности с Прибалтийскими странами (границы, положение русскоязычного населения), терроризм, права человека, гражданство (в том числе двойное), события в Югославии (в том числе наказание военных преступников), отношения с Китаем, Ираком, Ираном, Кубой — все это лишь часть проблем, которые должны рассматриваться с точки зрения международного права и интересов национальной безопасности России. Их международно-правовая проработка сделала бы российские акции более результативными и пользующимися доверием международного сообщества.

Одновременно такая обоснованная с точки зрения принципов и норм международного права позиция России подталкивала бы в какой-то степени и другие страны, и прежде всего США, к отходу от нигилистического отношения к международному праву, к соблюдению своих международных обязательств и поддержанию международного правопорядка. Все это позволило бы внести большой вклад в поддержание международного престижа России и защиту ее национальных интересов.

Далее. Следовало бы усилить сотрудничество наших государственных органов, осуществляющих функцию поддержания внешних сношений страны, и прежде всего МИД России, с учеными-международниками в Дипакадемии, МГИМО, Институте государства и права и т.д. Должно стать правилом, что какие-либо более или менее важные внешнеполитические акции страны не могут осуществляться без их международно-правовой проработки на широкой межведомственной основе и при обязательном привлечении юристов-международников. Следует подумать над введением практики, имеющейся, по существу, во многих государствах мира, когда видные дипломаты с правовым опытом командировются на определенный период времени в высшие учебные заведения, а юристы-международники направляются в дипломатические ведомства. Несколько лет назад при проведении научно-практических конференций в

МИД одна из их секций занималась исключительно правовыми вопросами. Затем от этой практики отказались, как бы подчеркивая соответствующее отношение к международному праву. Следовало бы подумать о ее возобновлении.

Особо надо было бы проанализировать вопрос о том, что может быть сделано в направлении ориентации средств массовой информации об экспертной оценке с точки зрения как международного, так и внутреннего права главных событий, освещаемых ими. Если такая оценка будет оперативно делаться и доводиться до сведения СМИ, то соответственно будет сокращена возможность волюнтаристского в правовом плане их освещения.

В одобренной 7 мая 1997 г. на заседании Совета Безопасности России концепции национальной безопасности Российской Федерации говорится: "Национальные интересы Российской Федерации в международной сфере требуют проведения активного внешнеполитического курса на обеспечение важнейших национальных интересов, упрочения позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира". Опора на международное право при выполнении этой задачи будет для России исключительно полезной.

г. Рейкьявик

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.

Международно-правовые проблемы СНГ

О СУДЕБНОМ МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РОССИЯНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

М.И. Клеандров*

Статья 2 Конституции РФ 1993 г. провозглашает: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства”. Учитывая, что статья 15 этой Конституции впервые закрепила ее высшую юридическую силу и ее прямое действие и применение на всей территории России и что статья 18 этой Конституции указала: “Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием”, следует констатировать: фундамент законодательной базы, более того, приоритета прав россиянина создан, дело за его воплощением в жизнь, что без эффективного механизма реализации и охраны, тем более мощного организационно-правового механизма защиты в случае их нарушения, не осуществимо. Кроме того, статья 45 Конституции РФ прямо гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации; государственная защита прав и свобод россиянина — обязанность не только федеральных органов: в соответствии с пунктом “б” части 1 статьи 72 Конституции РФ защита прав и свобод человека и гражданина является предметом совместного ведения Федерации и ее субъектов.

То обстоятельство, что Федеральным законом “Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации” предусмотрена должность уполномоченного по правам человека в субъектах Федерации, в определенном смысле выводит проблему создания механизма защиты прав человека в России из плоскости абстрактно-благост-

*Член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Подробнее об авторе см. № 1 нашего журнала за 1998 г.

ных или, наоборот, крикливо-демагогических рассуждений в плоскость реальной задачи. А то обстоятельство, что с вхождением в Совет Европы Россия автоматически подпадает под юрисдикцию Суда Совета Европы (Страсбургского Суда по правам человека, как его обычно именуют), делает проблему реального обеспечения для российских граждан — любого и каждого — возможности “достучаться” до суда, способного по-настоящему эти права защищать, для системы органов российского правосудия злободневной, актуальной и жизненно важной.

Нужно со всей определенностью признать, что в настоящее время (как, впрочем, и в прошлом) ни одно из государств бывшего СССР не может похвастаться успехами в обеспечении соблюдения закрепленных собственным законодательством прав человека (как своих граждан, так и иностранцев, а также лиц без гражданства) на своей территории. Также нет сомнений в том, что закрепленные ныне в конституциях практически всех государств Содружества Независимых Государств (СНГ) права и свободы человека без создания действенного механизма их внутригосударственного обеспечения останутся декларативными, как остались декларативными права и свободы гражданина СССР, закрепленные Конституциями СССР 1936 и 1977 годов. Это тем более опасно, что впервые закрепленные действующими конституциями государств Содружества (наиболее выпукло это зафиксировано в Конституции Российской Федерации 1993 г.) права и свободы человека и гражданина приближены к международным стандартам.

Само собой разумеется, что обеспечение охраны прав и свобод граждан прежде всего задача государства, о правах и свободах граждан которого идет речь. Более того, органы международного сообщества рекомендовали правительствам поощрять создание национальных учреждений по защите прав личности. Одна из таких организаций в России — Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации, Положение о которой в новой редакции утверждено 18 октября 1996 г. Но эта комиссия — совещательный и консультативный орган. В ее официальном докладе “О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994—1995 годах” констатируется: “10. Приостановлен процесс создания и укрепления национальной системы государственных органов по защите прав человека. Некоторые из действующих в этой сфере структур прекратили свое существование. Не реализовано большинство положений судебной реформы ...”¹. Эта комиссия серьезно (в рамках своих полномочий) функционирует, в настоящее время работает над проектом Федеральной программы действий в области прав человека, где будет определена стратегия и тактика действий и которой должны будут руководствоваться все государ-

ственные структуры, правительственные и неправительственные организации на рубеже XX и XXI веков².

Что касается возможности судебной защиты прав наших граждан, то в том же, названном выше, докладе отмечалось: "Новая Конституция России, к сожалению, сузила функции Конституционного Суда в вопросах защиты прав человека — Конституцией предусмотрен (ч.4 ст. 125) федеральный закон, который должен регулировать порядок обращения в суд с жалобами и запросами на нарушения конституционных прав и свобод граждан, однако соответствующий закон даже не значится в планах законопроектных инициатив"³. Непонятно, правда, почему не дана оценка причин бездействия Закона Российской Федерации "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" от 27 апреля 1993 г. № 4866-1...

Сказать, что действующий на основе закона 1994 года Конституционный Суд РФ не защищает права граждан, было бы неверно. В отличие от закона 1991 года об этом суде действующий закон не содержит требований об исчерпании всех правовых средств защиты в качестве условия принятия жалобы судом, что внешне облегчает гражданам доступ в Конституционный Суд. Но данный фактор парализуется статьей 3 Закона о Конституционном Суде РФ, в силу которой Конституционный Суд при осуществлении судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов. И хотя статья 3 этого закона начинается с определения целей конституционного правосудия, к которым отнесена также защита основных прав и свобод человека и гражданина, указанное выше обстоятельство да еще малая "пропускная способность" федерального Конституционного Суда делают возможность россиянина найти в нем защиту от нарушения его прав и свобод весьма труднореализуемой.

Конституционные и уставные суды субъектов Федерации в этом вопросе также вряд ли станут серьезным выходом из положения; к тому же основной их функцией защита прав и свобод гражданина и человека в силу различных причин не будет. Пункт 1 статьи 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе в Российской Федерации" вообще, как представляется, обозначил исключительные функции конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: а) рассмотрение вопросов соответствия законов субъекта Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления субъекта Федерации конституции (устава) субъекта Федерации; б) толкование конституции (устава) субъекта Федерации. И этот перечень закрыт, рассмотрение дел о нарушениях прав человека и

гражданина в нем не предусмотрено. Может ли законодательство субъектов Федерации "раскрыть" этот перечень — вопрос: тут нужны серьезные исследования.

Разумеется, права человека и гражданина в России сегодня защищаются (причем защищаются реально, а не только декларативно) в уголовном судопроизводстве, в порядке гражданского судопроизводства, в порядке арбитражного судопроизводства, правда, в ограниченном объеме, в сфере исполнительной власти, органами прокуратуры и т.д.; действуют и институты общественного контроля⁴. Как отмечалось выше, работает Комиссия по правам человека при президенте РФ, а скоро начнут функционировать службы уполномоченного по правам человека — федеральная и в субъектах Федерации.

Как бы то ни было, даже идеальное национальное законодательство в вопросе охраны и защиты прав граждан имеет свои пределы хотя бы потому, что человек, ищущий защиты, может не согласиться с решениями органов своего государства, включая судебные, относительно оценки им же его прав и свобод. Соответственно, национальные судебные органы в этом вопросе также ограничены в своих возможностях.

Вообще же с большой долей уверенности можно сказать, что обеспечение прав и свобод гражданина силами и средствами государства — дело отнюдь не только этого государства. Можно даже предположить, что без международно-правового фундамента в этой сфере, без международного контроля за исполнением законодательства в этой области и без определенного международного организационно-правового механизма защиты прав и свобод человека при их нарушении или оспаривании (со стороны государства, как минимум) в полной мере проблема решена быть не может. Необходимы все три названные составляющие в комплексе, но не по отдельности.

Россия сегодня входит как в ООН, так и во множество иных международных и межгосударственных объединений, прежде всего региональных: ОБСЕ, Совет Европы. Но в силу множества причин⁵ для нас исключительно значим факт участия России в Содружестве Независимых Государств (СНГ).

Что касается международно-правовой базы в сфере обеспечения прав человека в Содружестве, то она сегодня внушительна. Прежде всего все или многие государства—участники СНГ тем или иным способом подтвердили свою приверженность соблюдению международных стандартов в области прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1996 года, Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Международ-

ной конвенции о борьбе против всех форм расовой дискриминации 1965 года, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, Конвенция МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятости (вообще же МОТ приняла около 200 конвенций в области социальных и экономических прав), Конвенции о правах ребенка 1989 года и в других основополагающих международных, в основном на уровне ООН, документах о правах человека. Всего же к настоящему моменту существует около 50 международных конвенций и деклараций ООН, защищающих права человека.

Кроме того, в международно-правовую базу в сфере обеспечения прав человека в Содружестве органично входят Декларация глав государств—участников Содружества о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод (Москва, 24 сентября 1993 г.), которой, в частности, гарантируется обеспечение выполнения обязательств в области прав человека и основных свобод, вытекающих из международных договоров и соглашений, участником которых являлся Союз ССР, и “выражается твердое намерение разработать и заключить в ближайшее время Конвенцию Содружества Независимых Государств по правам человека”⁶; Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов от 24 сентября 1993 г.; Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам от 24 сентября 1993 г. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (здесь под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории одной Договаривающейся Стороны и имеющие ее гражданство, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям отличаются от основного населения данной Договаривающейся Стороны, что далеко не бесспорно) от 21 октября 1994 г.⁷, постановление (Бешкекское) Межпарламентской ассамблеи государств—участников Содружества от 15 сентября 1992 г. о социальной защите граждан, в котором, кроме прочего, отмечается, что реализация прав человека в государствах—участниках Содружества не должна вести к вседозволенности, хаосу и анархии, злоупотреблениям, пропаганде насилия, расшатыванию моральных устоев общества, угрозе порядку и стабильности, суверенитету, территориальной целостности государств Содружества и др.

Разумеется, составной частью международно-правовой базы в сфере обеспечения прав человека в Содружестве являются двух- (и более) сторонние межгосударственные соглашения, договоры и другие документы, заключенные в рамках Содружества.

В числе органов, осуществляющих контроль за соблюдением прав человека в государствах Содружества, помимо соответствующ-

щих институтов ООН и СБСЕ (ОВСЕ) необходимо прежде всего назвать Комиссию по правам человека СНГ, Положение о которой утверждено Решением Совета глав государств Содружества от 24 сентября 1993 г.⁸ В соответствии со статьей 33 Устава СНГ Комиссия по правам человека является консультативным органом Содружества и наблюдает за выполнением обязательств по правам человека, взятым на себя государствами-членами в рамках Содружества. Положением о комиссии регламентирован порядок создания комиссии, ее финансирования и организации ее работы, а также некоторые процедурные моменты. С осторожностью можно сказать, что заявленный потенциал этой комиссии в деле обеспечения защиты прав человека на пространстве СНГ весьма серьезен. Но, учитывая, что само Положение о Комиссии по правам человека в соответствии с пунктом 2 Решения Совета глав государств Содружества от 24 сентября 1993 г. вступит в силу по дополнительному решению Совета глав государств СНГ, следует говорить о “замороженности” этого потенциала. На какой срок — покажет будущее. Плохо, что он “заморожен”, но хорошо, что он вообще есть. Можно надеяться, что, образовавшись и начав работать, Комиссия по правам человека Содружества сможет стать органом, контролирующим на должном уровне соблюдение прав и свобод человека в государствах СНГ.

Таким образом, из трех названных выше необходимых для обеспечения соблюдения прав человека в Содружестве международных компонентов один (международно-правовая база) имеется в наличии, второй (Комиссия по правам человека — контролирующий орган) имеется в потенции и, видимо, сможет развернуть свою деятельность, но третий (механизм обеспечения защиты прав человека при их нарушении) не только отсутствует, он даже не “проглядывается”, во всяком случае в документах Содружества. Принятию решения о создании этого гипотетического пока механизма должны предшествовать масштабные научно-правовые исследования. Вообще же по проблематике прав человека в последнее время в России вышло немало работ⁹, и необходимо традиционно для нас определиться, в границах какой (каких) отрасли (отраслей) права данный механизм будет функционировать. Отсюда — какими методами, способами, в каких формах, на базе каких институтов данной правовой отрасли, какими процедурами и т.д. он будет обеспечивать защиту прав гражданина, обратившегося за такой защитой.

На первый взгляд перспективно здесь международное гуманитарное право, знающее много научных школ и немало концепций¹⁰. Однако возник и используется главным образом этот термин для определения норм международного права по защите жертв вооруженных конфликтов именно в смысле “позитивного права”¹¹. Пербор вариантов, позволяющих “идентифицировать” отношения по

проблеме защиты прав человека, тем более на межгосударственном (в рамках СНГ) уровне с какой-либо определенной, по традиционной для научных направлений бывшего СССР классификации, отраслью права вынуждает признать тщетность таких попыток. (Правда, в литературе высказывались иные мнения: Г.И. Тункиным в 1976 г. — о существовании особой отрасли международного права, состоящей из системы принципов и норм, касающихся прав человека; П.Радойновым в 1970 г. и Ж. Пикте в 1966 г. — о существовании особой отрасли права международного гуманитарного права; В.А.Карташкиным в 1976 г. — об отрасли современного международного права, состоящей из совокупности принципов и норм, определяющих обязанности государства по обеспечению и соблюдению основных прав и свобод человека без всякой дискриминации как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, а также устанавливающих ответственность за преступное нарушение этих прав. Но в лучшем случае здесь можно говорить о подотраслях права, поскольку, исходя из современной классификации отраслей науки, международное право само является отраслью права.) Отсюда выводы: а) права человека не охраняются, тем более не закрепляются на сегодня одной отраслью права ни в рамках страны, ни на международной арене: здесь действуют нормы и институты нескольких отраслей законодательства, не “состыкованных” между собой, работающих вне единого комплекса; б) международное гуманитарное право как отрасль науки со всеми его достижениями лишь частично может закрыть потребность в результатах научных исследований по проблематике прав человека в Содружестве; в) организационно-правовой механизм защиты прав и свобод человека при их нарушении либо оспаривании в Содружестве должен базироваться (сегодня, по крайней мере) на комплексной совокупности норм и институтов ряда материально- и процессуально-правовых отраслей права и законодательства.

Органом консультативно-политического объединения нескольких десятков европейских государств — Совета Европы — наряду с Европейской комиссией по правам человека является Европейский Суд по правам человека, известный как Страсбургский Суд. Эти два органа созданы Советом Европы в целях защиты прав и свобод человека от их нарушений в соответствии с подписанной в 1953 году Европейской конвенцией прав человека и связаны друг с другом в том плане, что рассмотрение вопроса в комиссии является необходимой предпосылкой его последующей передачи в Европейский Суд (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит тщательный регламент рассмотрения жалоб, подаваемых в комиссию. Немало там и ограничений: жалоба не принимается, например, если не исчерпаны все доступные внутригосударственные

средства правовой защиты; если не истек шестимесячный срок после принятия решения на национальном уровне; если в жалобе содержатся требования о признании прав, не перечисленных в Конвенции или не признаваемых государствами-участниками; если наличие недостаточная обоснованность жалобы или злоупотребление правом на подачу жалобы и т.д.). За почти четверть века с момента создания этот Суд рассмотрел 118 дел, причем за первые 15 лет было рассмотрено всего 17 дел. Этот Суд является по-настоящему наднациональным органом, наднациональной властью. Во-первых, он “вполне спокойно” выносит решения о нарушениях прав человека органами юстиции государства своего собственного месторасположения: в начале 1995 года им был вынесен вердикт, обязывающий правительство Франции выплатить г-ну Патрику Аллене де Ридемону 2,5 млн. франков за то, что он в 1976 году (! — М.К.) был необоснованно арестован и провел в тюрьме два месяца. Во-вторых, он “вполне спокойно” выносит решения о нарушениях в деятельности национальных судов (! — М.К.) государств — членов Совета Европы. Здесь исключительно важным в плане настоящей проблемы представляется то обстоятельство, что значительная часть дел, рассмотренных Судом, связана с нарушениями статьи 6 Конвенции 1953 года, предписывающей “справедливое и публичное разбирательство дела в течение разумного срока независимым и беспристрастным судом на основании закона”. Европейский Суд по правам человека зафиксировал нарушения в Ирландии (высокие затраты для обращения в суд), Италии (случаи судебного разбирательства в отсутствие обвиняемых), ФРГ, Австрии и Италии (чрезмерная длительность рассмотрения уголовных дел), Италии, Португалии и Австрии (чрезмерная длительность рассмотрения гражданских дел) и в Австрии, Швейцарии и ФРГ (нарушение презумпции невиновности)¹².

Вместе с тем, как отмечается в литературе, в рамках Совета Европы все более популярной становится идея о создании института европейского омбудсмена по правам человека, основной задачей которого явилось бы обеспечение равенства и справедливости для всех людей в этом регионе¹³. В мировом масштабе подобная фигура уже появилась — речь идет о Верховном комиссаре по правам человека, пост которого был учрежден резолюцией 48/141, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 г.

Что касается взаимосвязи между Комиссией по правам человека Совета Европы и Европейского Суда по правам человека, то следует отметить предстоящий “разрыв” этих отношений. 11 мая 1994 г. Советом Европы принят протокол № 11 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которым индивидам, группам лиц и неправительственным организациям

предоставляется право обращаться с жалобами непосредственно в Европейский Суд, минуя Европейскую комиссию. Правда, этот протокол вступит в силу лишь через год после того, как все государства—участники Конвенции его ратифицируют. Протокол № 11 предусматривает не только будущее упразднение Комиссии, но и серьезное реформирование Суда, создание в нем комитетов, палат и больших палат, состоящих из судей.

На Американском континенте также есть сходные международные органы по защите прав человека. В соответствии с Межамериканской конвенцией по правам человека от 20 ноября 1969 г. (подписанной 12 латиноамериканскими государствами, входящими в Организацию американских государств — ОАГ; США конвенцию не подписали) созданы Межамериканская комиссия и Межамериканский суд по правам человека.

В.А. Карташкиным правильно сказано: "Сравнительный анализ деятельности европейских и американских региональных органов по защите прав человека свидетельствует о том, что только на основе схожести политических систем, их политической и правовой стабильности, исторического опыта, близости уровней социально-экономического развития, общих правовых традиций возможна их эффективная деятельность"¹⁴. Именно отсутствием общности в регионе названных факторов объясняется то, что Межамериканский суд по правам человека за почти 20 лет своего существования вынес менее 10 консультативных заключений и решений. Африканской хартией прав человека и прав народов 1981 года предусмотрено создание лишь Комиссии прав человека и прав народов, создание же регионального суда по правам человека не предусмотрено. То же относится и к Постоянной арабской комиссии по правам человека. В Азии каких-либо международных органов защиты прав человека нет совсем.

Таким образом, можно констатировать: лишь общность региональных факторов в состоянии гарантировать эффективность деятельности международно-региональных органов по защите прав человека. В мировом масштабе эта общность для эффективного функционирования Международного Суда ООН в области защиты прав человека явно недостаточна; не исключено, что неэффективным окажется и Международный уголовный суд. Общность факторов, объединяющих европейские государства в Совет Европы, обуславливает эффективность работы Страсбургского суда по правам человека. Общность факторов, объединяющих основную часть постсоветских государств в СНГ, ничуть не слабее, а по ряду параметров крепче, чем на общеевропейском поле.

Сходные задачи подчас обуславливают сходные пути их решения. Человечество за всю историю своей цивилизации в качестве

органа, эффективно и объективно защищающего права при их нарушении, не создало ничего более лучшего, чем суд. Совет Европы для защиты прав человека в государствах—членах этого Совета создал специальный судебный орган. Чтобы дать представление о том, насколько маловероятна возможность защиты прав человека национальным судом, можно сослаться на решение, вынесенное 25 июня 1996 г. Европейским Судом по правам человека. Этим решением была осуждена (не в уголовно-правовом значении термина) Франция (т.е. государство месторасположения Суда. — М.К.) за то, что в 1992 году в течение 20 дней в международной зоне аэропорта Орли удерживались четверо сомалийцев, прежде чем их выслали в Сирию, откуда они прилетели в Париж по подложным документам. По мнению Суда, Франция своими действиями нарушила статью 5 Европейской конвенции по правам человека, гласящую, что “никто не может быть лишен свободы”, кроме как в четко определенных в документе случаях. Своим решением Суд обязал Францию также возместить расходы на юридические услуги, понесенные организацией, в размере 57 тыс. франков. Вопрос: если бы это дело разрешал французский государственный суд, каково было бы решение? Были бы уверены члены Совета Европы, что это решение было бы справедливым, объективным и непредвзятым, тем более что ни Сомали, ни Сирия в Совет Европы не входят?

В аналитической справке профессора В.А.Туманова указывается: аналитики отмечают, что Европейский Суд считает себя субсидиарным институтом, при котором главная ответственность за соблюдение прав человека лежит на государстве, использующем свое внутреннее право. Европейский Суд не стремится вытеснить или подменить внутреннее право государства. Суд ставит перед собой задачу дополнить внутреннее право, восполнить в необходимых случаях его пробелы и недостатки. При этом Суд исходит из смысла Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Очевидно, что оптимальным по многим позициям решением аналогичной проблемы, стоящей перед СНГ и государствами, в него входящими, будет также служить создание Суда Содружества по правам человека. Создавать ли этот суд в качестве самостоятельного судебного органа либо в качестве специальной коллегии уже существующего в Содружестве Экономического Суда — вопрос скорее организационно-технический, а отсюда — второстепенный. Но лишь с созданием этого органа (третьей из названных выше составляющих) можно надеяться на реальную подвижку состояния дел с обеспечением прав и свобод человека в государствах Содружества, что, конечно, отнюдь не умаляет значения того обстоятельства, что защита прав человека в Содружестве в первую очередь и главным образом должна обеспечиваться национальными средствами, в том

числе национальными судами. У каждого россиянина, включая, например, жителя “глубинки” Тюменской области, после того, как он исчерпал внутригосударственные возможности защитить свои конституционные права, должен быть выбор обращения в международный судебный орган: в Страсбургский Суд либо в Суд СНГ (естественно, после того, как вопрос будет рассмотрен соответствующей Международной комиссией по правам человека).

Предлагаемый Г.В. Игнатенко федеральный закон, регламентирующий порядок обращения индивидов в предусмотренные Европейской конвенцией и Протоколом № 11 межгосударственные органы, и вместе с тем полномочия соответствующих органов РФ (при этом, по его мнению, предполагаемые полномочия должны охватывать как стадию исчерпания всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты, так и стадию повторного рассмотрения дела после заключения международного органа, с чем связана корректировка ряда нормативных положений об окончательных решениях, не подлежащих обжалованию)¹⁵ вполне пригодны и для Суда по правам человека СНГ. При этом нужно учитывать и менталитет постсоветского (видимо, большинства постсоветских государств) человека, воспитывающегося на лозунге: “У советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока!” Суд по правам человека СНГ для постсоветских граждан — это наш (!) суд; Страсбургский же Суд по правам человека — это их (!) суд. В расчет нужно также брать и реальную разницу в барьерах, препятствующих обращению граждан государств СНГ в эти суды и участию в их заседаниях; языковые, визовые, материально-финансовые, организационные, процессуальные, судебно-процедурные и т.д. Нужно также учитывать, что в общем организационно-правовом механизме защиты прав человека, базирующемся на Европейской конвенции, велики роль и значение целого ряда институтов — Генерального секретаря Совета Европы, Секретариата Европейской комиссии, Комитета министров Совета Европы¹⁶ и др., компетенция и функции которых, из-за отсутствия их аналога в СНГ, трудновыясняемы.

¹ О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994—1995 годах. Доклад Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. — М., Юрид. литература. — 1996. — С. 81.

² *Независимая газета*. — 1997. — 9 июля.

³ О соблюдении прав человека... С. 75—76.

⁴ Общая теория прав человека. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор Е.А. Лукашева. — М., НОРМА. — 1996.

⁵ Об этом подробнее см.: *Клеандров М.И.* Экономический Суд СНГ: статус, проблемы, перспективы. — Тюмень, Слово Тюмени. — 1995. — Разд. I и II.

⁶ *Содружество*. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. — № 4 (12). — Минск, 1993. — С. 33—34.

⁷ *Содружество*. Информационный вестник ... — № 3 (16). — Минск, 1994. — С. 74—80.

⁸ *Содружество*. Информационный вестник ... — № 4 (12). — Минск, 1994. — С. 35.

⁹ *Права человека накануне XXI века*. — М., 1994; Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. — М., 1995; Защита прав человека в современном мире. — М., 1993.

¹⁰ Известны африканская, азиатская, латиноамериканская, исламская, западная и социалистических государств концепции (*Международное гуманитарное право*. — М., Институт проблем гуманизма и милосердия. — 1993).

¹¹ Патрнотич И., Яковлевич Б. Международное гуманитарное право в современном мире. Сан-Ремо, Италия. Международный институт гуманитарного права. — 1994. — С. 5.

¹² Разработка профессора В.А.Туманова.

¹³ Общая теория прав человека... — С. 375.

¹⁴ Общая теория прав человека... — С. 486.

¹⁵ Тезисы доклада "Конвенция о защите прав человека и основных свобод в Российской правовой системе: реальности и перспективы" на международном семинаре "Российская Федерация в Совете Европы: проблемы применения норм о защите прав человека" 17—18 апреля 1997 г. в г. Екатеринбург.

¹⁶ Игитова И.В. Механизм реализации Европейской конвенции "О защите прав человека и основных свобод" // Государство и право. — 1997. — № 1. — С. 76—82.

г. Тюмень

Статья поступила в редакцию в августе 1997 г.

Международная безопасность

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В УСЛОВИЯХ РАЗОРУЖЕНИЯ

В то время когда активно продолжает работать в Женеве Конференция по разоружению ООН и страны — ее участницы ищут пути к разоружению и сокращению вооружений, мир нет-нет да и узнает о новых, совершенно неожиданных видах оружия, которые изобретаются человеком.

Так, в частности, недавно в Европе стало известно, что австралиец Майк О'Дуайер изобрел стрелковое оружие, которое потрясло даже выдавших виды специалистов. Это пулемет, представляющий собой как бы ящик, установленный на треноге, который способен производить 1 миллион 600 тыс. выстрелов в минуту. Изобретатель назвал его "Металлическая буря".

Убойная сила нового оружия поражает воображение: он может одним залпом превратить в кашу укрытие из бетона и стали, все и всех, находящихся в этом укрытии. Залп длится всего одну десятую долю секунды.

Такой пулемет эффективен для поражения танков, самолетов и даже ракет на подлете к цели.

Немецкий журнал "Шпигель", поместивший информацию об этом пулемете, дал и его фото, где четко просматривается только ящик, стоящий на трех подставках-ногах и не напоминающий ничего из известных до него видов оружия.

(Соб. инф.)

РОССИЯ УЧАСТВУЕТ В СИЛОВЫХ АКЦИЯХ НАТО

Дейтонские соглашения по умиротворению Боснии осуществляются силой. В октябре 1997 года НАТО спланировала и провела операцию по захвату четырех телестанций боснийских сербов, которые вели пропаганду против дейтонских соглашений. Впервые в этой акции приняли участие и российские миротворческие силы.

Тот факт, что они выполняли функции наблюдателей и “были размещены таким образом, чтобы предотвратить возможные попытки сербов помешать захвату телестанций”, как заявил представитель НАТО, с международно-правовой точки зрения (да и с военной тоже!) “неучастием” в операции НАТО назвать нельзя.

И хотя это участие было малым, незначительным и касалось только одной из четырех телестанций, расположенной на северо-востоке страны, и открытого военного столкновения не произошло, тем не менее это была первая операция Российских вооруженных сил не за, как это случалось всегда на протяжении многовековой истории отношений России с братским славянским народом на Балканах, а против сербов. Политика и практика НАТО в данном случае взяли верх.

Такое развитие событий застало врасплох и Министерство обороны России, и российский МИД. Чего после этого стоят официальные уверения Москвы, что российские миротворцы никогда не примут участия в натовских силовых акциях против сербов?!

(Соб. инф.)

Международное и внутригосударственное право

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНЫХ НОРМ

П.Н. Бирюков*

Как известно, в УК РСФСР 1960 года существовало лишь несколько норм, затрагивающих международные обязательства нашего государства. В Общей части — ст. 4 и 5 (действие кодекса в отношении деяний, совершенных на территории РСФСР и совершенных вне пределов РСФСР). Нормы об ответственности за международные преступные деяния — ст. 67 (террористический акт против представителя иностранного государства), ст. 84 (нарушение правил международных полетов) и др. — были “разбросаны” по отдельным главам Особенной части и охватывали далеко не все “международные” составы преступления.

С принятием нового УК законодательное регулирование проблем ответственности за международные правонарушения существенно усовершенствовалось.

Кодекс содержит несколько десятков норм, свидетельствующих о том, что законодатель учел международные обязательства РФ в сфере борьбы с преступностью, причем нормы уголовного закона зачастую текстуально воспроизводят положения конвенций, устанавливающих “международные” составы преступлений (ст. 205, 206, 211, 220, 221 и др.).

Приведены в более полное соответствие с международными договорами статьи кодекса, определяющие правила осуществления юрисдикции РФ в отношении преступлений, совершенных за пределами РФ (ст. 12), предусматривающие ответственность за преступления против лиц или учреждений, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

Установлена ответственность за такие ранее не известные законодательству, но предусматриваемые международными договорами деяния, как легализация (отмывание) денежных средств или иного

*Доцент Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 174), пиратство (ст. 227), геноцид (ст. 357), экоцид (ст. 358), наемничество (ст. 359) и др.

Новый УК содержит также прямые отсылки к международным договорам, в которых определяются уголовно наказуемые деяния: ст. 271 (нарушение правил международных полетов); ст. 355 (производство, приобретение или сбыт химического, биологического, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ); ст. 356 (применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ, а также применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ); ст. 360 (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой). Иными словами, диспозиции указанных уголовно-правовых норм зафиксированы в международных договорах РФ.

Включена в УК и норма о выдаче преступников (ст. 13), что также можно занести в актив российской правовой системы, хотя, на мой взгляд, уместнее норма о выдаче смотрелась бы в УПК РФ.

Таким образом, разработчиками Кодекса проделана серьезная работа по устранению пробелов в уголовном законодательстве РФ, гармонизации его с международными обязательствами нашего государства.

Однако остались и нерешенные проблемы. Одна из них — это проблема коллизий международных и уголовно-правовых норм.

Известно, что многие международные договоры определяют не только формы и способы сотрудничества в борьбе с преступностью, но и перечень преступных с точки зрения международного права деяний, причем “международные” составы преступлений зачастую шире, чем предусматриваемые УК¹.

В результате перед сотрудниками правоохранительных органов возникает вопрос: необходимо ли при определении состава преступления руководствоваться международными договорами, в которых участвует РФ?

Статья 1 УК подчеркивает, что уголовное законодательство РФ состоит из “настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права”. Иными словами, “преступность деяния, а также его наказуемость... определяются только настоящим Кодексом” (ст. 3 УК).

Отсылка типа “если международным договором РФ установлены иные правила, чем настоящим Кодексом, действуют правила международного договора” в УК отсутствует.

Вместе с тем следует учитывать, что общая отсылка к международным договорам зафиксирована в Конституции РФ (ч. 4, ст. 15): "Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора".

Статья 5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" 1995 года дополняет конституционную норму: "Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты"².

Нормы аналогичного содержания содержатся во многих актах российского законодательства, в том числе в такой традиционно "невосприимчивой" к международному праву отрасли, как уголовно-исполнительное право (ст. 3 УИК РФ).

Подтверждает правило о приоритете международных договоров и ст. 3 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации" 1996 года: единство судебной системы РФ обеспечивается путем "применения всеми судами... общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации". Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации... принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу" (ст. 5 закона)³.

Прямо ориентирует суды на применение международных договоров, в том числе при рассмотрении уголовных дел, и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. "О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" (п. 5): "Суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации"⁴.

На мой взгляд, коллизии международных норм и уголовного законодательства РФ необходимо решать следующим образом: нормы

международных договоров, предназначенные для прямого действия в РФ, либо договоров, согласие на которые дано в форме закона (о ратификации, присоединении к договору), должны непосредственно регулировать уголовные правоотношения. Нормы договоров, которые реализуются с помощью российского права, служат основанием для приведения законодательства в соответствие с международными договорами.

Другая проблема, не до конца решенная в Кодексе, — уголовная ответственность иностранных граждан.

Согласно ст. 11 УК, иностранный гражданин, совершивший преступление на территории РФ, подлежит уголовной ответственности по УК РФ. Иными словами, за преступления на территории РФ иностранцы, не обладающие иммунитетом от юрисдикции РФ, несут ответственность по российскому уголовному законодательству.

Однако из этого правила имеются исключения, предусматриваемые международными договорами. На основании двусторонних соглашений о мореплавании, торговле и судоходстве (у РФ их несколько десятков), а также по некоторым консульским конвенциям в случае совершения преступления на иностранном торговом судне, находящемся в территориальном море или внутренних водах РФ, наше государство будет осуществлять свою юрисдикцию в отношении иностранных граждан, если последствия преступления распространяются на прибрежное государство, если просит о помощи капитан судна или консульское должностное лицо, если преступление связано с наркотиками.

Далее. В соответствии с ч. 3, ст. 12 УК иностранцы, не проживающие постоянно в РФ и совершившие преступление вне пределов РФ, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов РФ, и в случаях, предусмотренных международным договором РФ.

Логика законодателя, разделившего иностранных граждан на проживающих в РФ постоянно и не проживающих постоянно, не вполне понятна. Не ясно, нужно ли привлекать к ответственности постоянно проживающего в РФ иностранца, совершившего преступление за рубежом.

Не раскрыто содержание и понятия “иностранный гражданин, постоянно проживающий в РФ”. Между тем в административном праве оно означает лицо, которому выдан вид на жительство. В финансовом праве под данным субъектом понимается лицо, проживающее на территории РФ более 183 дней в календарном году.

На мой взгляд, никакой разницы в отношении привлечения к ответственности в РФ между постоянно проживающими и непостоянно проживающими иностранцами нет и быть не должно. За преступления, совершенные вне пределов территории РФ, иностранные

граждане подлежат ответственности в случаях, предусмотренных международными договорами РФ, независимо от времени проживания в РФ. Иное нарушало бы принцип равенства всех перед законом.

Преступлениями, влекущими ответственность иностранцев, в этих случаях являются международные преступления (планирование и ведение агрессивной войны, геноцид, наемничество и т.д.), преступления международного характера (захват заложников, захват воздушных судов и др.) и общеуголовные преступления, если возможность привлечения к ответственности за их совершение предусмотрена международными договорами (о сотрудничестве в борьбе с преступностью и правовой помощи по уголовным делам).

Третья проблема — проблема уголовно-правового значения в РФ иностранной судимости.

Статья 3 УК РФ подчеркивает, что уголовно-правовые последствия преступления (в том числе судимость) “определяются только настоящим Кодексом”. Между тем наше государство является участником нескольких десятков международных соглашений, согласно которым приговоры иностранных судов в РФ признаются, как если бы они были вынесены российскими судами (ст. 11 Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, 1978 года, ст. 6 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о передаче осужденных для отбывания наказания 1993 г. и др.).

Иначе говоря, при установлении фактов рецидива (ст. 18 УК РФ) и повторности как квалифицирующего признака состава преступления или отягчающего обстоятельства (ст. 63 УК) должно приниматься во внимание осуждение лица судом иностранного государства, с которым у РФ имеется соответствующий международный договор, при условии, что приговор иностранного суда вступил в законную силу и лицо осуждено за деяния, которые в соответствии с законодательством обеих сторон являются преступлениями.

Несколько слов о соответствии отдельных составов преступления международным обязательствам нашего государства.

I. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК)

Термин “агрессивная война” в УК не расшифровывается; мы имеем прямую отсылку к соответствующим международным нормам. Между тем в международном праве отсутствует конвенционное определение агрессии (Конвенция об определении агрессии 1933 г. в силу не вступила). В резолюции ГА ООН “Определение агрессии” от 14 декабря 1974 г.⁵ под агрессией понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной

неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным способом, не совместимым с Уставом ООН. Резолюцией также установлен перечень действий, квалифицируемых в качестве актов агрессии.

Международно-правовая ответственность государства-агрессора за нарушение мира и безопасности дополняется мерами ответственности физических лиц за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны. При этом различают две группы субъектов данного преступления:

1) главные военные преступники (главы государств, политики, военные и т.п.), которые несут ответственность как за свои преступления, так и за преступления рядовых исполнителей;

2) непосредственные исполнители преступлений, выполняющие преступные приказы или совершающие данные преступления по своей инициативе.

В этой связи нельзя согласиться с точкой зрения А.В. Наумова, согласно которой субъектом преступления по ст. 353 является “лицо, занимающее высшую государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации” (делается ссылка на Федеральный закон “Об основах государственной службы Российской Федерации” 1995 г.)⁶.

“Лицо, занимающее высшую государственную должность субъекта РФ” — это, очевидно, президент республики в составе РФ и глава органа законодательной власти субъектов РФ. Однако следует при-
нимать во внимание, что:

1. Закон об основах государственной службы в РФ (ст. 1)⁷ использует термин «государственная должность категории “А”», а не “высшая государственная должность”.

2. По закону, «должности категории “А”» в субъекте Федерации — это должности руководителей законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации.

3. Если руководствоваться определением А.В. Наумова, можно прийти к выводу, что лица, не занимающие “высших государственных должностей Российской Федерации или субъекта Российской Федерации” (скажем, начальник Генштаба, главкомы родов войск и др.), не могут являться субъектом данного преступления.

4. Наконец, непонятно, почему речь идет только о лицах, занимающих должности в Российской Федерации. Разве руководители иностранных государств, развязавшие агрессивную войну, не будут являться субъектами преступления по УК РФ?

Субъектами преступления по ст. 353 УК, по моему мнению, могут быть главы государств, правительств, должностные лица государств, в чьей компетенции находится применение вооруженных сил.

II. Применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ)

По УК объективная сторона данного преступления выражается: в жестоком обращении с военнопленными или гражданским населением, депортации гражданского населения, разграблении национального имущества на оккупированной территории, применении в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации (ч. 1, ст. 356), и

в применении оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (ч. 2, ст. 356).

На мой взгляд, объективная сторона деяния в ст. 356 сформулирована не совсем точно.

1. В международном праве под средствами ведения войны понимаются оружие и иные средства, применяемые вооруженными силами в войне для нанесения вреда и поражения противника. Методы ведения войны — это способы применения средств войны. Поэтому применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ (ч. 1, ст. 356), включает в себя и применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ (ч. 2, ст. 356).

2. Применение средств и методов ведения войны регулируется не только международными договорами, но и другими источниками международного права, в частности “обычаями войны”.

3. Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории образуют объективную сторону сразу нескольких “международных” составов преступления: применение запрещенных методов ведения войны; военные преступления; преступления против человечности.

4. Ответственность за деяние по ст. 356 установлена с 16 лет (ст. 20 УК РФ), но реально, видимо, виновные лица могут привлекаться к ответственности с 18 лет.

III. Наемничество (ст. 359)

Согласно ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 года⁸, наемник — это лицо, которое:

специально принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду. При этом материальное вознаграждение должно существенно превышать вознаграждение, выплачиваемое комбатантам того же ранга и функций, входящим в состав вооруженных сил данной стороны. Форма вознаграждения может быть различной (регулярные или разовые выплаты, скажем, за каждого убитого и т.п.);

не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

не послано государством, не являющимся воюющей стороной, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав вооруженных сил. Этим наемники отличаются от военных советников, направленных на службу в иностранную армию по специальному соглашению между государствами и не принимающих непосредственного участия в военных действиях.

Согласно Конвенции о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников 1989 года (РФ пока не ратифицирована), к наемникам следует относить не только лиц, непосредственно участвующих в вооруженных конфликтах, но и лиц, завербованных для участия в заранее запланированных актах насилия, направленных на свержение правительства какого-либо государства, подрыв его конституционного порядка или нарушение его территориальной целостности и неприкосновенности. Преступными признаются также действия лиц, осуществляющих вербовку, использование, финансирование и обучение наемников, а также покушение и соучастие в такого рода действиях.

Уголовным кодексом РФ признаны преступными: вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях; участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях.

Как видим, по объективной стороне норма ст. 359 УК шире, чем положения Дополнительного протокола I, но соответствует Конвенции 1989 года, поэтому после ратификации Российской Федерацией Конвенции не возникнет необходимости вносить изменения в УК.

В примечании к ст. 359 УК дается определение понятия “наемник”. Им признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей. Понятие “наемник” по российскому законодательству несколько уже, чем в международном праве. Вместе с тем очевидно, что в случае коллизии необходимо руководствоваться международными нормами.

IV. “Отмывание” доходов, полученных от преступной деятельности (ст. 174 УК)

Как известно, Российская Федерация участвует во многих договорах, предусматривающих комплекс мер по пресечению “отмывания” преступных доходов. В их числе — Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, договоры о правовой помощи по уголовным делам и др. В Федеральном Собрании РФ рассматривается вопрос о ратификации Конвенции Совета Европы об “отмывании”, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года.

Согласно Конвенции (ст. 1), “доходы” означают любую экономическую выгоду, полученную в результате совершения преступления. Под “материальными ценностями” понимаются материальные ценности любого вида, вещественные или невещественные, движимые или недвижимые, а также юридические акты или документы, дающие право на имущество.

Конвенция (ст. 6) также дает определение преступлений по незаконному отмыванию доходов. “Каждая Сторона принимает законодательные и прочие необходимые меры, чтобы квалифицировать как уголовное право нарушение в соответствии со своим внутренним правом, когда действие было совершено умышленно:

а) конверсию или передачу материальных ценностей, о которых тот, кто этим занимается, знает, что эти материальные ценности составляют доход от преступления, с целью скрыть незаконное происхождение вышеуказанных материальных ценностей или помочь любому лицу, замешанному в совершении основного правонарушения, избежать юридических последствий этих деяний;

б) утаивание или искажение природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности материальных ценностей или соотносимых с ними прав, когда нарушителю известно, что эти материальные ценности получены преступным путем, и на условии своих конституционных принципов и основных концептов своей юридической системы;

с) приобретение, владение или использование материальных ценностей, о которых тот, кто их приобретает, или владеет, или пользуется, знает в момент их получения, что они являются доходами, добытыми преступным путем;

д) участие в одном из правонарушений, определенных в соответствии с настоящей статьей, или в любой ассоциации, союзе, покушении или участии путем оказания содействия, помощи или совета с целью его совершения”.

Как видим, в ст. 174 УК не признаны преступными некоторые действия, перечисленные Конвенцией (конверсия материальных

ценностей с целью помочь иному лицу избежать юридических последствий деяния; утаивание или искажение природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности материальных ценностей или соотносимых прав, когда правонарушителю известно о незаконном источнике их происхождения; использование третьими лицами ценностей, добытых преступным путем).

Кроме того, в ст. 174 используется понятие “денежные средства и иное имущество”, однако его содержание не раскрывается. Между тем в ст. 128 ГК РФ под имуществом понимаются “вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права”. Статья 128 устанавливает более широкий перечень объектов гражданских прав, которые в принципе могут использоваться для “отмывания” доходов, чем Конвенция. В число таких объектов помимо “имущества” входят: работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Иными словами, легализация преступных доходов не в форме “денежных средств и иного имущества”, а в виде, скажем, права на использование интеллектуальной собственности, информации или в виде услуг диспозицией ст. 174 УК РФ не охватывается. Зафиксированное же Конвенцией 1990 года понятие “и соотносимые права”, по моему мнению, охватывает все возможные способы легализации преступных доходов.

V. Пиратство (ст. 227)

В соответствии со ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ратифицирована РФ в 1997 г.) в качестве пиратства рассматриваются:

“а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемые с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на борту;

ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом;

с) подстрекательство или содействие вышеуказанным деяниям”.

В российском законодательстве пиратством признается нападение

на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. Формулировка состава пиратства в ст. 227, по моему мнению, уже, чем в Конвенции.

1. Ответственность по ст. 227 распространяется лишь на случаи нападения на морские и речные суда. По Конвенции должны рассматриваться в качестве пиратских и нападения на летательные аппараты, например самолеты-амфибии.

2. Не охватывается диспозицией ст. 227 УК (нападение на судно) и "любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом" (п. "в" ст. 101 Конвенции).

3. Необоснованно в качестве элемента субъективной стороны указана специальная цель — завладение чужим имуществом. По логике законодателя получается, что, скажем, нападение на судно с другими целями (похищение людей, сокрытие следов преступления и т.п.) не образует состава пиратства. Между тем в Конвенции пиратство характеризуется как "любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемые с личными целями".

Таким образом, норма ст. 227 УК нуждается в совершенствовании, приведении в соответствие с международными обязательствами РФ.

VI. Незаконные силы, направленные против безопасности морского судоходства

Согласно ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 года (нашим государством подписана, но пока не ратифицирована), "любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно):

а) захватывает судно или осуществляет контроль над ним посредством применения силы, угрозы силой или иной формы запугивания;

б) совершает акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию судна;

с) разрушает судно или наносит повреждение, которое может угрожать его безопасному плаванию;

д) помещает на борт судна (или совершает действия с этой целью) устройство или вещество, которые могут разрушить судно, нанести повреждения, которые угрожают или могут угрожать его безопасному плаванию;

е) разрушает морское навигационное оборудование, наносит ему серьезное повреждение или создает серьезные помехи его эксплуатации, если это может угрожать безопасному плаванию судна;

ф) сообщает заведомо ложные сведения, создавая угрозу безопасному плаванию судна;

г) наносит ранения любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из преступлений, указанных в подпунктах "а"—"ф".

Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 года содержит аналогичные правила в отношении деяний, совершенных на борту или против стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе.

Нормы об ответственности за незаконные акты, направленные против безопасности морского судоходства, не нашли должного отражения в российском уголовном законодательстве. Относительно этих деяний в УК отсутствует норма, аналогичная закрепленной в ст. 211. Уголовная ответственность за захват морского или речного судна или осуществление контроля над ним посредством применения силы, угрозы силой или иной формы запугивания без цели осуществления акта пиратства в РФ не предусмотрена.

Применительно к пунктам с—е ст. 3 Конвенции 1988 года могут быть использованы положения ст. 267 УК.

VII. Незаконные действия с радиоактивными материалами

В новом УК декриминализирован ряд деяний, предусмотряемых Конвенцией и ранее ст. 223.4 УК 1960 года (угроза совершить хищение радиоактивных материалов в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица совершить какое-либо действие или воздержаться от него, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, а также угроза использовать радиоактивные материалы с целью повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы).

Между тем, согласно Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 года⁹, преступлениями признаны не только получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление ядерного материала без разрешения уполномоченных органов, но и "требование путем угрозы силой или применения силы или с помощью какой-либо другой формы запугивания о выдаче ядерного материала; угроза использовать ядерный материал с целью повлечь смерть любого лица или причинить ему серьезное увечье или значительный ущерб собственности,

или совершить хищение ядерного материала с целью вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него”.

Подытоживая изложенное, можно констатировать: новый УК в большей степени соответствует международным договорам, нежели УК РСФСР 1960 года. Значительное число статей нового УК предусматривает возможность непосредственного применения международно-правовых норм в сфере действия уголовного закона. Вместе с тем предстоит проделать еще значительную работу по приведению норм УК в полное соответствие с международными обязательствами РФ.

Разумеется, в небольшой по объему статье не могли быть освещены все “международно-правовые” аспекты нового УК; затронуты лишь вопросы, представляющие наибольший интерес.

¹ Подробнее см. *Бирюков П.Н.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ. — Воронеж, 1997.

² *Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ)*. — 1995. — № 29. — Ст. 2757.

³ *СЗ РФ*. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

⁴ *Бюллетень Верховного Суда РФ*. — 1996. — № 1.

⁵ Резолюция не является международным договором, она лишь подтверждает существующие общепризнанные обычные нормы международного права (см. *Международное право в документах/Сост. Н.Т. Блатова*. — М., 1996. — С. 671—675).

⁶ *Уголовное право России. Особенная часть/Под ред. А.А. Рапога*. — М., 1996. — С. 462.

⁷ *СЗ РФ*. — 1995. — № 31. — Ст. 2990.

⁸ *Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов*. — М., 1990. — С. 540—647.

⁹ *Сборник международных договоров СССР*. — Вып. XLIII. — С. 105—109.

г. Воронеж

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.

ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.Ю. Марочкин*

Конституция РФ закрепила общепризнанные принципы и нормы международного права (МП) и международные договоры РФ составной частью ее правовой системы и приоритет применения правил договоров в случае их расхождения с нормами законов (ч. 4, ст. 15). В ее развитие Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" устанавливает в части 3, ст. 5, что положения официально опубликованных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в РФ непосредственно.

Отсюда вытекают задачи определения места норм и источников МП в правовой системе РФ, соотношения юридической силы норм МП и внутреннего права¹, юридических условий действия норм МП во внутригосударственной сфере, применимости этих норм к отношениям с участием субъектов внутреннего права.

Последняя задача имеет важное практическое значение, поскольку позволяет установить, когда суды и другие органы могут применять те или иные нормы МП при решении конкретных дел, а когда нет.

Условия есть юридические основания использования и применения норм МП в правовой системе РФ, обстоятельства, дающие юридическую возможность применения.

Общим условием выполнения норм МП, в том числе и обеспечения их действия, является принцип *pacta sunt servanda* ("договоры должны соблюдаться" — *лат.*), точнее, даже не сам принцип, а обязанность и задача государства установления такого законодательного режима, который бы максимально способствовал реализации заключенных соглашений и, следовательно, наиболее последовательному применению принципа добросовестного соблюдения международных обязательств².

Выделяется и ряд конкретных, специальных условий, которые, впрочем, имеют неодинаковое значение. Одни являются обязательными, другие играют дополнительную роль.

*Заведующий кафедрой юридического факультета Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. См. подробнее об авторе в № 4 нашего журнала за 1997 г.

Под обязательными условиями имеются в виду те, без которых действие норм МП, в том числе их использование и применение во внутригосударственной сфере, было бы, как представляется, неправомерным. К ним относятся признание обязательности договора или общепризнанного принципа (нормы) МП, вступление в силу договора, его опубликование, отсылочные нормы к МП.

Признание обязательности. Это в равной мере неперемное условие для общепризнанных (в форме обычая) и договорных норм. Очевидно, что общепризнанность не означает обязательности абсолютно для всех государств. Вряд ли такие нормы и существуют. Некоторые из государств могут быть не связаны общепризнанными нормами. Поэтому ссылка на те или иные общепризнанные нормы должна сопровождаться установлением факта их признания нашей страной. И напротив, их использование и даже просто упоминание в качестве аргумента, не подлежащего сомнению, в пользу определенного вывода без установления такого факта представляется юридически некорректным.

Не всегда безупречна в этом плане практика Конституционного Суда РФ. Так, в деле по статье 18 Закона РФ о гражданстве Суд сослался на “международно-правовые акты” (после упоминания только Всеобщей декларации прав человека), в деле по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР — на “другие международные акты” (кроме Международного пакта о гражданских и политических правах), в особом мнении по второму делу судья А.Л. Кононов — на “общепризнанные принципы и нормы международного права”³. В деле о конституционности Указа Президента РФ и законов Пермской и Вологодской областей о выборах Государственная Дума утверждала противоречие Указа “нормам международного права”⁴.

Во всех случаях, заметим, не говорится, о каких “актах” и “общепризнанных нормах” идет речь и имеют ли они силу для РФ, что действительно выглядит в итоге как аргумент *a priori*. Даже характеристика в первом деле Всеобщей декларации как “утвержденной и провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.”, нормы которой, по общему признанию, стали частью обычного МП, сама по себе не подтверждает, что она является обязательной для РФ.

В отношении договоров необходимо установить, выражено ли согласие на обязательность для РФ того или иного договора одним из способов, названных в статье 6 Закона о международных договорах.

Раньше, когда не было нормы, санкционирующей действие норм МП внутри государства, типа части 4, статья 15, Конституции РФ, акты выражения согласия, в частности акты ратификации, оценивались с точки зрения того, порождают ли они обязанность внутригосударственного выполнения договора. Высказывания различались до

противоположных: акт ратификации придает договору силу внутригосударственного закона (Е.Т. Усенко, А.Н. Талалаев, Э.М. Аметистов, Л.А. Лунц, Н.В. Миронов, М.М. Богуславский); напротив, сам по себе он не означает приведения договора в силу на территории государства (Д.Б. Левин, С.Л. Зивс, Р.А. Мюллерсон). Сейчас такая оценка представляется излишней. Часть 4, статья 15, есть общая санкция на действие норм МП в правовой системе РФ, а выражение согласия на обязательность конкретного договора — необходимое условие того, чтобы его нормы получили такую возможность.

Способ выражения согласия, очевидно, не влияет на степень обязательности договора для России, но от него прямо зависит соотношение юридической силы норм договора и внутреннего права в случаях коллизий их друг другу.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6 от 29 сентября 1994 г. «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 “О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей”», в частности, говорится: “Разъяснить судам, что в соответствии со статьей 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, вступившего в силу 23 марта 1976 г., нормы которого в силу части 4, статья 15, Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации и имеют верховенство над ее внутренним законодательством...”⁵. Подтверждена обязательность пакта для РФ, но не указана форма выражения согласия на нее, что, очевидно, требовалось, поскольку утверждался приоритет договора над законом и следовало показать, имеет ли именно данный пакт такой приоритет над федеральным законодательством.

Поэтому представляется важным, при ссылке на конкретный договор, установление не только самого факта, но и формы признания обязательности договора. Более того, это просто необходимо, если, скажем, суд обосновывает приоритет договора перед законом и выносит решение на основе норм первого. В подобных делах указание на отмеченные обстоятельства должно быть элементом решения, от этого зависят полнота и строгость аргументации. Ряд постановлений, в частности Конституционного Суда РФ, и особых мнений судей отмечены достаточной точностью в этом плане⁶.

Тем не менее чаще (и это скорее всего можно считать обычной практикой на сегодняшний день) суды не устанавливают (по крайней мере, не отмечают в решениях по делам) факта и способа признания обязательности используемого договора. В значительной части, если не в большинстве постановлений Конституционного Суда РФ дается только название договора или конвенции, порой сопровождаемое комментариями, не несущими должной юридичес-

кой нагрузки ("пакты приняты Генеральной Ассамблеей ООН", "действие конвенции признано Российской Федерацией", пакт "является составной частью правовой системы РФ" и др.). Кстати, данная тенденция в деятельности Суда уже подмечалась⁷. Аналогичная тенденция, насколько позволяет судить "Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц", наблюдается в деятельности арбитражных судов⁸. Немногим отличается и практика судов общей юрисдикции.

В итоге во всех подобных ситуациях правомерность ссылки на договор и придания ему приоритета действия перед законом остается под вопросом, особенно когда договор заключен органом ниже по статусу, чем принявшим закон, и явно возникает потребность соотношения юридической силы норм первого и второго.

В практике арбитражных судов возник вопрос об освобождении от уплаты налогов финской фирмы на территории РФ. Фирма в обоснование своей позиции ссылаясь на межправительственное Соглашение об устранении двойного налогообложения в отношении подоходных налогов от 6 октября 1987 г., которым установлен срок от уплаты налогов в 36 месяцев. Следовательно, в пределах данного срока, по смыслу Соглашения, на фирму не должно распространяться действие российского налогового законодательства. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ дал следующую рекомендацию: "Арбитражные суды при вынесении решений применяют договоры РФ с иностранными государствами об устранении двойного налогообложения"⁹. Но какого уровня внутренние акты при этом не применяются? И может ли соглашение на правительственном уровне превалировать над федеральным законом?

Надо отметить, ради справедливости, что в деятельности не только Конституционного Суда РФ, но и арбитражных и общих судов достаточно примеров, когда в решениях четко указываются факт и способ выражения согласия на обязательность договора, что, подчеркнем еще раз, несомненно усиливает их обоснованность и доказательность.

Но важно, чтобы это были не примеры, а постоянная практика.

На этом фоне непонятны смысл и обоснованность ссылок на акты, участниками которых на соответствующий момент Россия не являлась и, следовательно, которые не создавали для нее юридических последствий. Можно понять и принять во внимание, что, скажем, ссылки Конституционного Суда РФ на такие акты имеют "только вспомогательный характер", "способны обогатить аргументацию решения"¹⁰. Тем не менее они нередко звучат и как обоснование постановления по делу, позиции Суда или судьи, как доказательство неприменимости того или иного закона¹¹. Кажется тем более несомненным с уровнем квалификации состава Суда не просто ссыл-

ки на документы рекомендательного или политического характера, но и характеристика их как “международно-правовых”¹². Вряд ли это пригодный пример для действующих или вновь создаваемых конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, как, впрочем, и для судов другой юрисдикции.

Вступление договора в силу. Еще одним неперенным условием действия норм МП в правовой системе РФ является вступление в силу договора. Только действующий договор порождает юридические последствия (если не принимать сейчас во внимание предусматриваемые в праве договоров обязанность не лишать договор его объекта и целей до вступления в силу и возможность временного применения договора). На это четко указывает Закон о международных договорах: договор подлежит выполнению с момента его вступления в силу для РФ (ч. 3, ст. 31).

В праве договоров выражение согласия на обязательность договора и вступление последнего в силу различаются как самостоятельные юридические акты. Различаются они и по времени: между первым и вторым практически всегда лежит определенный отрезок, порой весьма длительный.

Поэтому, применяя нормы договора, важно установить не только факт и способ выражения согласия (уровень договора), но и факт вступления его в силу. Реально же вопрос еще шире: необходимо удостовериться, является ли договор еще действующим, то есть не прекращен ли он в соответствии с МП.

Значение вступления договора в силу не всегда оценивается идентично. Даже в одном и том же издании — “Комментарии к Закону о договорах” — содержатся противоречащие друг другу трактовки. Согласно комментарию к статье 24 (автор А.Г. Ходаков), выражения согласия на обязательность и вступление договора в силу разграничиваются по значению и по времени. Напротив, И.И. Лукашук, толкуя статью 34, фактически обосновывает их совпадение: “под введением в действие и применением понимаются акты выражения согласия на обязательность договора”, а под не вступившими в силу договорами — “договоры, в отношении которых еще нет согласия на их обязательность”¹³. Вероятно, такое толкование обоснованно для доказательства того, что признание неконституционным окончательно принятого РФ договора, который еще не вступил в силу, было бы нарушением МП.

Но вряд ли оно имеет право на расширение. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года недвусмысленно “разводит” по времени и по юридическому предназначению эти два акта, помещая их даже в разные разделы (см. ст. 11, 18b, 24). Статья же 27 о недопустимости ссылки на внутреннее право в оправдание невыполнения договора касается уже действующих, то есть вступивших

в силу, договоров. Весьма созвучен конвенции в этом вопросе и Закон РФ о международных договорах.

Поэтому если для Конституционного Суда важно, прежде всего, признан ли договор Россией, чтобы определить свою компетентность рассматривать его с точки зрения Конституции, то для иных судов и вообще правоприменителей должно быть важно еще и то, является ли он действующим. Известное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" нацеливает суды на применение именно "вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров" (п. 5)¹⁴.

Нельзя сказать, что суды в своих решениях всегда отмечают факт вступления в силу и действия договора, в лучшем случае они просто упоминают сам договор, подлежащий применению, что уже немало важно. Тем не менее приведение такого факта усиливало бы юридическую корректность решения. Подобные примеры есть, и они заслуживают поддержки.

В постановлении Президиума Свердловского областного суда по делу о ходатайстве гражданки Литовской Республики К. о разрешении принудительного исполнения на территории России постановления суда г. Шауляй о взыскании алиментов, в частности, отмечено: "...удовлетворяя ходатайство К., суд правильно исходил из положений договора между РФ и Литвой "О правовой помощи..." от 21.07.92 г., вступившего в силу 22.01.95 г." ¹⁵.

Опубликование договора. Я. Броунли замечает, что в государствах, придерживающихся принципа, по которому международные договоры связывают суды без какого-либо специального акта инкорпорации (упомяная при этом и СССР), тем не менее действует важное условие, что договор не может быть осуществлен внутри страны, пока он не опубликован, а контроль над надлежащей публикацией приносит элементы формальной конституционности¹⁶.

В действующем праве России данный принцип сохранен и, более того, поднят на конституционный уровень. Однако Конституция РФ не содержит формального требования опубликования международных договоров, за исключением косвенного требования, выраженного в части 3, статья 15: "Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения". Обоснованно мнение, что оно в полной мере распространимо и на договоры¹⁷.

Федеральный закон о международных договорах значительно дополняет Конституцию в этом плане и напрямую связывает их непосредственное действие с необходимостью опубликования: "По-

ложения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно” (ч. 3, ст. 5).

Отсылочные нормы к МП. Из названных юридических условий действия норм МП в правовой системе РФ наличие во внутреннем праве отсылочных норм к МП видится самым непосредственным условием, дающим право применять его нормы. Причем данное условие не в равной мере столь важно для различных форм действия. Скажем, использование норм МП в нормотворческой деятельности вполне возможно и без отсылок к ним. Но они представляются абсолютно необходимыми, в частности, для применения норм МП в конкретных ситуациях. Отсылочные нормы являются как раз тем “зеленым светом”, который открывает возможность нормам МП регулировать отношения в сфере внутригосударственной юрисдикции наряду с нормами внутреннего права. Именно благодаря отсылкам нормы МП обретают юридическую силу в правовой системе РФ.

Суть отсылок в том, что они не вводят в национальное право новые материальные нормы, а лишь допускают, санкционируют применение норм МП для регламентации конкретных отношений, возникающих внутри государства. Иными словами, субъекты внутреннего права уполномочиваются на применение норм МП в решении конкретных правовых вопросов, дел и т.д. При этом, подчеркнем, нормы не изменяют своей природы, остаются нормами МП, по действующими в сфере внутреннего права.

Иное находим, в частности, у А.Л. Маковского: для приведения в действие международного договора, содержащего “унифицированные нормы”, в принципе достаточно их простого санкционирования государством, основной формой которого служит акт принятия им обязательств по договору¹⁸. Аналогичная оценка такого акта имеет поддержку.

Но данный подход, когда возможность или обязанность применения норм договора возникает как бы автоматически сразу после ратификации или иного акта, не совмещается с некоторыми моментами: если нет санкции государства в виде отсылочных норм или норм о приоритете договоров, которые фактически определяют их статус во внутригосударственной сфере, то с точки зрения общих коллизионных принципов права вполне допустима отмена или замена договора последующим законом; МП и внутреннее право представляют все же разные правовые порядки; акт ратификации не содержит норм, определяющих соотношение и взаимодействие договора с законодательством или меры по его выполнению.

Отсюда представляется необходимой, после ратификации или иного акта, санкция государства на действие норм МП в своей пра-

вовой системе, роль которой выполняют отсылочные или коллизионные (приоритетные) нормы. Кроме того, что они, как отмечено, открывают путь такому действию, они определяют и форму взаимодействия норм МП с внутренними нормами или даже соотношение юридической силы первых и вторых. Особенно очевидна их необходимость при коллизиях договора и закона. Г. Кельзен писал по этому поводу: "В случае конфликта между национальным и международным правом вопрос о том, какое из них должно превалировать, может быть решен только на основе соответствующего национального закона..."¹⁹. Ясно, что это функция не Закона о ратификации, который к тому же больше имеет черты не правообразующего, а правоприменительного акта.

Юридически корректным было бы при применении нормы МП приводить и отсылочную норму, обосновывающую возможность применения. В нормативных актах, инструкциях министерств и ведомств, постановлениях Пленумов Верховного Суда, касающихся обеспечения выполнения тех или иных видов договоров, даются соответствующие ориентиры. В практике немало примеров такого рода, хотя вряд ли можно утверждать, что они являются общим правилом.

Раньше, когда не было общеправовой отсылочной нормы к МП, ссылались чаще всего на классическую статью 129 Основ гражданского законодательства или аналогичные ей в соответствующих актах.

В сборнике "Материалы секции права", посвященном 50-летию ВТАК при ТПП СССР, отмечено: "Источниками права, которые применяются ВТАК при определении прав и обязанностей сторон, являются прежде всего предписания международных договоров и соглашений. Согласно коллизионной норме статьи 129 Основ гражданского законодательства, если международным договором установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора"²⁰.

В деле № 3-16/85 по ходатайству Центра международно-правовой охраны молодежи в г. Брно (ЧССР) о взыскании алиментов в пользу гражданки ЧССР Р. с гражданина СССР Р. на содержание детей судебная коллегия по гражданским делам Киевского городского суда вынесла определение на основе статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР 1958 года о порядке исполнения решений судов иностранных государств, статьи 63 Основ гражданского судопроизводства (обе содержали отсылочные нормы), статей 56 и 58 Договора о правовой помощи. То же находим в других делах²¹.

Сейчас если используют отсылочную норму, то, как правило, приводят в таком качестве статьи 15 или 17 Конституции РФ. Мож-

но обратиться, к примеру, к ряду постановлений Конституционного Суда РФ по конкретным делам или к особым мнениям его судей.

В частности, в деле о проверке конституционности закона Чувашской Республики о выборах депутатов Госсовета Суд заявил, что по порядку введения в действие норма части 2, статья 42, Закона "не соответствует статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 и 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации о равенстве граждан, их праве избирать и быть избранными в органы государственной власти, а также статье 25 Международного пакта о гражданских и политических правах"²².

Дополнительные условия имеют именно субсидирующее значение, не являются столь необходимыми, как обязательные условия, и действие норм МП в правовой системе России возможно и без них. Они как бы развивают, конкретизируют либо дополняют обязательные. Дополнительными условиями можно назвать приказы министерств и ведомств, указание в договоре о его применимости к конкретным отношениям, компетентность органа.

Приказы министерств и ведомств. Министерства и ведомства обеспечивают выполнение международных договоров страны в пределах своей компетенции. Такая обязанность предусматривалась Законом СССР 1978 года о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров; предусматривается она и действующим Законом РФ о международных договорах. Для ее реализации министерства и ведомства издают приказы и инструкции своим нижестоящим органам, содержащие различные положения: извещение о вновь заключенном и вступившем в силу договоре, объявление договора для руководства, разъяснение и толкование его положений, порядок тех или иных процессуальных действий в связи с договором (договорами), приказание обеспечить выполнение, отсылочные нормы к договору. В итоге положения таких приказов становятся дополнительным юридическим условием действия норм МП наряду с общими отсылочными нормами в Конституции и законах.¹

Указание в договоре о его применимости к конкретным отношениям. В договорах встречаются положения о том, в отношении каких субъектов они действуют, в каких ситуациях применяется договор, а в каких — законы стран-участниц. Данные положения, следовательно, также выполняют роль дополнительных юридических условий, ориентиров для соответствующих органов относительно возможности применения норм МП; дополнительных в том смысле, что они не являются общеобязательными, поскольку присутствуют не во всех договорах.

В деле о спасании теплохода "Индиан траст" МАК пришла к выводу, что отношения сторон в целом подпадают под действие Международной конвенции для объединения некоторых правил от-

носителю оказания помощи и спасания на море 1910 года. Как явствует из статьи 15 Конвенции, если спасавшее или спасенное судно принадлежит к одному из государств—участников Конвенции, ее положения применяются “ко всем заинтересованным лицам”. Статья предусматривает применение национального закона в том случае, “если все заинтересованные лица—уроженцы того же государства, что и суд, в которое внесено дело”. В данной же ситуации речь идет о едином обязательственном отношении, регулируемом Конвенцией 1910 года, в котором в качестве кредитора выступает советский спасатель, а в качестве должника — иностранная фирма²³. В другом деле по этому же основанию МАК отказала в применении Конвенции и рассмотрела спор на основании ГК РСФСР²⁴.

Компетентность органа. Нередко можно найти и положения о том, какие органы договаривающихся сторон компетентны рассматривать соответствующие вопросы и, следовательно, применять нормы договора, что означает в таких ситуациях “подключение” к обязательным условиям еще одного — возможность реализации данного договора точно определенным органом или видом органов. Скажем, в серии договоров о правовой помощи применительно к России называются органы юстиции, об избежании двойного налогообложения — министерство финансов, в Конвенции об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами государств—участников СНГ — полномочные органы, осуществляющие регистрацию приобретения и выхода из гражданства, в договорах РФ с Туркменистаном и Таджикистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства — органы внутренних дел, дипломатические и консульские представительства.

И наоборот, отсутствие договора, в котором указывалось бы на полномочие органа, может стать основанием к его отказу рассматривать те или иные вопросы.

В деле по иску западноберлинской фирмы к фирме из ФРГ о расторжении контракта ВТАК при ТПП признала себя некомпетентной рассматривать спор, поскольку ни письменное соглашение сторон, ни их действия не свидетельствовали о намерениях подчиняться ее юрисдикции. В определении ВТАК, в частности, указала, что равным образом нет международных договоров, предусматривающих для данного случая компетенцию ВТАК²⁵.

Компетентность органов чаще определяется в договорах через регулирование подсудности споров той или другой договаривающейся стороне. Скажем, в договорах о правовой помощи могут содержаться общее правило о компетенции судов, а также специальные правила подсудности по вопросам правоспособности и дееспособности, признания безвестно отсутствующим или умершим,

заключения и расторжения брака, личных и имущественных правоотношений супругов, правоотношений между родителями и детьми и др.

Соответственно, арбитражная и общая судебная практика свидетельствуют о том, что практически в каждом деле устанавливается прежде всего компетентность органа рассматривать его.

Приведем выдержку одного из типичных решений судов общей юрисдикции по делам с участием иностранных граждан. В постановлении Президиума Свердловского областного суда по делу о ходатайстве гражданки Литовской республики К. о разрешении принудительного исполнения на территории России постановления суда г. Шауляй о взыскании алиментов, в частности, говорится: в соответствии с пунктом 1 статьи 51 Договора между РФ и Литовской Республикой о правовой помощи рассмотрению ходатайств о разрешении исполнения входит в компетенцию судов Договаривающейся стороны, на территории которой должно быть осуществлено исполнение²⁶.

При применении норм МП определение юридических условий должно сопровождаться и установлением того, является ли та или иная норма самоисполнимой или несамоисполнимой. Вопрос об этом качестве норм — предмет отдельного исследования.

¹ См. подробнее: *Марочкин С.Ю.* Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе РФ//Российский юридический журнал. — 1997. — № 2; *он же.* Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации//Известия вузов. — Правоведение. — 1997. — № 3.

² *Тиунов О.И.* Принцип соблюдения международных обязательств. — М., Междунар. отношения, 1979. — С. 161.

³ *СЗ РФ.* — 1996. — № 1. — Ст. 54; 1996. — № 21. — С. 2579.

⁴ *СЗ РФ.* — 1997. — № 20. — Ст. 2383.

⁵ *Бюллетень Верховного Суда РФ.* — 1995. — № 1. — С. 3—4.

⁶ См. напр., *СЗ РФ.* — 1997. — № 21. — Ст. 2542; *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации.* — 1995. — № 5 (постановление от 31 июля 1995 г.); *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ.* — 1992. — № 13. — Ст. 671.

⁷ *Даниленко Г.М.* Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда//Государство и право. — 1995. — № 11. — С.117.

⁸ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1996 г. № 10 "Обзор практики рассмотрения споров по делам с участием иностранных лиц, рассмотренных арбитражными судами после 1 июля 1995 г."//Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 1997. — № 3. — С. 87—101.

⁹ *Там же.* — С. 96.

¹⁰ Тиунов О.И. О применении Конституционным Судом Российской Федерации норм международного права//Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами (7—9 февраля 1996 г.)//Национальный комитет Российской Федерации по десятилетию международного права ООН. — М., 1996. — С. 41.

¹¹ См. напр., *СЗ РФ*. — 1996. — № 16. — Ст. 1909; 1996. — № 23. — Ст. 2811.

¹² См. *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ*. — 1992. — № 13. — Ст. 671; *Вестник Конституционного Суда РФ*. — 1993. — № 1 (постановление от 4 февраля 1992 г.).

¹³ Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации". — М., Спарк. — 1996. — С. 80—81, 98.

¹⁴ *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. — 1996. — № 1.

¹⁵ Дело № 44-г-182, Архив Свердловского областного суда, 1996 г.

¹⁶ Броунли Я. Международное право. В 2-х кн. — Кн. 1. — М., Прогресс. — 1977. — С. 93.

¹⁷ *Конституция Российской Федерации. Комментарий*/Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. — М., Юрид. литература. — 1994. — С. 118.

¹⁸ *Международное частное право: современные проблемы*. — М., ТЕИС. — 1994. — С. 109.

¹⁹ Kelsen H. Principles of International Law. — New York, 1966. — P. 565.

²⁰ *Материалы секции права*. 33. — М., ТПП СССР, 1982. — С. 28.

²¹ См. напр., дела № 3-16/85; 3-14/87; 3-14/86; 3-20/83, Архив Киевского городского суда.

²² *СЗ РФ*. — 1995. — № 29. — Ст. 2860; а также 1996. — № 16. — Ст. 1909; 1996. — № 23. — Ст. 2811 и др.

²³ *Переверзев С.С.* Вопросы исковой давности, возникшие в связи с рассмотрением МАК дела по спасанию т/х "Индиан траст"//Торговое мореплавание и морское право. — М., ТПП СССР, 1985. — Вып. 12. — С. 23.

²⁴ *Из практики Морской арбитражной комиссии*. 1972—1977 гг. — М., ТПП СССР. — 1980. — С. 21—22.

²⁵ *Арбитражная практика*. Ч. X. Практика Внешнеторговой арбитражной комиссии. 1982—1983 гг. — М., ТПП СССР. — 1985. — С. 72—74.

²⁶ Дело № 44-г-182, Архив Свердловского областного суда, 1996 г.

г. Тюмень

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.

К СОЗДАНИЮ ПАЛЕСТИНСКОЙ АРАБСКОЙ АВТОНОМИИ

А.М. Сумин*

При рассмотрении проблемы основания на оккупированных ныне Израилем территориях, отведенных в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1947 года № 181(II) под будущее палестинское арабское государство, этого государственного образования следует акцентировать внимание прежде всего на событиях последних нескольких лет, которые и сделали возможным решение этой проблемы. Его авторы сознательно избрали именно этот временной период, ибо предшествовавшие десятилетия всего лишь сохраняли в практически неизменном виде ситуацию, сложившуюся еще в 1938 году, когда выполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II) оставалось под вопросом.

Исходным пунктом в практическом становлении палестинской арабской государственности надо считать 13 сентября 1993 г., когда премьер-министр Израиля Ицхак Рabin и председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Ясир Арафат подписали в Вашингтоне при активном содействии США "Декларацию о принципах", которая и стала правовой основой для взаимодействия израильской и палестинской арабской сторон, ибо до того они, будучи субъектами международного права, отказывались признавать существование друг друга.

Разумеется, подписанию столь значительного документа предшествовала напряженная подготовительная работа, был также проведен ряд официальных и неофициальных встреч между представителями Израиля и ООП. Одна из таких неофициальных встреч состоялась в Осло, и в ней принимали участие министр иностранных дел Израиля Шимон Перес и председатель исполкома ООП Ясир Арафат. Встреча завершилась успешно, что сделало возможным придать наметившемуся взаимопониманию более официальный характер. Первым таким шагом стало послание, направленное Арафатом премьер-министру Израиля Рабину 9 сентября 1993 г.¹ Послание содержало ряд принципиальных для продолжения арабо-израильского диалога по Палестине положений, как-то:

а) ООП официально признала Израиль субъектом международных отношений, полноправной стороной в переговорах и согласилась, что еврейское государство, как и любое другое, вправе принимать меры, укрепляющие его безопасность;

* Аспирант кафедры административного и финансового права МГИМО-У МИД РФ.

б) арабское палестинское руководство обязалось прибегать исключительно к мирным средствам для решения проблемы своей государственности;

в) ООП осудила проведенные ее боевиками либо от чьего-то имени террористические акты против израильских военнослужащих и гражданских лиц, а также иные акты насилия;

г) Исполком ООП взял на себя обязательство не допускать совершения актов насилия и препятствовать их осуществлению;

д) арабская сторона официально объявила недействительными положения своих прежних программ и постановлений, отрицавшие право еврейского государства на существование;

е) руководство ООП объявило о намерении представить на утверждение своему законодательному органу — Палестинскому национальному Совету — все необходимые изменения в своих организационных документах.

Со своей стороны, Израиль признал ООП субъектом международного права и равноправным партнером в переговорном процессе (до этого момента израильские органы юстиции считали ООП террористической организацией, за контакты с которой граждане страны подлежали уголовному преследованию).

Данный обмен посланиями сделал возможной встречу на более высоком уровне, которая и состоялась в Вашингтоне. 13 сентября 1993 г. была подписана “Декларация о принципах”, по которой израильская и арабская палестинская стороны обязались содействовать установлению “промежуточного” самоуправления на территории будущего арабского государства, территория которого должна была быть определена в ходе последующих переговоров. “Декларация о принципах” по сути явилась первым соглашением, регулирующим создание арабской государственности в Палестине, ибо помимо обычных декларативных положений содержала и конкретные: немедленную организацию арабского самоуправления в секторе Газа и городе Иерихон (стороны сочли, что компромисса по сектору Газа и городу Иерихон достичь легче, чем по Западному берегу реки Иордан)², подготовку к передаче власти в руки арабской администрации на Западном берегу реки Иордан, а также соглашение о формировании руководства “самоуправления” и избрании законодательного органа — Палестинского совета. “Декларация о принципах” предусматривала и расширение экономических связей между израильтянами и арабами-палестинцами.

Помимо упомянутых положений подписанная 13 сентября 1993 г. “Декларация о принципах” включала и ряд общих моментов, относившихся к установленному пятилетнему промежуточному периоду, в течение которого арабское самоуправление в Палестине должно было функционировать первоначально. Постоянный же статус госу-

дарственного образования палестинских арабов предусматривалось согласовать в ходе переговоров, которые должны были начаться не позднее третьего года промежуточного периода. Соответственно, по истечении пятилетнего промежуточного периода должен был вступить в силу определенный в ходе переговоров постоянный статус палестинского арабского государства.

“Декларация о принципах” явилась чрезвычайно важным моментом в урегулировании палестинской проблемы вообще и создании арабского государства в Палестине в частности. Так, этот документ юридически закрепил обязательства Израиля передать осуществление властных полномочий на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа в руки палестинских арабов. Заслуживает интереса и положение, согласно которому временный статус арабского государственного образования в Палестине конкретно отграничивался от будущего постоянного (включая сюда такие болезненные для обеих сторон проблемы, как вопросы об Иерусалиме, арабских беженцах 1948 и 1967 г., строительстве еврейских поселений на оккупированных территориях, обеспечение безопасности, окончательное определение границ). В течение пятилетнего промежуточного периода Израиль сохранял за собой контроль за внешними сношениями арабской автономии, обеспечением безопасности и охраной границ. С самого начала переговоров израильское руководство отказывалось обсуждать проблему Иерусалима, ссылаясь на Основной закон об Иерусалиме 1980 года, объявлявший город вечной и неделимой столицей Израиля. Эта позиция израильской стороны остается неизменной до сих пор, и кратко ее можно охарактеризовать так: “неделимый Иерусалим под управлением Израиля при обеспечении правоправия всех религий”.

Особое место на переговорах в Вашингтоне было уделено проблеме безопасности, обеспечение которой, согласно “Декларации о принципах”, возлагалось на израильскую сторону. Причем проблема безопасности считалась многоплановой и включала такие вопросы, как контроль за внешними границами арабской автономии в Палестине и за пропускными пунктами на границах с Египтом и Иорданией, обеспечение безопасности израильтян на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа (в том числе охрану еврейских поселений), обеспечение свободы передвижения по дорогам.

Предлагался поэтапный ввод в действие положений “Декларации о принципах”. Первый этап предполагал немедленное учреждение арабского самоуправления в секторе Газа и городе Иерихон с одновременным выводом оттуда израильских войск (более подробно эти меры обсуждались на встрече представителей Израиля и ООП в Каире 4 мая 1994 г.). На втором этапе предусматривалось передать в руки арабской администрации на всем Западном берегу реки Иор-

дан полномочия в сфере образования и культуры, здравоохранения, социальной политики, прямого налогообложения и туризма. Предполагалось также рассмотреть передачу в ведение арабской администрации иных вопросов, определяемых в ходе дальнейших переговоров. Особо подчеркивалось, что второй этап вступит в силу непосредственно после практического осуществления соглашения "Газа—Иерихон". На следующем этапе стороны планировали провести переговоры о формировании законодательного органа автономии — Палестинского совета, где речь должна была пойти о полномочиях, составе и структуре этого выборного органа. Здесь же предполагалось обсудить менее значимые вопросы, затрагивавшие функционирование органов управления автономии. Предусматривалось вывести израильские войска из населенных пунктов, располагавшихся на территории арабской автономии, и расквартировать армейские части за их пределами. В распоряжении Палестинского совета должны были находиться особые полицейские силы, достаточные для поддержания общественного порядка и внутренней безопасности и сформированные исходя из двусторонних договоренностей. Одновременно урегулировались проблемы израильско-палестинского экономического сотрудничества, которое для удобства обсуждения стороны подразделили на два блока.

Следующим пунктом переговоров стало обсуждение будущего постоянного статуса палестинской автономии. Стороны договорились начать переговоры "как можно скорее", то есть до мая 1996 года. Переговоры должны были выработать окончательное решение по оспуаемому вопросу, в том числе разрешить проблемы Иерусалима, арабских беженцев, израильских поселений на оккупированных территориях, безопасности, ее границ, отношений с соседними государствами и проч. Согласно "Декларации о принципах", постоянный статус арабского государственного образования в Палестине должен юридически вступить в силу спустя пять лет после ввода в действие соглашения по Газе и Иерихону, то есть в мае 1999 года.

Вскоре после подписания "Декларации о принципах" израильская и арабская стороны продолжили переговоры по промежуточному статусу палестинской автономии, причем переговоры велись в три раунда.

Во время первого раунда переговоров обсуждалось соглашение по сектору Газа и городу Иерихон. Переговоры продолжались семь месяцев и завершились подписанием 4 мая 1994 г. в Каире соответствующего документа. Дискуссии велись в основном по обеспечению безопасности еврейских поселений в указанных районах, охране внешних границ и обеспечению порядка на пунктах пересечения этих границ. Соглашение предусматривало вывод израильских войск

из Газы и Иерихона, передачу власти израильской гражданской администрации учреждаемым органам управления автономии, формирование и структуры этих органов управления с юридическим оформлением их полномочий, создание полицейских сил автономии и выработку принципов отношений между правительством государственного образования в Палестине и израильским руководством. Соглашение определило территории, передаваемые под арабское управление, — сектор Газа и около 65 квадратных километров, занимаемых городом Иерихон и его окрестностями. О важности этого юридического акта свидетельствует хотя бы тот факт, что упомянутая выше “Декларация о принципах” занимала около 20 страниц, а соглашение по Газе и Иерихону — почти 300 страниц (включая приложения к основному тексту). Оригиналы соглашения сопровождалось шестью картами, отражавшими планируемые изменения в статусе Газы и Иерихона. Итоговый документ включал четыре блока проблем: вопросы безопасности, обеспечение гражданских прав, юридическое оформление планируемых изменений и экономические связи.

Раздел “вопросы безопасности” объединял ряд пунктов, по которым удалось достичь согласия. Прежде всего стороны определили понятие режима безопасности и предел своих полномочий по его поддержанию. Соглашение определило, что районы Газы и Иерихона будут находиться в израильском “рубеже” безопасности, созданном для защиты прежде всего от возможных угроз извне. Вопросы же внутренней безопасности планировалось пропорционально поделить между сторонами в расчете, что Израиль станет охранять свои поселения и граждан, а палестинцы — обеспечивать общественный порядок. Раздел “вопросы безопасности” сопровождался приложением, предусматривавшим:

вывод израильских войск из районов Газы и Иерихона под надзором специально созданного израильско-палестинского Комитета по координации безопасности и сотрудничеству. В функции комитета входили выработка мер безопасности во время вывода израильских войск, обмен информацией и выработка планов мероприятий для учреждаемых на местах представительств по двухстороннему сотрудничеству. Выведенные израильские войска были размещены на новых местах — у границы с Египтом и рядом с еврейскими поселениями, дабы обеспечивать предусмотренную соглашением безопасность. Перемещение израильских войск завершилось 18 мая 1994 г.;

обеспечение безопасности израильтян. Соглашение предусматривало выработку комплекса мер по защите отдельных еврейских поселений и еврейских жилых районов (перечислялись конкретные населенные пункты). Израильские военные формирования наделялись правомочием осуществлять патрулирование вокруг еврейских

поселений, для обеспечения безопасности которых Израиль сохранял контроль за прилегавшими к своим поселениям арабскими земельными участками. Предусматривались временные изъятия из юридического статуса принадлежавших арабам земельных площадей, примыкавших к еврейским поселениям (к примеру, на них ограничивалось строительство);

обеспечение безопасности на дорогах. Израильские власти сохраняли за собой полный контроль за основными транспортными магистралями, связывавшими поселения и примыкавшие к ним районы, дабы гарантировать безопасность пользующихся этими магистралями граждан. Для обеспечения свободного и безопасного продвижения по дорогам предусматривалось создание смешанных арабско-израильских патрулей и мобильных подразделений;

обеспечение безопасности на внешних границах арабской автономии. Израильские военные сохраняли контроль за внешними границами районов Газы и Иерихона, дабы обеспечить законность прохождения через границы людей, транспортных средств и оружия. Кроме того, на Израиль возлагалась охрана морских и воздушных границ автономии;

гарантию свободы сообщения между районами Газы и Иерихона. Израиль принял на себя обязательство обеспечивать беспрепятственное сообщение между этими районами для арабов-палестинцев в светлое время суток;

юридический статус, полномочия и численность создаваемой палестинской полиции. Стороны решили, что палестинская полиция станет действовать под руководством правительства автономии и будет отвечать за соблюдение "внутренней безопасности" и общественного порядка. Штатная численность палестинской полиции определялась в 9 тыс. человек, 7 тыс. из которых могли быть набраны из числа лиц, находившихся на момент подписания соглашения за рубежом. Палестинцы обязались содействовать предотвращению актов террора против израильтян на территориях, переходивших под их юрисдикцию;

освобождение из израильских тюрем палестинских арабских заключенных. Израиль обязался освободить из тюрем около 5 тыс. заключенных — арабов, не причастных к террористическим актам против израильтян. Освобождению не подлежали лица, арестованные за террористическую деятельность после подписания "Декларации о принципах", и лица, связанные с террористическими организациями "Хамас" и "Исламский джихад".

Следующим разделом был вопрос, регулировавший передачу административных полномочий от израильских властей к создаваемым арабским. В соответствии с соглашением "Газа—Иерихон" была формально упразднена израильская гражданская администра-

ция в указанных районах, а ее полномочия и обязанности передавались в ведение учреждаемых арабских органов управления. Подлежали передаче полномочия в следующих сферах: образование, общественные работы, туризм, телекоммуникации, промышленность и торговля, планирование и зонирование, сельское хозяйство, регистрация населения и связанный с нею документооборот, природные ресурсы, жилой фонд, парки, археология, водоснабжение и канализация, транспорт, охрана окружающей среды, электроснабжение, социальное обеспечение, почтовое сообщение, религиозные дела, пенсионное обеспечение, здравоохранение, прямое налогообложение, обеспечение занятости населения, финансы.

Во исполнение этого пункта соглашения был учрежден двусторонний Комитет по сотрудничеству в гражданских делах. Предполагалось в дальнейшем расширить полномочия комитета и распространить их на такие сферы, как эксплуатация инфраструктуры, передвижение между сектором Газа и районом Иерихона и общие арабо-израильские отношения.

Исключительно важным был раздел, регулировавший проблемы юридического характера. В соглашении оговаривалось, что власть правительства палестинской автономии станет распространяться на все вопросы, подпадающие под его территориальную, функциональную и личную юрисдикцию. Палестинская юрисдикция не распространялась на израильских граждан, еврейские поселения и сферы, оставленные вне ответственности правительства автономии (к примеру, внешние сношения). В приложении к соглашению, регулировавшем юридические вопросы, также отмечалось, что:

подсудными соответствующим судебным органам автономии стали все преступления, совершенные на территории, на которую распространялась его территориальная юрисдикция;

подсудными соответствующим судебным органам Израиля объявлялись преступления, совершенные на территории еврейских поселений, в местах дислокации израильских армейских частей, и преступления, совершенные израильскими гражданами на территории автономии;

израильские и палестинские власти приняли на себя обязательство сотрудничать и оказывать взаимную поддержку в вопросах судопроизводства, включая обмен данными на преступников и подозреваемых, регистрами транспортных средств и прочей информацией такого рода;

израильские и палестинские власти зарезервировали за собой право обращаться друг к другу с ходатайствами о выдаче подозреваемых в совершении преступлений и лиц, находящихся под следствием, из числа тех, кто подпадает под их юрисдикцию;

палестинские суды и судебные органы получили юрисдикцию над всеми гражданско-правовыми вопросами на территории автономии;

палестинская юрисдикция не распространялась на гражданско-правовые акты, совершенные на территории автономии, если в таковых хотя бы одной из сторон являлось израильское лицо, кроме случаев, связанных с собственностью. Из-под палестинской юрисдикции выводились также дела, связанные с расположенными на территории автономии израильскими предприятиями, фирмами и иными хозяйствующими субъектами.

Особый раздел в соглашении регулировал экономические связи между палестинской автономией и Израилем. Решение об экономическом сотрудничестве было достигнуто на переговорах в Париже и оформлено в виде дополнительного приложения к основному тексту соглашения "Газа—Иерихон". Раздел включал следующие основные положения:

импорт на территорию палестинской автономии: стороны договорились проводить единую экономическую политику при импорте товаров и услуг, используя максимально сближенные таможенные режимы. С другой стороны, автономия получила право ввозить товары, облагая их в ряде случаев отличными от израильских таможенными пошлинами (каждый факт ввоза осуществлялся по взаимной договоренности). Кроме того, автономия теперь могла ввозить товары и из арабских стран, хоть и в ограниченных количествах (квоты также всякий раз подлежали согласованию);

местные рынки и туризм: гарантировалось свободное движение товаров, произведенных на территории автономии. Сельскохозяйственная продукция из автономии могла ввозиться в Израиль без всяких ограничений (кроме помидоров, огурцов, картофеля, яиц и мяса птицы, которые подлежали квотированию). Декларировалось свободное перемещение туристов по территориям автономии и Израиля;

кредитно-денежная политика: правительство автономии получило право создать финансовый орган, главной задачей которого явилось бы нормативное регулирование и надзор за банковской деятельностью на своей территории;

налогообложение: учрежденная палестинская налоговая администрация наделялась правомочием проводить собственную политику в области прямого налогообложения. Израильские власти обязались перечислять в пользу автономии 75% доходов от налогообложения заработков занятых в Израиле палестинцев. Кроме прямых в ведение палестинских фискальных органов передавалось и управление одним из косвенных налогов — налогом на добавленную стоимость (по соглашению, ставка этого налога могла колебаться в пределах 15 — 16%);

трудовая деятельность: стороны обязались гарантировать свободное движение на своих территориях рабочей силы (в основном речь шла о палестинцах, работающих в Израиле). Израильская сторона

должна была "охранять права" работающих в Израиле палестинцев, в то время как правительство автономии взяло на себя обязательство разработать систему социальных гарантий для работников, в том числе для занятых на израильской территории.

Вторым этапом в становлении арабской палестинской государственности стало подписание 29 августа 1994 г. Соглашения по подготовительной передаче полномочий и ответственности. Данное соглашение стало по сути воплощением в жизнь очередного плана, предусмотренного "Декларацией о принципах". Соглашение включало следующие группы проблем:

во-первых, стороны четко оговорили, какие именно полномочия передавались на данном этапе правительству палестинской автономии. В ведение палестинской администрации передавались:

образование и культура: полномочия по контролю за высшим и специальным образованием, культурной и образовательной подготовкой, включая разработку и осуществление соответствующих программ, надзор за учреждениями образования и культуры;

здравоохранение: контроль за деятельностью всех (частных, государственных, неправительственных и иных) учреждений здравоохранения;

социальное обеспечение: контроль за деятельностью правительственных и неправительственных организаций и учреждений, включая благотворительные общества, добровольные организации, деятельность которых не преследует получение прибыли;

туризм: регулирование, лицензирование, надзор за деятельностью и развитие индустрии туризма;

прямое налогообложение: полномочие устанавливать ставки подоходного налога. Поимущественный налог должен был взиматься израильской налоговой администрацией, после чего собранные средства перечислялись в пользу автономии;

косвенное налогообложение: автономия получила это право для обеспечения сбалансированности бюджета на компенсацию потерь, неизбежно возникавших при формировании налоговой администрации автономии. Соглашение предусматривало, что налоговая администрация автономии станет взимать налог на добавленную стоимость на продукцию, произведенную на Западном берегу реки Иордан, при этом из-под палестинской налоговой юрисдикции выводилась продукция, произведенная в еврейских поселениях и на территориях, занятых израильскими военными базами.

Во исполнение пунктов соглашения уже 29 августа 1994 г. в ведение органов управления автономии были переданы полномочия в

области образования и культуры, дабы уже в новом учебном году палестинские школы смогли наладить учебный процесс в соответствии с новыми программами. Чуть позже — 13 и 14 ноября 1994 г. — палестинские власти распространили свою юрисдикцию на сферы социального обеспечения и туризма. Передача палестинцам последних двух сфер государственного управления — здравоохранения и налогообложения — произошла 1 декабря 1994 г.

Второй проблемой, урегулированной подписанным соглашением, стало уточнение юрисдикции палестинского государственного образования. Принимая во внимание базовый документ — “Декларацию о принципах”, стороны подтвердили палестинскую юрисдикцию над указанными выше сферами государственного управления и иными объектами, особо отметив, что эта юрисдикция не распространяется на город Иерусалим, еврейские поселения и израильские военные базы на территории автономии и, при отсутствии особых договоренностей, на израильских граждан.

Израильское правительство приняло на себя обязательство всемерно содействовать и поддерживать органы власти автономии при проведении в жизнь пунктов соглашения. При этом Израиль обязался предоставлять палестинским органам управления финансовую информацию и обеспечивать экспертную поддержку. В свою очередь, правительство автономии обязалось способствовать предотвращению актов насилия против Израиля и координировать с израильскими властями свои действия в этом направлении.

Заслуживает интереса пункт соглашения, затрагивающий нормотворчество соответствующих палестинских органов законодательной власти. Соглашение от 29 августа 1994 г. предоставило палестинской стороне право нормотворчества в пределах указанных выше сфер. При этом Израиль получил право применения вето на законопроекты, если те:

выходят за рамки предоставленных автономии полномочий;

противоречат соглашению от 29 августа 1994 г.;

затрагивают сферы и полномочия, не входящие в юрисдикцию органов власти автономии.

Правительство автономии также получило право надзора за действиями работодателей в каждой из переданных под его юрисдикцию сфер. При этом органы власти и управления могли действовать в качестве “гражданских инспекторов” по контролю за соблюдением работодателями соответствующих законов и подзаконных актов. Стоит отметить, что “гражданские инспекторы” не дублируют функций органов охраны правопорядка: так, они не вправе носить форменную одежду, оружие и образовывать военные и полувойсковые формирования. Предполагалось, что назначенные на должности “гражданских инспекторов” представители палестинских органов

должны были также получить одобрение соответствующих израильских органов, после чего они могли наделяться соответствующими полномочиями и приступать к служебной деятельности³.

Правительства Израиля и палестинской автономии обратились также к "странам-донорам" (США, Европейскому Союзу и Японии) учредить особый фонд, поступающие в который средства планировалось использовать для смягчения негативных последствий в период, когда территория автономии выводилась из-под юрисдикции израильской налоговой службы, а фискальная служба автономии еще только создавалась.

Следующей вехой в становлении палестинской арабской государственности стало подписание 27 августа 1995 г. Протокола о дальнейшей передаче полномочий и ответственности. Во исполнение пунктов протокола Израиль вывел из-под своей юрисдикции в пользу автономии следующие сферы управления и жизнеобеспечения: управление трудовыми ресурсами, торговлю и промышленность, газоснабжение и торговлю нефтепродуктами, страхование, почту, статистику, сельское хозяйство и местное самоуправление. Значение Протокола о дальнейшей передаче полномочий и ответственности состоит в том, что он явился переходным моментом от второго этапа становления арабской государственности в Палестине к очередному, начавшемуся 28 сентября 1995 г. с подписания в Вашингтоне израильско-палестинского Промежуточного соглашения по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа.

Главной целью Промежуточного соглашения стороны объявили расширение арабского самоуправления на Западном берегу реки Иордан, причем самоуправление это достигалось с помощью выборного органа — Палестинского совета. Соглашение углубляло права администрации автономии при проведении внутренней политики, снижало вероятность возникновения конфликтов с израильскими властями и призвано было "открыть новую эру сотрудничества и добрососедства на основе взаимовыгоды, соблюдения достоинства и взаимоуважения". Одновременно Израиль постарался включить в Промежуточное соглашение положения, гарантирующие его внешнюю безопасность и безопасность израильских граждан, находящихся на Западном берегу реки Иордан.

Текст Промежуточного соглашения, включая приложения, составил свыше 300 страниц. Что касается приложений, то они затрагивали проблемы безопасности, организацию выборов, гражданские дела (имелась в виду дальнейшая передача полномочий), юридические вопросы, экономические отношения, дальнейшее двустороннее сотрудничество и освобождение из израильских мест заключения заключенных арабов-палестинцев.

Промежуточное соглашение по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа содержит следующие основные положения: организа-

цию и проведение выборов в Палестинский совет, передислокацию израильских войск, проблемы безопасности, частичный пересмотр программных документов Организации освобождения Палестины, выработку мер по предотвращению актов террора и насилия, передачу гражданских прав и ответственности, обеспечение свободы передвижения израильтян по территории автономии, юридические вопросы, Святые места, проблему города Хеврон, права человека, водоснабжение, освобождение из израильских тюрем арабов-палестинцев, экономическое и иное сотрудничество, создание в обществе атмосферы терпимости и уважения друг к другу.

Относительно организации и проведения на территории автономии выборов было решено, что выборы в Палестинский совет состоятся не позднее чем через пять лет после подписания соглашения "Газа—Иерихон" (т.е. не позднее мая 1999 г.), причем израильская сторона сочла формирование избирательной системы "внутрипалестинским делом"⁴, то есть ее формирование должно было осуществляться в соответствии не с израильско-палестинским соглашением, а с палестинским Законом о выборах. Избирательное право предоставлялось всем гражданам автономии старше 18 лет и внесенным в регистр населения. Кроме того, избиратель должен был обладать "постоянным основным местом жительства" на территории избирательного округа и не быть лишенным права голоса в силу юридически значимого обстоятельства. Соглашение не предусматривало участия в голосовании палестинских беженцев — лиц, оставивших в 1967 году Западный берег реки Иордан и сектор Газа. Впрочем, ст. 3 Приложения 1 к "Декларации о принципах" закрепила положение о том, что в будущем статус этих лиц "не будет ущемлен, ибо они не сумели принять участия в голосовании по практическим причинам". В ходе последующих уточнений выборы в Палестинский совет было решено провести спустя двадцать два дня после передислокации израильских армейских частей из населенных пунктов на Западном берегу реки Иордан.

Согласно уточненной процедуре в законодательный орган автономии — Палестинский совет — мог быть избран один депутат от каждой единицы административно-территориального деления (всего насчитывалось 16 избирательных округов, в число которых входил и Иерусалим, причем границы иерусалимского избирательного округа не соответствовали границам города, но включали его восточную часть). Одновременно проводились отдельные выборы главы исполнительного органа управления. Для победы на выборах кандидат должен был набрать простое большинство голосов избирателей.

К кандидатам вообще предъявлялись особые требования. Так, на момент голосования кандидат должен был быть не моложе 35 лет, зарегистрирован в избирательном списке и обладать "законным" адресом на находившейся под контролем Совета территории, ис-

ключая Иерусалим. Не допускались к избирательной гонке кандидаты, партии и партийные блоки, избирательные программы которых содержали положения националистического содержания, а также противоречившие закону и демократическим принципам.

Выборы планировались организовать во всех населенных пунктах, кроме Иерусалима, проживающие в котором арабы-палестинцы могли голосовать исключительно по почте, направив в адрес Центрального избирательного комитета запечатанные конверты с размеченными бюллетенями. Данную процедуру стоит отметить особо, ибо, кажущаяся простой на первый взгляд, она, тем не менее, была исполнена смысла для обеих сторон. В частности, палестинцы считали, что, голосуя в том числе на территории Иерусалима, они как бы лишний раз подтверждали свои права на город. Израильяне же рассматривали участие палестинцев в голосовании по почте как простое пользование теми услугами почты — между прочим, израильской же⁵. Арабы-палестинцы, проживавшие на момент выборов в Иерусалиме, могли также выставить свою кандидатуру на выборах, но при условии обладания вторым, “законным” адресом местожительства на территории Западного берега реки Иордан в секторе Газа.

Все стадии выборов объявлялись “прозрачными” для международных наблюдателей, в обязанность которым вменялось определить в конечном счете их честность и беспристрастность. Израильская и палестинская стороны загодя обратились к Европейскому Союзу с просьбой об организации системы наблюдателей за проведением выборов в органы власти автономии. После консультаций с представителями международных организаций и внешнеполитических ведомств ряда государств было решено, что ход проведения выборов станут контролировать наблюдатели от следующих международных организаций и стран: Организации Объединенных Наций, Европейского Союза, неприсоединившихся государств, Организации африканского единства, Организации Исламская конференция, Российской Федерации, США, Канады, Египта, Японии, Иордании, Норвегии, ЮАР.

В результате проведения выборов надлежало сформировать особый орган власти и управления автономии — Палестинский совет. Палестинский совет должен был принять на себя полномочия в области обеспечения безопасности и по гражданским делам на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Непосредственно после формирования Палестинского совета израильские органы военного управления должны были быть передислоцированы вместе с армейскими частями, а гражданские — расформированы. Тем самым на Палестинский совет возлагалась ответственность за обеспечение прав и исполнение обязательств по оговоренным сферам управле-

ния и деятельности. Соответственно, обеспечение прав и исполнение обязательств в указанных в соглашении сферах сохранялись за израильскими властями.

Во исполнение соглашения по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа в ходе выборов планировалось сформировать Палестинский совет в составе 82 депутатов, который обладал бы полномочиями как законодательного, так и исполнительного порядка. Законодательные полномочия были присущи Палестинскому совету как целостному органу, в то время как исполнительные полномочия передавались Исполнительному комитету в составе Палестинского совета. В состав Исполнительного комитета наряду с членами Палестинского совета должно было входить ограниченное число специально назначенных представителей.

Под юрисдикцию Палестинского совета попадали, таким образом, практически все сферы управления и жизнеобеспечения автономии, кроме особо оговоренных (таких, как внешние сношения). Тем не менее отдельный пункт соглашения предоставлял Организации освобождения Палестины право действовать от имени Палестинского совета: проводить переговоры, подписывать соглашения (к примеру, в вопросах экономики, получения зарубежной помощи и регионального развития).

Особое место в процессе обеспечения нормализации обстановки на территории палестинской автономии принадлежало передислокации израильских войск, чему как израильская, так и палестинская стороны придавали особое значение. Был разработан и согласован график вывода израильских военных формирований из арабских населенных пунктов и их последующего размещения в новых местах дислокации. Вывод планировалось осуществлять в несколько этапов. Так, вначале предусматривалась передислокация израильских войск (для удобства проведения выборов в Палестинский совет) на территории Западного берега реки Иордан из шести городов (Джезин, Наблус, Тулкарем, Калкилия, Рамаллах и Вифлеем) и 450 средних и мелких населенных пунктов. В отношении города Хеврон стороны договорились особо (см. ниже). Затем намечалось осуществить следующий этап вывода израильских войск с интервалом в шесть месяцев, но не ранее инаугурации сформированного Палестинского совета. По мере осуществления вывода под юрисдикцию Палестинского совета должна была перейти зона безопасности "С" (см. ниже), так что при завершении передислокации израильских армейских сил под палестинским контролем оказался бы вся территория Западного берега реки Иордан, кроме районов, судьбу которых предполагалось решить позднее на переговорах по определению окончательного статуса арабского государственного образования в Палестине (имелись в виду районы еврейских поселений, израильских военных баз и пр.).

Следующим пунктом двустороннего соглашения был вопрос обеспечения безопасности на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. В этой сфере Израиль сохранил за собой преимущественное по отношению к автономии право, дабы гарантировать безопасность своих граждан и поселений, расположенных на территории автономии.

Принимая во внимание вышеуказанные условия, израильские власти разделили территорию автономии на три зоны безопасности — “А”, “В” и “С”.

Зона “А” включала города Дженин, Наблус, Тулкарем, Калкилия, Рамаллах, Вифлеем и Хеврон (исключая старую часть Хеврона, его еврейский квартал и комплекс сооружений и дорог, соединяющих еврейский квартал с историческими памятниками Кирьят-Арба и Пещерой патриархов). В указанных районах администрация автономии обязалась обеспечивать “внутреннюю безопасность” и общественный порядок, а также отвечать за гражданские дела.

Зона “В” включала арабские города и деревни на Западном берегу реки Иордан, в которых на момент подписания соглашения проживало 68 процентов населения автономии и на которые, подобно населенным пунктам зоны “А”, распространялась юрисдикция органов власти автономии. Палестинский совет принимал на себя обязательство гарантировать соблюдение общественного порядка, в то время как израильские власти гарантировали защиту своих граждан и борьбу с терроризмом. Таким образом, полномочия израильских властей в зоне безопасности “В” были первичны по отношению к правам властей автономии. Планировалось также организовать в некоторых населенных пунктах зоны “В” опорные пункты палестинской полиции для более эффективного обеспечения общественного порядка. В соглашении оговаривалось, что свои продвижения палестинская полиция должна была согласовывать (с их последующим разрешением) с израильскими властями.

Зона “С” включала незаселенные районы Западного берега реки Иордан, а также районы, представлявшие для израильской армии особую стратегическую ценность, и еврейские поселения. В зоне “С” Израиль принимал на себя полную ответственность за поддержание общественного порядка и обеспечение безопасности. В распоряжение Палестинского совета в зоне “С” передавались вопросы, не связанные с территорией: экономика, здравоохранение, образование и пр.

Подписав соглашение, палестинская арабская сторона приняла на себя (в лице Организации освобождения Палестины) обязательство убрать из своих программных документов пункты, призывавшие к уничтожению Государства Израиль. Причем сделать это соглашение предписывало в течение двух месяцев с момента инаугурации Палестинского совета.

Одним из пунктов Соглашения по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа было обязательство сторон способствовать предотвращению актов террора и насилия. Имелось в виду, что автономия получит право на формирование 12-тысячного полицейского корпуса, который стал бы единственной военизированной структурой обеспечения безопасности. Особое приложение к тексту соглашения конкретизировало договоренность по созданию палестинских сил безопасности — в нем оговаривались пункты постоянного расквартирования полицейских отрядов, тактика их действий при несении службы, виды вооружения и снаряжения, которыми планировалось оснастить полицейских.

Это же приложение закрепило обязательства израильской и палестинской сторон сотрудничать в борьбе против террористической деятельности, предотвращать отдельные акты террора. При этом сотрудничество должно было осуществляться в соответствии со следующими основными принципами:

- палестинская полиция признавалась единственным законным вооруженным формированием;

- палестинская полиция обязывалась систематически бороться с любыми проявлениями террора и насилия;

- Палестинский совет должен был разработать и осуществить выдачу специальных лицензий на право владения и ношения оружия гражданскими лицами. Не зарегистрированное таким образом оружие подлежало изъятию полицейскими органами автономии;

- палестинская полиция обязывалась задерживать лиц, причастных к совершению актов насилия и террора, и осуществлять в отношении их судебное преследование.

Израильская и палестинская стороны принимали на себя обязательство пресекать акты насилия и террора, не допускать подстрекательства к их совершению как гражданами автономии, так и гражданами Израиля. В связи с этим обязательством стороны договорились координировать правоохранную деятельность и обмениваться соответствующей информацией.

Для обеспечения координации действий между израильскими и палестинскими органами безопасности планировалось учредить совместные “комитеты по безопасности”. Для обеспечения свободного и безопасного передвижения по дорогам зоны “А” было решено организовывать патрулирование силами смешанных караулов.

Соглашение по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа предусматривало особую процедуру передачи властям автономии полномочий и ответственности в гражданской сфере. Так, в зоне безопасности “С” израильская гражданская администрация должна была немедленно передать в ведение органов управления автономии полномочия, не связанные непосредственно с территорией зоны.

Полномочия же, затрагивающие в той или иной степени территорию зоны безопасности "С", подлежали передаче в ведение Палестинского совета постепенно, сообразно с ходом передислокации израильских сил безопасности. Дальнейшая передача прав и ответственности в гражданской сфере увязывалась с достиганием договоренностей по каждой такой конкретной сфере: имущественным правам израильских граждан, обеспечению бесперебойного функционирования инфраструктуры (электроснабжения, водоснабжения, телекоммуникаций и проч.) еврейских поселений.

Стороны пришли к соглашению, что во время и после передачи полномочий в сфере управления под юрисдикцию Палестинского Совета израильские силы безопасности и граждане смогут по-прежнему беспрепятственно передвигаться по дорогам на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Палестинская полиция не наделялась правом задерживать и заключать под стражу израильских граждан. Единственное контрольное полномочие, закреплявшееся за палестинской полицией по отношению к израильским гражданам, сводилось к праву проверять у них удостоверения личности и документацию на транспортные средства. На дорогах, подлежавших совместному израильско-палестинскому патрулированию, только израильские военнослужащие, включенные в состав патрулей, получали право проверять документы у своих граждан.

В числе приложений к Соглашению по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа имелось и приложение, регулировавшее чисто юридические вопросы, возникавшие при взаимодействии израильских и палестинских органов власти и управления. Так, получили определение уголовная и гражданская юрисдикции Палестинского Совета, был разработан механизм правовой помощи по уголовным и иным делам, включая сотрудничество при проведении полицейских расследований.

Подписав соглашение, Израиль передал под юрисдикцию автономии и контроль за расположенными на территории автономии религиозными святынями. В отношении Святых мест, расположенных на территории зоны безопасности "С", передача контроля под палестинскую юрисдикцию носила растянутый во времени характер, ибо увязывалась с постепенной передислокацией израильских сил безопасности, а отдельные вопросы и вовсе предполагалось решить много позднее — в рамках определения окончательного статуса арабского государственного образования в Палестине. Обе стороны обязались уважать и защищать религиозные права христиан, иудеев, мусульман и самаритян, обеспечивая при этом охрану Святых мест, обеспечение беспрепятственного доступа к ним всем желающим и гарантируя свободу отправления религиозных культов. Соглашение закрепило процедуру обеспечения доступа верующих ко всем Свя-

тым местам, расположенным на территории зон безопасности “А” и “В”. Особое регулирование было разработано в отношении двух иудейских святынь (могилы Рахели в Вифлееме и могилы Иосифа в Наблусе), но и в этом случае гарантировались свобода доступа к ним и свобода отправления религиозных обрядов.

При подписании столь значимого юридического акта, как Соглашение по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа, стороны не могли не затронуть болезненную для обеих проблему города Хеврон. После серии переговоров стало возможным прийти к компромиссу, согласно которому на территории Хеврона палестинская юрисдикция распространялась только на палестинцев, а израильская, соответственно, на своих граждан, причем в задачи дислоцированных в городе сил безопасности входило также обеспечение свободного и безопасного доступа верующих-иудеев к своим религиозным святыням. Под израильским контролем оставались Еврейский и Старый кварталы Хеврона и районы, связывающие их с историческим памятником Кирьят-Арба и библейской святыней — могилой Рахели. Остальная часть города отходила под юрисдикцию автономии. Израильские войска должны были быть передислоцированы из мест постоянного расквартирования в районах Хеврона, отходивших к палестинцам, причем передислокацию планировалось завершить не позднее чем через шесть месяцев после подписания соглашения, но Израиль сохранял за собою право на обеспечение своей внутренней безопасности и общественного порядка и на последующий период. Касательно одной из святынь иудаизма — Пещеры патриархов — решено было сохранить статус-кво. Для обеспечения гарантии соблюдения достигнутых договоренностей по Хеврону стороны согласились с присутствием в городе на протяжении некоторого периода иностранных наблюдателей.

Израильская и палестинская стороны обязались осуществлять вытекавшие из соглашения права и исполнять обязанности, сообразуясь исключительно с нормами международного права в области обеспечения верховенства закона и соблюдения прав личности.

Особого внимания заслуживает раздел соглашения, касающийся водопользования и водоснабжения, ибо проблема дефежа крайне ограниченных водных ресурсов — одна из животрепещущих в той комплексной проблеме, которую принято именовать “ближневосточной”. В Соглашении по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа стороны подошли к проблеме дефежа водных ресурсов уже не только декларативно, но и практически, в частности Израиль, сохранявший (и сохраняющий поныне) контроль за водопользованием, обязался увеличить объем направляемой на нужды палестинцев воды на 28 млн. кубических метров, причем этот шаг только предвещал дальнейшее сотрудничество в распределении водных

запасов. Так, стороны демонстрировали готовность к последующей работе в этой сфере: в будущем планировалось распределять наличные водные ресурсы и улучшать водоснабжение, используя целевую финансовую помощь международных организаций и отдельных стран. Отдельное место в таком сотрудничестве отводилось учреждаемому американо-палестино-израильскому форуму, первая рабочая сессия которого планировалась к проведению сразу после подписания промежуточного соглашения. Само соглашение предусматривало создание двустороннего комитета по водопользованию, в функции которого входили бы управление водными ресурсами, их распределение, контроль за недопущением несанкционированного бурения скважин и иного проникновения в водоносный слой.

Был достигнут прогресс и на переговорах по освобождению из израильских мест заключения палестинцев — с целью, как говорилось, “создания позитивной атмосферы” сотрудничества. Израиль обязался освободить заключенных-палестинцев, причем освобождение намечалось осуществить в три этапа. Первый этап должен был произойти непосредственно после подписания соглашения, второй — накануне выборов в Палестинский Совет, а третий, заключительный — в сроки и по критериям, оговорить которые планировалось позднее. Для обеспечения освобождения заключенных-палестинцев планировалось учредить особый рабочий орган — израильско-палестинский Совместный комитет.

Значительное место в ходе двусторонних переговоров было уделено экономическому и иным видам сотрудничества. О важности этого блока проблем говорит хотя бы тот факт, что ему было посвящено одно из приложений к основному тексту соглашения. В частности, стороны заявили о намерении создать единое экономическое пространство (планировалось проведение единой таможенной и импортной политики и ряд других мер). Кроме экономического сотрудничества решено было тесно взаимодействовать и в других областях — научной, культурной, общественной. Субъектами такого взаимодействия должны были стать официальные лица, общественные деятели, разного рода учреждения и институты, предприниматели. Координация сотрудничества возлагалась на учреждаемый постоянно действующий комитет. Особый акцент в сотрудничестве планировалось сделать на экономике (включая такие сферы, как промышленность, сельское хозяйство, энергетика, транспорт, туризм), охране окружающей среды (сбор и переработка отходов, внедрение альтернативных и иных “чистых” энергоисточников), науке и технике, культуре и образованию (культурное развитие, поощрение деятельности средств массовой информации, развитие молодежного движения и спорта, борьбы с наркоманией и ее профилактика) и

разработке особой программы по сближению двух народов на основе развития человеческих контактов.

Отдельным пунктом в Соглашении по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа упоминалось обязательство сторон всемерно укреплять взаимопонимание и терпимость друг к другу, бороться с пропагандой вражды и насилия, для чего, в частности, намечалось даже разработать план особых мер, подлежащих последующему включению в программы израильских и палестинских образовательных учреждений.

Как показали затем последующие события, многим из израильско-палестинских договоренностей суждено было воплотиться в жизнь. Но ближневосточный мирный процесс, частью которого является и образование в Палестине арабского государства, носит крайне неравномерный характер прежде всего в силу специфики региона, где причудливо переплелись национальные, религиозные, политические, экономические, идеологические и прочие противоречия, на которые к тому же наложило отпечаток противостояние времен холодной войны. Однако ход ближневосточного мирного процесса представляет интерес прежде всего потому, что свидетельствует о возможности разрешения самых, казалось бы, запутанных проблем, имеющих к тому же глубокие исторические корни. Противостояние в итоге не идет на пользу никому, что рано или поздно начинают понимать участники конфликта. Стремление к поиску компромисса, умение сочетать свои интересы с чужими, твердость с гибкостью — вот залог разрешения любой проблемы, в том числе и такой сложной и многоплановой, как ближневосточная.

¹ The Middle East peace process — an Overview//Information Division, Ministry of Foreign Affairs. — Jerusalem. — Dec. 1995. — P. 13.

² *Giladi Rotem M.* The Practice and Case Law of Israel in Matters Related to International Law//*Israel Law Review*, The Faculty of Law, Hebrew University of Jerusalem. — Summer 1995. — Vol. 29. — No 3. — P. 508.

³ The Middle East Peace Process — an Overview. — P. 22.

⁴ *Giladi Rotem M.* Op. cit. — P. 515.

⁵ *Ibid.* — P. 519.

Статья поступила в редакцию в августе 1997 г.

Экономическое и научно-техническое сотрудничество

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПАРТНЕРСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ КОММУНИКАЦИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ

К.Г. Борисов*

В процессе интеграции мирового сообщества возникли новые формы и новый институт международного права, в соответствии с которыми защита личности, как и защита окружающей среды, рассматривается как сфера интересов всего мирового сообщества.

В системе коммуникаций и средств массовой информации в мировом сообществе используется технология технических средств связи, в том числе и в Европейском Союзе, электронных средств массовой информации:

радио — во всем мире, а особенно в странах с низким уровнем грамотности или распространения газет и периодической печати, оно является одной из важных форм массовой информации; каждая радиостанция должна получить лицензию, а также определенную частоту вещания, которую государство отводит ей на основе международного соглашения;

телевидение — в странах, где существует телевидение, оно является влиятельным средством массовой информации. Быстрое развитие многонациональных и многоязыковых каналов, передаваемых через спутники, делает возможным прием иностранного телевидения на дому по кабельному телевидению или с помощью специальных антенн;

спутниковое телевидение — с его приходом появляется возможность более широкого выбора в плане культурного содержания телевизионных программ. С другой стороны, продажи и использование спутниковых антенн могут быть предметом государственной монополии. Однако спутниковое вещание — возможный источник кон-

*Профессор МГИМО-У МИД РФ. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1994 г.

фликта между нормами внутреннего права, регулирующими телевидение, и мультинациональными компаниями, эксплуатирующими коммерческие каналы для завоевания мировых потребительских рынков;

компьютеры — от самых простых до наиболее сложных моделей могут хранить, анализировать, кодировать и декодировать информацию в таком объеме, что это все больше превращает их в самый мощный и одновременно самый уязвимый инструмент, с помощью которого могут осуществляться сбор и распространение информации. Компьютеры связываются между собой телефонной связью или другими общедоступными каналами, может происходить обмен информацией или результатами ее обработки. Развитие компьютерной технологии и возможность общего доступа к компьютерной технике ограничиваются главным образом промышленно развитыми странами, так как требуются большие расходы на приобретение и использование этой техники.

Одновременно внутренние и международные нормы и принципы, касающиеся использования компьютеров, так же как и право на коммуникацию, право на неприкосновенность частной собственности, авторское право на неопубликованные работы, устаревают, теряют свою служебную роль развития этой сферы правового регулирования, поскольку их разработка не поспевает за темпами развития тонких технологий. Владение компьютерным оборудованием подпадает под действие законов о лицензировании;

базы данных и другие хранилища компьютерной информации позволяют обрабатывать огромные массы данных и обеспечивают им широкий доступ. Благодаря технологическому прогрессу из таких банков данных можно извлекать информацию по самым разным темам поиска. В целях охраны неприкосновенности личной жизни, а также под воздействием коммерческих и политических интересов в ряде стран—членов Европейского Союза введены ограничения на пользование банками данных. В 1986 году в Соединенных Штатах Америки была введена новая категория информации, подлежащая защите, — “потенциально конфиденциальные сведения”. Это не-секретные и неконфиденциальные данные, которые посредством сопоставления и комплектации могут превратиться в конфиденциальную информацию;

передача информации через границы. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 года провозглашает право каждого “распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ”. В эпоху электронных технологий и спутников государственные границы уже не являются препятствиями для информационных потоков. Юридические правовые механизмы обеспечения свободы личной жизни, авторского права и интел-

лектуальной собственности не поспевает за развитием информационных технологий. Происходит переоценка соотношения между свободой информации и правом государства контролировать распространение информации. Передача информации через границы и специальные технологии этой передачи в одних государствах законодательно не регулируются нормами для "трансграничного потока данных", в других — приток информации извне просто ограничивается.

Европейские Сообщества проводят исследование проблем, связанных с ограничениями доступа к информации;

спутниковая связь. Использование спутников позволяет передавать информацию на большие расстояния и на обширные территории. С помощью спутников передаются телефонные и телексы сообщения, радио- и телепередачи, а также самые различные виды специальной информации (прогнозы погоды, финансово-экономическая информация и др.), обмен которой часто идет между компьютерными базами данных. В целом широкое развитие спутниковой связи позволяет передавать на расстояние человеческие голоса, цифровые данные, тексты и образы независимо от государственных границ.

В соответствии с Резолюцией 1721(XVI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций установлен принцип связи с помощью спутников, которая должна быть доступна всем государствам, исключая дискриминацию. На основе этого принципа были заключены соглашения, устанавливающие временные положения для глобальной системы коммерческой спутниковой связи, и Соглашение о создании глобальной системы коммерческих спутников связи. Эти соглашения привели к созданию международной организации спутниковой связи Интелсат¹. В соответствии с Соглашением о создании глобальной системы институт "космического компонента" в международном праве означает спутники связи, а также средства и оборудование для слежения, телеметрии, управления, контроля и мониторинга и связанной с этим деятельности, необходимой для обеспечения эксплуатации спутников². В этом случае "связь" означает любую передачу, распространение или прием знаков, сигналов, письменной информации, изображения и звуков или сведений любого рода с помощью проводных, радиоэлектронных, оптических или иных электронных систем.

Отсюда "публичные услуги" представляют собой стационарные или мобильные услуги связи, которые могут обеспечиваться спутниками и которые доступны для использования общественностью, такие как телефон, телеграф, телекс, факсимильная связь, передача данных, передача радио- и телеграмм, принятых наземными станциями, имеющими доступ к космическому компоненту Интелсат

для последующей передачи общественности. К таким “публичным услугам” относятся и арендуемые схемы для любой из указанных выше целей, которые предоставляются с помощью мобильных станций, поддерживающих прямую связь со спутником, предназначенным полностью или частично для обеспечения безопасности, управления полетами летательных аппаратов или авиационной и морской радионавигации³.

Главной целью этой организации является осуществление, согласно намеченному направлению проектирования, создания и вывода на орбиту, эксплуатации и обслуживания космического компонента глобальной системы коммерческих спутников Земли (ст. II), а основной задачей — предоставление на коммерческой основе космического компонента, необходимого для международных публичных услуг связи высокого качества и надежности, доступных на недискриминационной основе всем районам мира (ст. III).

При осуществлении своих функций Интелсат реализует рекомендации и процедуры Международного консультативного комитета по телеграфии и телефонии, Международного консультативного комитета по радио и Международного комитета регистрации частот Международного союза электросвязи.

В 60-х годах возникли международно-правовые проблемы, связанные с собственностью на спутники и их использованием:

- из-за высокой стоимости спутниковых технологий сложилась монополия отдельных государств на использование спутников;

- ограниченное число спутников может запускаться на геостационарную орбиту для передачи телесигнала на определенные территории;

- в международном праве нет норм, гарантирующих каждой стране возможность пользоваться хотя бы одной такой орбитой;

- спутники могут использоваться для сбора разведывательных данных путем фотографирования или прослушивания телефонных разговоров;

- необходимы общие технические стандарты, обеспечивающие беспрепятственный обмен информацией между различными каналами спутниковой связи⁴.

В настоящее время проблема спутниковой связи в глобальном масштабе рассматривается Административной конференцией радиосвязи, Европейской конвенцией о трансграничном телевидении 1989 года, Международным союзом радиосвязи. Планируется создание объединенной сети цифровой связи, которая могла бы передавать сообщения по всем видам дистанционной связи.

В 1996 году в России был введен в действие Комплекс цифровой радиорелейной связи, замкнувший цифровое информационное кольцо Европы и Азии.

Комплекс объектов включил в себя наземную волоконно-оптическую линию Москва — Ростов-на-Дону — Новороссийск, а также подводную волоконно-оптическую линию Новороссийск—Одесса—Стамбул—Палермо. Россия получила высококачественные цифровые каналы связи с Италией, Турцией и Украиной, Данией и транссибирскую радиопроводную линию, связывающую Хабаровск, Находку, Японию и Южную Корею. Эта линия связи покрывает четвертую часть суши⁵.

1. В Европейском Союзе средства связи (коммуникации) и информационные технологии рассматриваются как сфера услуг связи и информации (радио и телевидение, аудиовизуальные средства информации, периферийные теле-радиостанции, кабельное коммерческое телевидение, спутниковое телевидение, концессии на распространение телепрограмм через релейные линии и др.)⁶. Для полного использования преимуществ Европейского экономического пространства Европейским Союзом принята Программа развития транснациональных связей, таких как с помощью автомобилей, железных дорог, телекоммуникационных и энергетических сетей (трансевропейские сети). Эта Программа реализовывалась (или если говорить об их множестве, то реализовывались) при строительстве туннеля под Ла-Маншем, при создании скоростных железнодорожных сетей и в других случаях. Большое количество таких сетей ускорит приближение периферийных регионов к центрам и тем самым стимулирует экономическое развитие Европейского Союза⁷.

Горизонтальный уровень информационных и коммуникационных средств во всех сферах промышленной и социальной деятельности стал важнейшим фактором научно-технической политики Европейского Союза. Возникает новая — “цифровая” — индустрия: в социальной сфере, администрации, здравоохранении, образовании, на транспорте, в защите окружающей среды, на рабочих местах и в быту. Все это во все возрастающей степени становится зависимым от информационных и коммуникационных средств. В системе информации и коммуникации Европейского Союза складываются международные стандарты и модули технологической концепции, а именно:

- телематика;
- коммуникационные технологии;
- информационные технологии.

А. Телематика охватывает применение информационных и коммуникационных технологий в сфере здравоохранения, транспорта, связи, образования. Ее задача — повысить инжиниринг в обеспечении взаимодействия телематических систем путем установления международных стандартов. Одновременно в области языкознания и информации инжиниринг разрабатывает международные стандарты

для обработки речи и письменных текстов в рамках информационных и коммуникационных систем и внедрения их в другие сферы услуг (языковые электронные ресурсы, включая словари и энциклопедии, современную электронную систему публикаций, кооперативную сеть исследований и стандартизацию). Повышение уровня трансевропейского применения телематики нуждается в развитой трансевропейской сети и службах, а также в реализации обмена услугами между государствами—членами Европейского Союза. Использование правил и стандартов телематики в области гибкого и заочного образования, обучения и обмена информацией между библиотеками охватывает также технологическую базу для ресурсов Европейской библиотеки и для инфраструктуры библиотечной сети. Программы, включая “Esprit” (информационные технологии), “Race” (коммуникаций) и “Drive”, “AIM” и “Delta”, создали базу для внедрения информационных и комбинационных технологий в инфраструктуру Европейского Союза. Внедрение базируется на правовых формах конкурентной основы: демонстрации достижений, их оценке, интеграции технологий, спецификации и международной стандартизации.

Главная цель этой концепции — разработка готовых технологий и ускорение процесса внедрения в Европе правил и стандартов для укрепления внутреннего рынка, особенно тех, которые связаны с аспектом охраны здоровья, безопасности и защиты потребления продукции и осуществления политики Союза в других областях, в первую очередь в отношении окружающей среды.

Б. Современные коммуникационные технологии — это современные и экономические коммуникационные системы и службы для консолидации внутреннего рынка, экономического развития и социального сближения Европы, принимая во внимание быстрое развитие технологии, меняющиеся правовые режимы ее эксплуатации и возможности для создания передовых трансевропейских сетей и служб. Деятельность Европейского Союза в области современных коммуникационных технологий включает:

- использование цифровых систем масс-медиа для стимулирования передовых технологий и стандартизации форматов для поиска и распространения электронной информации (тексты, голос, изображение, аудио и видео). Эта технология включает наземное радио, спутниковую и кабельную сеть, трансмиссию взаимодействующих цифровых видеосистем;

- квантовую технологию — европейские разработки интегрированной квантовой системы, включая интегральную оптическую систему для технологий массового производства;

- повышение мобильности существующих сетей связи и использование передовых радио- и спутниковых систем на территории

Европы. Правовые формы этой деятельности охватывают разработку технологий по кодированию сигналов, систем доступа, каналов, управление и обслуживание систем, разработку новых протоколов сигналов и систем на основе протоколов;

— исследования по ижинирингу сетей и услуг, чтобы ввести новые службы в передовых системах и услугах в разнообразном и конкурирующем окружении различных систем связи;

— работу по сохранению конфиденциальности информационных и коммуникационных систем, обеспечивающих безопасность, разработку компьютерных программ, протоколов и стандартов их использования.

В. Информационные технологии составляют основу информационной структуры Европейского Союза. Создание системы открытых микропроцессоров направлено на обеспечение признания Европы в этой области и содействие их широкому применению в мировом сообществе. Передовые периферийные технологии концентрируются на технологии использования компонентов, необходимых для изображающих устройств, низких по стоимости, с высокой разрешающей способностью и плоским экраном, и подсистем памяти, необходимых для компьютеров, телевизоров и “разумных” систем в таких областях, как авиация, автомобильный транспорт, телекоммуникации, производство и сбыт.

В связи с использованием новых информационных технологий, которые преобразовали кино- и телепромышленность, в мире развернулась конкурентная битва, куда оказались втянутыми и коммерсанты, и дипломаты⁸. Цифровая запись и способ компрессии изображения позволили увеличить число телеканалов в 5—10 раз. Там, где каналы телевидения (в герцах, например) были редки и дороги, они стали дешевы и доступны. Приемники цифрового телевидения способны улавливать (по спутнику или кабелю) от 250 до 500 каналов. В связи с этим в орбиту общей Европы оказались втянуты не только экономика и коммерция. Она охватывает и культуру, в частности многочисленные программы в области видеопродукции (“Медиа”), вещание и совместное производство фильмов на европейском рынке научных исследований (“Эврика”, “Аудиовизуэль” и др.). Она помогает развитию телевизионной техники высокой разрешающей способности, сохранению национального достояния и осуществлению программ обмена студентами (“Эразмус”, “Темпус”).

Маастрихтский договор признает, что европейские организации должны в своей работе заботиться и о культуре. В частности, в нем закреплены положения об уважении национального и регионального многообразия и о приоритетах культурной деятельности в Европе, сохранении и охране культурных ценностей европейского масштаба.

2. Программы "Темпус" трансевропейского сотрудничества в области высшего образования содействуют вузам в создании новых систем управления факультетами и университетами, организации новых кафедр и факультетов, подготовке кадров, введении новых дисциплин, обеспечении методами получения и обработки информации, а также поддерживает развитие и обновление системы высшего образования всего Европейского Союза.

Следует отметить, что международно-правовое регулирование связей государств в области радиосвязи и телевидения осуществляется на многосторонней и двусторонней основе. В области такой связи договоры стали заключаться с 1906 года. Эти договоры содержали в основном технические стандарты, касающиеся установки и эксплуатации радиостанций. В 1965 году заключена Международная конвенция электросвязи. На ее основе образован Международный союз электросвязи, который координирует деятельность государств в распределении радиочастотного спектра и регистрирует присвоение частот, чтобы предотвратить помехи в работе между радиостанциями различных государств и улучшить использование спектра радиочастот, а также осуществляет планомерную регистрацию позиций, устанавливаемых странами для геостационарных спутников. Одновременно Союз устанавливает тарифные ставки и координирует усилия, направленные на согласование и развитие средств электросвязи, применяющих космическую технику. Единственным многосторонним договором является Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира 1936 года, целью которой является установление правил использования радиовещания "для передачи мыслей для лучшего взаимопонимания народов"⁹. С 1958 года появилась практика осуществления радио- и телевизионных передач частными лицами в целях рекламы в нарушение положений Международной конвенции электросвязи. Для ликвидации этой практики страны Европейского Совета в 1965 году подписали Европейское соглашение о противоправности радиопередач, ведущихся на страны из-за пределов национальных территорий¹⁰. Согласно этому Соглашению, противоречащими считаются только передачи, которые могут быть непосредственно приняты радиослушателями и телезрителями. Соглашение оставило на рассмотрение государств определение противоправности вещания с неподвижных объектов и вопросы оформления их юрисдикции.

3. Правовой механизм регулирования средств связи и информации Советом Европы закреплён в обязательствах государств—участников Соглашений, касающихся средств обмена телевизионными фильмами 1958 года, в Европейском соглашении по защите телевизионного вещания 1960 года и трех протоколах к этому Соглашению 1965, 1974 и 1983 годов, а также в Европейском соглашении о пред-

отвращении вещания передатчиками со станции вне национальной территории 1965 года, Европейской конвенции о трансграничном телевидении 1989 года и Европейской конвенцией относительно вопросов авторского права в структурах трансграничного вещания со спутников 1994 года¹¹.

В отношениях между членами Совета Европы и Европейского Союза в области коммуникации и связи действует и Европейская конвенция о трансграничном телевидении 1989 года, а также стандарты Европейского союза радиосвязи о разграничении частотного диапазона.

Средства массовой информации обладают огромными возможностями, поэтому Совет Европы проявляет интерес к их совершенствованию в следующих направлениях:

- расширение и гарантии свободы выражения мнений и информации;

- адаптация законов к технологическому прогрессу средств массовой информации;

- содействие выработке европейского права в области средств массовой информации и умножения их культурного богатства;

- поощрение производства, распространения и сбыта аудиовизуальных работ европейских стран.

Европейская конвенция по трансграничному телевидению 1989 года содержит минимальный ряд норм, направленных на облегчение трансляции телевизионных программ через границы¹².

Целью Конвенции является содействие ее участникам в трансграничной трансляции и ретрансляции телевизионных программ.

Конвенцией унифицированы технологии использования электронных средств массовой информации (ст. 2):

- технология "трансляция" означает первоначальную передачу, осуществляемую наземным передатчиком по кабельному телевидению или со спутника любого вида, в закодированной или в незакодированной форме телевизионных программ, принимаемых населением; в нее не входит связь, осуществляемая в индивидуальном порядке;

- технология "ретрансляция" означает прием и одновременную передачу, независимо от используемых технических средств, полных и неизменных телевизионных программ либо существенных частей таких программ, транслируемых телеведущими для приема населением;

- технология "телеведущий" означает физическое или юридическое лицо, которое составляет телевизионные программы для приема их населением, транслирует их либо обеспечивает их трансляцию в полной и неизменной форме третьим лицом;

- технология "программа" означает все содержание единой службы вещания данного телеведущего;

— технология “европейские аудиовизуальные произведения” означает творческие работы, производство или совместное производство которых контролируется европейскими физическими и юридическими лицами;

— технология “реклама” означает публичные объявления с целью содействия продаже, покупке или аренде товаров или услуг, развитию общественного дела либо достижению иного результата, необходимого рекламодателю, причем телевизионное время для передачи рекламы было предоставлено рекламодателю за вознаграждение или аналогичное встречное удовлетворение;

— технология “спонсорство” означает участие физического или юридического лица, не занимающегося телевидением или постановкой аудиовизуальных произведений, в прямом или косвенном финансировании программы с целью содействия известности имени, торговой марки или имиджа этого лица.

Конвенция применяется к любой программе, транслируемой и ретранслируемой организациями либо с помощью технических средств, находящихся под юрисдикцией ее участника, как по кабельному телевидению, так и наземным передатчиком или спутником, и которые могут приниматься прямо или косвенно в одном или более государстве-участнике (ст. 3).

Участники Конвенции обеспечивают свободу слова и информации в соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантируют свободу приема и не ограничивают ретрансляцию на своей территории программ, соблюдающих положения конвенции¹³.

Обязанности транслирующих участников заключаются в обеспечении с помощью соответствующих средств и компетентных органов соблюдение положений Конвенции всеми программами, транслируемыми организациями или с помощью технических средств, находящихся под их юрисдикцией.

Транслирующим участником являются:

а) в случае наземной трансляции — государство-участник, в котором осуществляется первоначальная передача;

б) в случае спутниковой трансляции:

— участник, у которого находится станция спутниковой связи;

— участник, предоставляющий частоту или спутник в случае, если станция спутниковой связи находится в государстве, не являющемся участником Конвенции;

— участник, если станция спутниковой связи находится в государстве, в котором телеведущатель имеет пребывание в том случае, когда не установлена ответственность (ст. 5).

Обязанности телеведущателя должны быть четко и в достаточном объеме определены в разрешении, выдаваемом компетентным органом каждого участника, либо в заключаемом с ним договоре или

ином правовом акте. Большое внимание в Конвенции уделено содержанию программ (гл. II). Программы в целом, их представление и содержание должны обеспечивать уважение к достоинству человеческой личности и основным правам других людей. Телевещатель должен обеспечивать, чтобы в новостях факты и события представлялись справедливо и поощрялось свободное формирование мнений (ст. 7). Статьей 8 определяется процедура "права ответа" на вопросы, касающиеся программ.

Главой III определяются общие нормы, касающиеся рекламы, ее длительность, форма и презентация рекламы, размещение рекламы, реклама определенных товаров.

Каждое государство-участник образует орган по реализации взаимопомощи между участниками Конвенции. Для координации деятельности в области трансграничного телевидения создается Постоянный комитет, в котором каждый участник имеет один голос. Заседания Постоянного комитета созываются Генеральным секретарем Совета Европы (ст. 20).

Главной функцией Комитета является формулирование рекомендаций участникам о применении Конвенции (ст. 21). Споры между участниками решаются в двух формах: примирение и арбитраж (ст. 25, 26).

Участники, являющиеся членами Европейского Союза, в своих взаимоотношениях применяют правовые нормы Союза и поэтому соблюдают правила Конвенции только в случаях, когда отсутствует правовая норма Союза, регулирующая данный вопрос (ст. 27). Другая Европейская декларация о свободе выражения и информации, принятая Комитетом министров в 1982 году, утверждает принципы, которые должны соблюдаться при проведении какой бы то ни было политики средств массовой информации. Одновременно Комитет министров утвердил ряд рекомендаций и правовых инструментов, имеющих обязательную силу, по различным аспектам средств массовой информации.

В связи со сложностью применения и осуществления авторских прав на трансграничном вещании в 1994 году эти вопросы были согласованы в Европейской конвенции относительно вопросов авторского права на пограничные права структуры трансграничного вещания со спутников.

4. Совет Европы проявляет активность в разработке законов в области средств массовой информации в Европе, осуществляя:

- учет трудностей в обеспечении соблюдения авторского права и других связанных с ним прав при трансляции телепрограмм по спутниковой и кабельной связи, при воспроизведении фотокопий и перезаписи с использованием новой техники;

- борьбу с нарушениями авторского права в отношении звуко- и видеозаписи, а также в отношении декодирующих устройств;

- правовую защиту телевизионных программ;
- сбор данных относительно законов и практики, применяемых государствами-членами в области средств массовой информации.

В 1988 году утвержденный “Евроимидж” и Европейский фонд содействия развитию совместного производства и распространению европейских кинематографических и аудиовизуальных работ в рамках реализации положений Европейской культурной конвенции подготовили программу “Аудиовизуальная ЕККА”, базирующуюся на Европейской аудиовизуальной обсерватории в форме парциального соглашения¹⁴.

Радикальные изменения в области международно-правового регулирования радиосвязи в сфере формирования Единой коммуникационной системы, которая соединит спутники связи, банки данных различных стран, теле- и радиовещание, телеграфную и факсимильную связь, привели к необходимости создания в 1972 году в рамках ООН Комитета по информации в области международных обменов и массовой информации для содействия более эффективному международному порядку в области информации и связи¹⁵.

Одной из задач Комитета по информации ООН является доведение информационных сообщений ООН до каждого дома в любом уголке мира. Управлением ООН по вопросам космического пространства создается электронный шлюз для получения пользователями Интернет информации о деятельности ООН в космическом пространстве. Договорной секцией Управления по правовым вопросам Секретариата ООН осуществляются программы перевода в компьютерную форму серии “Многосторонние договоры, сданные на хранение Генеральному секретарю” и серии сборников договоров ООН на электронный шлюз сети Интернет¹⁶.

В 1994 и 1995 годах продолжалась работа над созданием Комплексной системы управленческой информации (ИМИС), целью которой являются модернизация и совершенствование механизма прохождения и использования информации в таких областях, как людские ресурсы, финансы, счета и закупки¹⁷. Дальнейшее расширение телекоммуникационной сети ООН дает дополнительную экономию для всей системы ООН в целом. Система оптических дисков обеспечивает простой высокоскоростной электронный доступ к докудам ООН.

В системе шлюзов Интернет в 1995 году создана “Собственная страница ООН” в рамках Всемирной информационной сети (World Wide Web), которая позволяет мгновенное предоставление информации пользователям Интернет в форме мультимедиа, включая текст, графическое изображение и звук¹⁸.

5. Телекоммуникации и транспорт являются особой сферой услуг, так как связывают производителя и потребителя других видов

услуг. В большинстве государств—членов Европейского Союза сфера услуг находится под контролем государства (транспорт, банковское дело, телекоммуникации и связь). После процесса либерализации рынков данных видов услуг появились дополнительные возможности для проникновения иностранных предпринимателей на национальные рынки. Сами услуги являются частью цикла производства товаров и других услуг (хранение информации о потребителях товаров и др.). Разделение производства товаров и услуг, обращение к иностранным производителям услуг привели к формированию качественно новых рынков. Международно-правовой режим стал складываться на основе Генерального соглашения по торговле услугами (ГСТУ)¹⁹. В Приложении к нему определяются международные стандарты этого правового режима услуг:

- а) телекоммуникация;
- б) по процессу переговоров относительно основных коммуникаций.

ГСТУ применяется к торговым услугам, если эти услуги оказываются (п. 2 ст. I):

— производителем, находящимся на территории одного государства-участника, потребителю, находящемуся на территории другого государства-участника;

— на территории одного государства-участника потребителю из другого государства-участника;

— производителем услуг из одного государства-участника через коммерческие предприятия на территории другого государства-участника;

— производителем услуг одного государства-участника через физические лица этого государства на территории другого государства-участника.

ГСТУ устанавливает два международно-правовых режима в отношении услуг:

- а) общий режим, который распространяется на все услуги;
- б) специальный режим, который распространяется на услуги, закрепленные в соответствующих национальных Списках, прилагаемых к ГСТУ государствами-участниками (Специальные обязательства).

Ограничения в области торговли в положениях, предусмотренных в национальных Списках, могут быть внесены на основании ст. XII Соглашения в сфере услуг в рамках ГАТТ.

Положения ГСТУ будут полностью распространяться на телекоммуникацию и связь только после проведения соответствующих переговоров между государствами—участниками Соглашения.

6. В большинстве стран—членов Европейского Союза материальная база средств телекоммуникаций принадлежит государству и

находится в его собственности. Однако, например, агентство Франс Пресс (Франция) осуществляет свою деятельность с учетом правил информационного рынка. Провозглашен принцип "свободы использования средств массовой информации"²⁰. Удовлетворение потребностей населения в сфере информации, культуры, образования и развлечения осуществляется национальными компаниями по производству телепрограмм.

Во Франции руководство системой информации осуществляется Высшим советом аудиовизуальных средств информации (CSA), который регламентирует использование электронных средства массовой информации и средств связи. Акционерное общество "Французское телевидение" (TDF) занимается трансляцией программ на Францию и другие страны. Одновременно существует пять акционерных с участием юридических лиц национальных компаний по производству радио- и телепрограмм:

- национальная компания по созданию, размещению и передаче радиопрограмм — "Radio-France";

- национальная компания по производству телепрограмм, которая создает, размещает и обеспечивает передачу программ для метрополии — "Antenne-2";

- национальная компания по обеспечению передачи общенациональных и региональных программ для метрополии — "FR-3";

- национальная компания по производству теле- и радиопередач, предназначенных для заморских департаментов и территорий — "RFO";

- национальная компания по производству программ, предназначенных для радиослушателей, проживающих за границей, — "RFI"²¹.

Частный сектор национальных и местных служб радио- и телевидения может работать лишь при наличии разрешения, выданного Высшим советом аудиовизуальных средств информации. На основе Закона Французской Республики об аудиовизуальных средствах информации 1982 года (п. I. ст. 85) теле- и радиостанции, эксплуатируемые в соответствии с Соглашениями, заключенными между Международным союзом электросвязи и Францией, имеют право вести передачи с французской территории. К ним относятся "периферийные" теле- и радиостанции (княжество Монако и др.).

Кабельное телевидение (совокупность программ, распространяемых на территории, ограниченной радиусом до 60 км) осуществляется специализированными компаниями (SLEC), создаваемыми органами местного самоуправления с правом ретрансляции национальных телепрограмм. Одновременно государство предоставляет государственным и частным компаниям концессии на распространение телепрограмм через релейные линии "Cond Plus" в соот-

ветствии с изменениями Закона 1986 года об аудиовизуальных средствах информации. Значительное место в системе коммуникаций и информации занимает спутниковое телевидение (канал "TVS") через европейский спутник "ECS" и французский спутник "Telekom-1". Спутники прямого телевидения "TDF-1" и "TDF-2", запущенные в 1988 и 1990 годах, обеспечивают непосредственный прием телепередач через индивидуальные параболические антенны и декодеры. С целью обеспечения копирайта Законом 1986 года определено требование представлять в Высший совет аудиовизуальных средств информации обязательный экземпляр аудиовизуальной продукции и произведения, записанного на нескольких носителях (кассеты, диски и др.).

Аудиовизуальная продукция, произведения, записанные на нескольких носителях, находятся под контролем государства. Законом 1986 года провозглашена "свобода средств информации". Таким образом, во Франции победили тенденции либерализма, частный сектор оказался в привилегированном положении, а вся система электронных средств информации стала жить по законам рыночной экономики. Конкретно это проявилось в приватизации первого канала французского телевидения "TF-1", в отказе государства от контроля над периферийными радиостанциями, в аннулировании концессий, предоставленных частным владельцам пятого и шестого каналов телевидения, и выдаче им бесплатных лицензий на право вещания.

В 1971 году кодексом "Этические права журналистов" были закреплены и приняты основные права и обязанности журналистов на основе Всеобщей декларации прав человека 1948 года представителями национальных ассоциаций журналистов стран Европейского Экономического Сообщества, а также Швецией, Австралией и рядом международных организаций журналистов. В этот документ вошла Декларация прав и обязанностей журналистов. В Европе с 1993 года сняты все ограничения на перемещение книг и периодики, и в связи с этим возникла проблема взаимного согласования законодательств стран Европейского Союза по вопросам печати и информации. В стратегии Европейского Союза, программе "Информационное общество" 1994 года сформулированы основные направления реализации правовых форм этой программы:

- открытие рынков телекоммуникаций;

- увеличение ассигнований на исследования в сфере конвергенции (процесса слияния независимых друг от друга технологий, стирающего грани между телевизионными, телефонными и компьютерными системами);

- согласование стандартов информационной технологии;

- содействие модернизации европейской промышленности.

Эти направления определяют также и стратегию Европейского Союза в области связи "Рост, конкурентность, рабочие места на

освоении новых технологий” 1995 года²². В другой программе Европейского Союза в области законодательных инициатив, по мнению Европейской комиссии, информационное пространство невозможно создать без помощи частного предпринимательства. Один из крупнейших проектов Европейского Союза — создание новой трансевропейской сети (коммуникационной и транспортной системы, призванной объединить Европу) — решено в значительной степени финансировать за счет частного сектора²³. Этот проект способствует наступлению эпохи “информационных магистралей”.

7. Система либерализации телефонных услуг к 1998 году требует еще большей консолидации стран—членов Европейского Союза, поскольку в большинстве европейских стран средства телекоммуникаций сосредоточены в руках государства или контролируемых государством монополий. На состоявшемся в Брюсселе в 1995 году совещании семи ведущих промышленных стран по проблемам информационных супермагистралей были согласованы основные международно-правовые принципы сотрудничества. Совещание дало новый импульс международной кооперации в области информации в Европе²⁴.

Институт транспортных услуг был унифицирован в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Российской Федерацией от 24 июня 1994 г.²⁵ В ст. 35 Соглашения определяются транспортные услуги — предоставление деловой информации любыми средствами, включая компьютеризированные информационные системы и электронный обмен данными (телекоммуникации). Отсюда форма содействия в отношении мер трансграничной торговли будет осуществляться услугами мобильной спутниковой связи на территориях сторон Соглашения (ст. 42). Правовой режим этих услуг будет определяться Генеральным соглашением о торговле услугами (ГСТУ) (ст. 51).

Расширение и укрепление сфер партнерства и сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией в области услуг электронной и почтовой связи осуществляется с целью постепенной интеграции на технологическом уровне своих телекоммуникаций и почтовых связей, теле-радиовещания (включая меры по подготовке кадров, передаче технологий и “ноу-хау”).

Введение общеевропейских стандартов, систем сертификации и правового регулирования будет осуществляться путем:

- модернизации интегрированного сектора телекоммуникаций Российской Федерации, создания нормативно-правовой базы и ее интегрирования на техническом уровне в Европейские и Мировые системы;

- системы информированного обмена между Европейским Союзом и Российской Федерацией;

- модернизации системы почтовых и радиовещательных сетей;
- управления системами телекоммуникаций почтовыми, телевизионными и радиовещательными услугами, включая "inter alia" тарифную политику и принципы (ст. 7).

В совершенствовании систем связи, информатики и информационной структуры поддерживаются международно-правовые формы современных стандартов обработки информации:

- приоритетное внимание уделяется программам, направленным на ознакомление общественности с базовой информацией о Сообществе;

- образование соответствующей информационной инфраструктуры;

- обмен информацией о положении в области создания и выработки политики информационных структур;

- реализация программ в области информационно-коммуникационных технологий в сфере создания информационной инфраструктуры, адаптированной к потребностям рыночной экономики Сообщества;

- поощрение применения общеевропейских технических стандартов, систем сертификации нормативного международно-правового регулирования (ст. 77).

Одновременно Соглашением определены изъятия в системе услуг в соответствии с п. 2 ст. 28. Правовое регулирование аудиовизуальных услуг и радио осуществляется национальным режимом, в том числе касающимся производства и распространения, включая радиотрансляцию и другие формы передачи информации обществу.

В сфере телекоммуникационных услуг, включая услуги мобильной и спутниковой связи, могут устанавливаться ограничения. В некоторых государствах—членах Европейского Союза ограничивается доступ на рынок вспомогательных услуг и к его инфраструктуре²⁶. Однако профессиональные услуги могут осуществляться только физическими лицами — гражданами государств—членов Союза.

Трансграничное предоставление услуг, в отношении которых стороны предоставляют режим наиболее благоприятствуемой нации в области телекоммуникаций (Список услуг), распространяются на услуги:

- с добавленной стоимостью, включая услуги электронной почты, по обмену информацией в реальном масштабе времени;

- по извлечению информации из базы данных и ее обработке, а также по обработке данных;

- по электронному обмену данными (коды и протоколы обмена);

- по пакетной и устной передаче данных²⁷.

В процессе реализации услуг в сфере коммуникации и информации возрастает важность обеспечения должного уровня эффектив-

ной охраны и обеспечения реализации прав интеллектуальной собственности (ст. 54).

8. Соглашением Международной организации интеллектуальной собственности с Европейскими Сообществами о сотрудничестве 1982 года определены формы дипломатической защиты прав интеллектуальной собственности на основе положений и норм Парижской и Бернской конвенций для физических и юридических лиц — граждан государств—членов Европейского экономического сообщества, а также признания патентоспособности всех продуктов и процессов во всех областях технологий²⁸.

Многие развивающиеся страны, включая новые индустриальные государства, часто предоставляют более короткий срок (или более узкий объем патентной защиты) отдельных товаров и услуг, чем в промышленно развитых странах. В результате аналогичные товары и услуги национального производства, представляющие собой имитацию запатентованных, захватывали рынки развивающихся стран, что приводило к сокращению экспортных продаж производителей, изначально финансировавших оформление того или иного патента. Кроме того, на мировом рынке коммуникационных услуг возросли незаконные производства и продажа “пиратских” аудиовизуальных услуг²⁹. В целях эффективной международной защиты интеллектуальной собственности в системе Генерального соглашения по тарифам и торговли (ГАТТ) Уругвайского раунда переговоров разработано Международное соглашение по аспектам интеллектуальной собственности, связанным с торговлей (ТРИПС). Это Соглашение не требует от государств-участников присоединения к каким-либо международным соглашениям, но налагает обязательства по выполнению основных международных договоров:

- Парижской конвенции по охране интеллектуальной собственности (Стокгольмский акт 1967 г. с дополнениями 1979 г.);

- Бернской конвенции об охране произведений литературы и искусства (в редакции 1971 г.);

- Римской конвенции о защите исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.);

- Договора об охране интегральных схем (1989 г.);

- Мадридского соглашения о международной регистрации знаков (1979 г.);

- Ниццкого соглашения о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (1979 г.);

- Будапештского Договора о международном признании депонирования микроорганизмов для целей патентной процедуры (1980 г.);

- Вашингтонского Договора о патентной кооперации (1984 г.);

- Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков (1989 г.).

ТРИПС и Римская конвенция устанавливают два самостоятельных режима международно-правового регулирования:

а) *национальный режим*. В соответствии со ст. 3 Соглашения иностранным физическим и юридическим лицам предоставляется такой режим защиты, который имеется у собственных физических и юридических лиц, за исключением, предусмотренным международными соглашениями и конвенциями по охране интеллектуальной собственности, но исключением является правило ст. 3, согласно которому национальный режим защиты прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций предусмотрен только для тех прав, которые предоставлены в соответствии с ТРИПС;

б) *режим наиболее благоприятствуемой нации*. В соответствии со ст. 4 Соглашения в отношении защиты интеллектуальной собственности любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет, предоставленные одним государством-участником физическим или юридическим лицам другого государства-участника, должны немедленно и безусловно предоставляться физическим и юридическим лицам всех остальных государств-участников. Исключениями из режима наибольшего благоприятствования могут быть привилегии и приоритеты, которые вытекают из международного договора о правовой помощи и др.

Объектами международно-правового регулирования ТРИПС являются правоотношения по копирайту. Программы для ЭВМ пользуются такой же охраной, что и литературные произведения. На основании ст. 11 в отношении компьютерных программ и произведений кинематографии авторы и их наследники получают право разрешать или запрещать коммерческий прокат этих произведений. Государство освобождает себя от обязанности соблюдать это правило, если коммерческий прокат не привел к умалению права автора на изготовление копий. Личные и имущественные и неимущественные права авторов и сроки их защиты определяются Бернской конвенцией. Государства-участники могут вводить ограничения на исключительные права авторов в особых случаях. В ст. 14 Соглашения содержатся положения, касающиеся защиты "смежных прав" (прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций), которые определяют режим защиты этих прав, установленный ТРИПС. Этим Соглашением определяются международно-правовые институты правового регулирования.

Торговый знак подлежит регистрации на срок не менее семи лет. Регистрация может быть аннулирована только в том случае, если торговый знак без уважительных причин не использовался в течение трех лет (п. 1 ст. 19). На основании ст. 21 принудительное лицензирование использования торговых знаков не допускается.

Географические указания пользуются защитой, если они указывают на происхождение товара, с которым связываются определенные качества и репутация этого товара (ст. 22). Более высокий уровень защиты предоставлен ст. 23 в отношении вин и алкогольных напитков. Срок защиты географических указаний не ограничен (ст. 24).

Промышленные образцы пользуются защитой, если они обладают новизной и оригинальностью (ст. 25). Срок защиты не может быть менее десяти лет (ст. 26).

Патенты выдаются на изобретения (как на товары, так и на процессы) в любой области техники при условии, что изобретения обладают новизной, изобретательским уровнем и могут быть промышленно применяемыми (ст. 27). Патент должен предоставлять его обладателю исключительные права на изготовление, использование, предложение на продажу, импорт запатентованного товара или процесса. Изобретение пользуется защитой не менее 20 лет (ст. 33). Допускается принудительное использование запатентованного произведения без согласия владельца, в том числе и государством (ст. 31), в этом случае владельцу патента выплачивается адекватная компенсация.

Топология интегральных схем получает защиту в соответствии с Вашингтонским договором 1989 года и ТРИПС (ст. 36). Срок защиты топологии интегральных схем составляет не менее десяти лет. Новым институтом правового регулирования в международном праве является форма защиты нераскрытой информации (коммерческая тайна). Коммерческая тайна определена как информация, которая является секретной, имеет коммерческую ценность и в отношении которой обладатель таковой информации предпринял разумные действия для сохранения ее секретности (п. 2 ст. 39). Физические и юридические лица должны иметь возможность предотвратить раскрытие, приобретение и использование информации, составляющей коммерческую тайну, без разрешения — способом, противоречащим частной деловой практике. Действия, противоречащие частной деловой практике, определяются как нарушение договора, злоупотребление доверием, подстрекательство к нарушению обязательства и приобретение нераскрытой информации лицом, которое знало или не знало в силу грубой неосторожности, что приобретение было связано с подобными действиями (ст. 40). Одновременно ТРИПС содержит перечень мер, которые должны быть применимы к лицам, нарушающим права на интеллектуальную собственность (ст. 41—61).

Урегулирование споров по аспектам интеллектуальной собственности, связанным с торговлей, будет осуществляться в соответствии со статьями ГАТТ. Однако в первые пять лет с момента вступления

в силу Соглашения о Всемирной торговой организации эти статьи будут применяться только в случае невыполнения каким-либо участником ТРИПС своих обязательств по этому Соглашению. ТРИПС вступает в силу через год после вступления в силу Соглашения о ВТО.

9. Задачи по созданию информационного общества Европейский Союз осуществляет в форме мероприятий в экономических и политических направлениях, сближения позиций своих государств-членов.

В экономическом плане для Европейского Союза важно утвердиться в качестве пространства, которое благоприятствует развитию новейших технологий и обеспечивает частному сектору выход на рынок. А создание внутреннего рынка приведет к реализации программы "Единое информационное пространство". В политическом аспекте связи, возникающие благодаря новой технологии, изменяют и границы Европы точно так же, как в борьбе за свободу торговли между государствами уничтожались физические и экономические барьеры.

Для единого информационного общества в Европе необходимо осуществить коренную перестройку суммирующих систем образования для выживания европейских культур. Осуществляется база развития системы телепортов, напрямую связанных с национальными международными каналами коммуникаций.

Создание системы Интернет в 1969 году, которая объединяет компьютерную связь мирового сообщества, положила начало формированию Мирового информационного пространства. Так, например, пользователями этой системы в 1994 году являлись: Соединенные Штаты Америки — 63%, Европа — 21, Канада — 4, Австралия — 4, Япония — 2 и другие страны — 6%³⁰. Отсюда виртуальная коммуникация обеспечивает связь в информационном обществе при помощи мультимедиа устройств (CD-ROM) и "киберпространства" (визуальное пространство, в котором циркулирует электронная информация) на основе "телеконтракта"³¹.

В 1990 году в России создана информационная юридическая база данных в форме системы ссылок "Гарант". В десяти базах данных содержится 410 тыс. ссылок, 42 тыс. комментариев и 30 тыс. ключевых слов. В системе "Гарант" расположены следующие базы данных:

- законодательство России;
- банковское законодательство;
- таможенное законодательство;
- жилищное законодательство;
- землепользование; недропользование; природоохрана;
- налогообложение и бухгалтерский учет;
- формы правовых документов;

- международное право (Россия — СНГ);
- московское законодательство;
- региональное законодательство;
- правовая терминология на английском языке.

В марте 1995 года установлена база данных системы “Гарант” на сервер Всемирной информационной системы Интернет.

Европейской программой Импакт (по рынку услуг информации), утвержденной Комиссией Европейских Сообществ, предусматриваются основные международно-правовые формы системы информации Европейского Союза:

- создание инфраструктуры (кабельных, наземных, спутниковых радиокomплексов, включая интегрированные числовые сети);
- развитие услуг (электронных видеобаз данных и электронных курьеров);

- использование технологий на рынке информационных систем (телероботы, диспетчерское формирование, медицинские дистанционные и административные системы международных связей).

На основе ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей право каждого человека на свободу убеждений и на свободное их выражение посредством распространения информации и идей любыми средствами и независимо от государственных границ³², формируются в механизме правового регулирования международные стандарты этого процесса. Так, резолюцией 59(1) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г. заявляется, что свобода информации является основой прав человека, а резолюцией 45/76 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1990 г. провозглашается значение права информации на службе человечества. В 1989 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО принята резолюция 104, в которой формулируются основы содействия “свободному распространению идей словесным и изобразительным путем как на международном, так и на национальном уровне”. На региональном уровне в Декларации, принятой участниками Виндхукского семинара 1991 года по развитию независимой и плюралистической африканской прессы, подчеркивается, что “свободная, плюралистическая и независимая пресса является существенным элементом любого демократического общества”³³. Эти положения поддержаны и Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1991 году.

Международная программа развития коммуникаций на сессии в 1992 году приняла решение придавать приоритет проектам, направленным на укрепление независимых и плюралистических средств информации.

В 1992 году ООН и ЮНЕСКО провели в Алма-Ате (Казахстан) семинар по содействию развитию независимых и плюралистических средств информации в Азии. В декларации семинара провозглаша-

ются правовые формы экспертных консультаций и юридической помощи в разработке законов, обеспечивающих осуществление права на свободу мнений и на их выражение, на доступ информации и свободу печати: ликвидировать монополии и покончить со всеми формами дискриминации в области вещания и распределения частот, в печатном деле, распространении газет и журналов, производстве и распределении газетной бумаги, а также устранить препятствия на пути к выпуску новых изданий и покончить с дискриминационным налогообложением³⁴.

Формирование механизма правового регулирования свободного потока информации осуществляется:

а) содействием независимым средствам информации в совершенствовании производства, содержания и показа телевизионных новостей и программ текущих событий путем предоставления новой технологии и ознакомления персонала с современными и альтернативными технологиями и ценностями;

б) созданием службы по обмену новостями между странами, для того чтобы увеличить поток международных национальных и региональных новостей и информации как в соседние страны, так и из них, и помощью в повышении технического уровня, в развитии более разветвленных коммуникационных связей.

Для обеспечения права журналистов на безопасное выполнение ими своих профессиональных обязанностей необходимо создать в регионе центр (или центры) их защиты в совокупности с предлагаемой в рамках проектов "Международная свобода обмена информацией" (ИФЕКС) Азиатской сетью оперативного реагирования с конкретной целью обеспечения безопасности журналистов и свободы печати³⁵.

10. На основе ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека, гарантирующей свободу слова и информации, равно как и свободный обмен информацией и идеями, независимо от государственных границ и без вмешательства со стороны органов власти, 29 апреля 1982 г. Советом Европы была принята декларация "О свободе слова и информации". В 1985 году принята Конвенция по защите личности по отношению к использованию автоматической базы данных, имеющих личный характер³⁶, а в 1991 году Россия присоединилась к Конвенции в области информации по зарубежному праву 1968 года. В соответствии с Европейской конвенцией по информации о зарубежном праве государства-участники берут на себя обязательства по сбору сведений, касающихся их прав в гражданской и торговой области, а также в области гражданского и торгового судопроизводства (процедуры) правовой организации в их странах (ст. 1).

Для реализации положений Конвенции государства-участники могут создавать национальные органы связи или специальные орга-

ны для изучения запросов и информации о зарубежном праве или поручить эти функции какому-либо государственному органу страны (ст. 2)³⁷.

Концентрация средств массовой информации в зависимости от экономических условий государств—членов Совета Европы осуществляется в различных формах: их интеграция по горизонтали и по вертикали, а также концентрация средств мультимедиа и мономедиа и интеграция на международном уровне. В связи с обязательствами обмена информацией на транснациональном уровне в ст. 6 (о “прозрачности”) Европейского соглашения по иностранному телевидению, вступившего в силу с 1 мая 1993 г., включена процедура обмена информацией между сторонами Соглашения относительно зарубежного вещания, за которое они несут ответственность³⁸. В Рекомендациях по проблеме “прозрачности” средств массовой информации Комитета экспертов Совета Европы 1994 года в области телевидения и радиовещания отмечается, что гарантированный уровень “прозрачности” может быть обеспечен путем введения в национальное законодательство соответствующих положений, обязывающих тех, кто обращается с заявлением на получение права ведения звукового или телевизионного вещания, предоставлять службам или административным органам, уполномоченным выдавать такие лицензии, информацию о достаточном объеме, точную по содержанию³⁹. Вот эта информация:

- информация, касающаяся физических и юридических лиц, входящих в структуру, которая намерена действовать в области оказания такого рода услуг, а также о характере и размерах их участия в этой структуре;

- информация о природе и размерах вкладов, вкладов, сделанных вышеуказанными физическими и юридическими лицами в другие средства массовой информации, даже в других областях экономики;

- информация о физических и юридических лицах, кроме непосредственно входящих в вышеуказанные структуры, ответственность за функционирование служб радио и телевидения, которые могли бы оказывать существенное влияние на редакторскую независимость или, в более общем смысле, на программную политику этих служб посредством предоставления определенных ресурсов самим службам или лицам и организациям, осуществляющим эту деятельность.

Особое внимание должно уделяться согласованию требований “прозрачности” с принципами свободы торговли и предпринимательской деятельности, а также с требованиями защиты данных, коммерческой тайны, конфиденциальности источников информации, полученной средствами массовой информации и редакторской тайны.

Эти Рекомендации по обмену информацией по проблеме “прозрачности” средств массовой информации между административными органами различных стран—членов Европейского Союза сводятся к тому, что службы и администрации, которые, согласно национальным законодательствам, обязаны собирать сведения, касающиеся “прозрачности” средств массовой информации, должны иметь возможность передавать полученные ими данные аналогичным службам и организациям других государств—членов Совета Европы в соответствии и в рамках национальных законодательств, а также международных соглашений, подписанных этими государствами. На симпозиуме по вопросам роли массовой информации по теле- и радиовещанию (Вена, 1993 г.) была принята Декларация об общественном теле- и радиовещании с учетом принципов “прозрачности”, в которой определяются формы содействия “свободному обмену идей посредством слова и образа как на международном, так и на национальном уровне”⁴⁰.

В 1992 году на встрече Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе была одобрена “Хартия свободы печати”. В ней закрепляется принцип “свободы печати, обеспечивающий свободу народу”. Отсюда принцип беспрепятственного движения информации как внутри страны, так и поверх государственных границ, что заслуживает поддержки всех сил, заинтересованных в развитии и защите демократических институтов⁴¹.

На Копенгагенской северной европейской конференции с участием Северных стран и Европейского Союза 1968 года определены рабочие программы в области сотрудничества в сфере культуры и средств информации⁴². Северный совет и Совет министров Северного совета в рабочей программе на 1966 год для соседствующих территорий Севера определил правовые формы партнерства и сотрудничества информационных бюро в странах Балтии, проведения культурных мероприятий с использованием средств информации, особо направленных на малые города с упором на культуру в Балтии. Предусматривается сотрудничество по документации и информации о развитии средств информации в исследованиях технологии средств информации⁴³.

Семинар Северного совета и Новой Европы, посвященный “северному опыту политического сотрудничества”, проведенный 22—23 апреля 1966 г. в МГИМО, отметил необходимость заключения рамочных соглашений между Северным советом, Европейским Союзом и Российской Федерацией о совершенствовании правового регулирования использования средств информации в связи с созданием в России Государственного комитета по вопросам развития Севера⁴⁴.

Амстердамским договором о Европейском Союзе 1997 года расширена сеть информационных систем для реализации Плана дейст-

вий для Единого рынка и предусмотрены механизмы принятия эффективных мер по либерализации рынка телекоммуникаций и энергетики в формировании путей обеспечения доступности информационных услуг⁴⁵.

¹ Соглашение о Международной организации спутниковой связи "Интелсат", пять приложений и оперативное соглашение о Международной организации спутниковой связи "Интелсат" от 20 августа 1971 г. // Бюллетень международных договоров. — 1993. — № 5.

² Ст. 1 Соглашения о Международной организации спутниковой связи "Интелсат".

³ Там же, а также Бутрос Бутрос Гали. Информация, знание и консенсус. — Н.-Й. ООН, 1994.

⁴ Свобода слова и цензура // Российский бюллетень по правам человека. — Вып. 4. — 1994.

⁵ Российские вести. — 1996. — № 49. — С. 1.

⁶ Le Robert Micro Poche. Dictionnaire de la Langue Française. — P., 1993.

⁷ Европейский Союз. — М., 1994. — С. 20.

⁸ Джон Кон. Средства массовой информации ЮНЕСКО. — 1993.

⁹ Крылов С.Б. Международно-правовое регулирование радиосвязи и радиовещания. — М., 1950; а также Галенская Л.Н. Музы и право. — Л., 1987.

¹⁰ Международные организации системы ООН. Справочник. — М., 1990; а также Ермишина Е.В. Международные обмены информацией. — М., 1988.

¹¹ Conseil de l'Europe Instruments Internationaux du Conseil de l'Europe. — 1994.

¹² Европейская конвенция о трансграничном телевидении // Совет Европы. — 1989. — № 132.

¹³ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

¹⁴ Council of Europe co-operation and assistance Programmes with Central and Eastern European Countries. Doc. CG/INF(94)1.1994.

¹⁵ Основные сведения об Организации Объединенных Наций. — М., 1996.

¹⁶ Десятилетие международного права ООН. Док. ООН. А/Рез. 50 от 26 января 1966 г.

¹⁷ Бутрос Бутрос Гали. Навстречу новым вызовам. — ООН, 1995. — С. 46.

¹⁸ Там же, п. 58.

¹⁹ Купалов И.В. Многостороннее регулирование торговли и инвестиций в сфере услуг в рамках ГАТТ // Московский журнал международного права. — 1994. — № 1; Генеральное соглашение по тарифам и торговле и проблемы создания Всемирной торговой организации // Московский журнал международного права. — 1997. — № 1.

²⁰ State of Play Telecommunications Liberalisation. MEMO/95.158. — Bruxelles. 27.XI.95.

²¹ Франция: общие сведения о праве печати. — Париж, 1995. — С. 28.

²² Эндрю Маршалл. На связи весь мир // Европа. — 1995. — № 5. — С. 12.

²³ European Investment Bank. EIB. Information. — 1995. — No 86.

²⁴ Papport de la Commission au Conseil, du Parlement Européen et au Comité Economique et Social. programme "IMPACT" (Programme communautaire destiné à un marché des services de l'information). Bruxelles. 24.X.1995.

²⁵ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Российской Федерацией 1994 года. — М., 1995. Аналогичные соглашения заключены с Украиной, Молдовой и Кыргызстаном. См. *Европейский обзор* (Брюссель). — 1995. — № 27.

²⁶ Приложение 3 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Российской Федерацией 1994 года.

²⁷ Там же.

²⁸ World Intellectual Property Organization and Economic Community of the Great Lakes Countries 1982. UNTS. Vol. C. 14.42.1986.

²⁹ Jens Evensen. Aspects of International law relating to modern radio communications. — Leyden, 1965.

³⁰ Европа. — 1995. — № 2. — С. 15.

³¹ Российское экономическое обозрение//Научный парк. — 1996. — № 1. — С. 42.

³² Всеобщая декларация прав человека. — М., 1995.

³³ Виндхукская декларация о содействии развитию независимой и плюралистической африканской прессы//Московский журнал международного права. — 1995. — № 2. — С. 217.

³⁴ Алма-Атинская декларация о содействии развитию независимых плюралистических средств информации в Азии//Московский журнал международного права. — 1995. — № 2.

³⁵ Там же. — С. 218.

³⁶ Convention pour la protection des personnes à l'égard du traitement automatisé des Données à caractère personnel. 28.I.1981//Conseil de l'Europe. — № 108 (Série des Traités Européens). — P. 108.

³⁷ Европейская конвенция по информации о зарубежном законодательстве (праве) 1968 года//Европейский сборник договоров. — 1984. — № 62.

³⁸ Conseil de l'Europe. Convention Européenne dans Le Domaine de l'Information sur Le Droit Etranger. J 62.

³⁹ Проект рекомендаций по проблеме "прозрачности" средств массовой информации//Российский бюллетень по правам человека. — Вып. 6. — 1995.

⁴⁰ Венская декларация об общественном теле- и радиовещании//Российский бюллетень по правам человека. — 1994. — № 4. — С. 89.

⁴¹ Хартия свободы печати//Российский бюллетень по правам человека. — 1994. — № 4.

⁴² Norden the Top of Europe. — 1996. — No 3.

⁴³ Совет министров Северных стран. Рабочая программа Совета министров Северных стран для соседствующих территорий Севера. — М., 1996.

⁴⁴ Seminar on the Nordic Countries and the New Europe. Moscow, April 22—23, 1996.

⁴⁵ Amsterdam European Council. Draft Treaty. Doc. E.C. Conf. (4001) 1997. Presidency conclusions. Amsterdam, June 16—17, 1997. — P. 19.

Статья поступила в редакцию 1 октября 1997 г.

**ВРУЧЕНИЕ ПОЧЕТНОГО ДИПЛОМА
ПРЕЗИДЕНТУ ФИНЛЯНДИИ**

27 ноября 1997 года проректор МГИМО-У МИД РФ И.Г. Тюлин вручил почетный диплом профессора МГИМО-У МИД РФ президенту Финляндии Мартти Ахтисаари, который посетил институт с дружеским визитом.

Фото И. Лилеева

Международное торговое право

СУБСИДИИ И КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ПОШЛИНЫ: ПРАВИЛА ГАТТ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ

Р.А. Шепенко*

На протяжении всей истории Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее: ГАТТ) субсидии выступали одним из основных источников торговых трений и споров, что главным образом было обусловлено отсутствием международного согласия в отношении вопроса о том, какую роль должны играть правительства в оказании содействия инвестициям, производству и торговле. Основным препятствием для субсидируемого экспорта выступали не положения ст. XVI ГАТТ, касающиеся собственно использования субсидий, а применение компенсационных пошлин определенным кругом стран с целью предупреждения нанесения материального ущерба национальным отраслям промышленности на основании положений ст. VI ГАТТ.

Правила по субсидиям ГАТТ 1947 года изменялись несколько раз. Первоначально ст. XVI ГАТТ содержала только положения по консультациям и уведомлениям. В 1955 году в нее были добавлены положения (раздел В) по экспортным субсидиям и появилось разделение на “сырьевые” и “несырьевые” товары. Экспортные субсидии по несырьевым товарам были запрещены, если они приводили к превышению экспортной цены, сопоставимой с отечественной. Обязательство в отношении сырьевых товаров, включая сельскохозяйственные, сводилось только к “избеганию” использования экспортных субсидий таким образом, чтобы ни один из участников ГАТТ не занял более значительное место, чем по справедливости причитается ему в мировом экспорте данного товара. Первый пояснительный список экспортных субсидий был утвержден в 1960 году. Так как субсидии рассматривались как способные изменять конкурирующие отношения между импортируемыми и отечественными

*Аспирант Московской государственной юридической академии.

товарами, ГАТТ уполномочило договорившиеся стороны на получение компенсации. Отдельная ст. VI ГАТТ разрешила наложение компенсационной пошлины на товары, которые приносят выгоду от субсидий вне зависимости от того, предоставлялись ли субсидии прямо или косвенно на экспорт какого-либо товара или приводили к уменьшению экспортной цены по сравнению с отечественной ценой экспортирующей страны, но только в случае существования необходимости устранения ущерба от субсидируемого импорта.

Правила по субсидиям были значительно расширены после принятия в 1979 году в ходе токийского раунда переговоров ГАТТ Соглашения по интерпретации и применению ст. VI, XVI и XXIII ГАТТ (далее: Соглашение)¹, которое сконцентрировало внимание на запрещении экспортных субсидий безотносительно к их дифференциальному воздействию на цены. В отношении отечественных субсидий Соглашением было впервые закреплено международное правило по этому вопросу. В частности, было отмечено, что отечественные субсидии могут наносить ущерб промышленности или серьезно ущемлять интересы другого участника ГАТТ, поэтому от участников потребовали избегать таких действий. Соглашение предусматривало проведение консультаций и регламентировало процедуры урегулирования споров. И конечно, в соответствии с Соглашением импортирующая страна получила право налагать компенсационные пошлины на основании определения о том, что отечественной промышленности нанесен или существует угроза нанесения материального ущерба, вызванного субсидированием.

Новое Соглашение (и семь приложений к нему) по субсидиям и компенсационным мерам было заключено в рамках уругвайского раунда переговоров ГАТТ 15 апреля 1994 г. По количеству рассмотренных вопросов оно является существенным улучшением по сравнению с соглашением токийского раунда. Оно, так же как и другие торговые соглашения, применяется ко всем членам Всемирной торговой организации (далее: ВТО), учрежденной на этом же раунде переговоров. В соответствии со ст. 32.5 Соглашения каждая страна-участница принимает все необходимые меры общего или частного характера для обеспечения не позднее даты вступления в силу для нее Соглашения соответствия ее законов, нормативных актов и административных процедур положениям Соглашения в той мере, как они могут применяться к данной стране-участнице. Вслед за этим государства-участники внесли соответствующие изменения в национальное законодательство. Например, в США это было сделано посредством принятия 8 декабря 1994 г. Закона о торговых соглашениях. Основные понятия прежнего Соглашения сохранены. В Соглашении содержится новое согласованное определение субсидии: "финансовый вклад правительства" или какого-либо государствен-

ного органа и “льгота”, получаемая в этой связи. Одним из ключевых моментов является концепция “специфичности”, заимствованная из практики Соединенных Штатов, когда субсидия предоставляется ограниченному кругу предприятий. Субсидии в отношении сельскохозяйственных продуктов из сферы действия Соглашения исключены, поскольку они регламентируются Соглашением по сельскому хозяйству, также заключенным в ходе уругвайского раунда переговоров². Некоторые виды субсидий запрещены, другие дают основания для принятия мер, третьи — наоборот.

Запрещенными в соответствии со ст. 3.1 Соглашения являются субсидии, которые увязаны по закону или фактически в качестве единственного или одного из нескольких условий с результатами экспорта (экспортные субсидии), или субсидии, увязанные по закону или фактически в качестве единственного или одного из нескольких условий с использованием отечественных товаров вместо импортных. Список экспортных субсидий содержится в Приложении I к Соглашению. К ним относятся программы, допускающие удержание валюты, либо любая подобная практика, которая влечет за собой выплату премии при экспорте, внутренние транспортные и фрахтовые тарифы для экспортных отгрузок, устанавливаемые или взимаемые правительствами на более льготных условиях по сравнению с перевозками на внутреннем рынке, полное или частичное освобождение, уменьшение или отсрочка прямых налогов или отчислений на социальное страхование, уплачиваемых или подлежащих уплате промышленными или торговыми предприятиями, которые связаны с экспортом и т.д., а также любые другие расходы за государственный счет, представляющие собой экспортную субсидию в смысле ст. XVI ГАТТ 1994 года.

Под субсидиями, дающими основания для принятия мер, понимаются субсидии, оказывающие неблагоприятное воздействие на интересы другой страны—участницы Соглашения (ст. 5), а именно:

- наносящие ущерб отечественной промышленности другой страны-участницы;
- аннулирующие или сокращающие выгоды, прямо или косвенно извлекаемые другими странами—участницами ГАТТ 1994 года;
- серьезно ущемляющие интересы другой страны-участницы (так называемый серьезный ущерб), то есть когда общая величина субсидирования в стоимости товара превышает 5%.

Третья категория — это субсидии, не дающие оснований для принятия мер (ст. 8.1 Соглашения), которые, в свою очередь, подразделяются на субсидии, которые не являются специфическими, и на субсидии, являющиеся таковыми, но доступ к которым четко не ограничен только определенными предприятиями или право на получение субсидии не является автоматическим, а критерии и ус-

ловия ее получения четко не оговорены в законе и подзаконных актах и т.д.

Кроме того, не дает основания для принятия мер помощь на исследовательские работы, осуществляемые фирмами, а также высшими учебными заведениями и научными организациями на контрактной основе с фирмами при условии, что помощь покрывает не более 75% стоимости промышленных исследований, расходов на персонал (исследователи, техники и другой вспомогательный персонал, занятый исключительно исследовательской деятельностью), расходы на инструменты, оборудование, землю и сооружения, используемые исключительно и постоянно (за исключением продажи на коммерческой основе) для целей исследовательской деятельности, помощь неблагополучным регионам, которая предоставляется в рамках общего регионального развития, и т.д.

Статья 27 Соглашения предусматривает специальный и дифференцированный режим по вопросу использования запрещенных субсидий для развивающихся стран-участниц. Это обусловлено тем, что для таких стран, как Боливия, Камерун, Конго, Кот-д'Ивуар, Доминиканская Республика, Египет, Гана, Гватемала, Гайана, Индия, Индонезия, Кения, Марокко, Никарагуа, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Сенегал, Шри-Ланка и Зимбабве, субсидии могут играть важную роль в программах экономического развития. Поэтому они вправе пользоваться определенными изъятиями из правил до тех пор, пока уровень их ВВП на душу населения не превысит 1 тыс. долл. США. Другие развивающиеся страны должны отменить свои экспортные субсидии в течение восьмилетнего периода с даты вступления для них в силу Соглашения. Развивающаяся страна (за исключением вышеперечисленных), достигшая конкурентоспособности по экспорту какого-либо товара, отменяет экспортные субсидии по такому товару в течение двух лет³. Программы субсидирования, которые были начаты на территории любой страны до даты подписания такой страной Соглашения и которые не соответствуют его положениям, должны быть приведены в соответствие с положениями Соглашения в течение трех лет с даты вступления в силу Соглашения в отношении такой страны. Согласно ст. 29.1 Соглашения, страны-участницы, находящиеся в процессе перехода от планово-централизованной к рыночной экономике свободного предпринимательства, могут применять программы и меры, необходимые для такого перехода. Программы субсидирования таких стран, подпадающие под определение запрещенной субсидии, должны быть прекращены в течение периода в семь лет с даты вступления в силу Соглашения.

Россия не является членом ВТО. Работа по присоединению к этой организации (тогда еще ГАТТ), а также к соответствующему пакету соглашений была начата в 1992 году.

В настоящее время этой проблемой занимается комиссия Правительства РФ по вопросам ВТО, образованная в соответствии с пунктом 1 Постановления Правительства РФ от 28 августа 1997 г. № 1072. При положительном решении данной проблемы Российская Федерация станет не только членом этой организации, но и участницей соглашения по субсидиям и компенсационным мерам.

Вместе с тем, несмотря на то что вопрос о вступлении еще не решен, многие положения компенсационного законодательства РФ, в том числе и определение субсидии, схожи с положениями ГАТТ и Соглашения. Согласно ст. 2 Порядка проведения расследования, предшествующего введению защитных мер, утвержденного Министерством внешних экономических связей 21 декабря 1995 г. (далее: Порядок проведения расследования), субсидия определена как финансовое содействие, оказываемое правительством или иным государственным органом или органом исполнительной власти союза стран экспортеру (производителю) в виде:

- прямого перевода денежных средств;
- обязательств по переводу таких средств;
- отказа от получения причитающихся доходов;
- льготного или безвозмездного предоставления товаров или услуг (товары и услуги, направляемые на поддержание и развитие общей инфраструктуры, к этим субсидиям не относятся);
- льготного приобретения товаров;
- поручения неправительственной организации выполнить одну из нескольких функций из вышеперечисленных.

Однако, руководствуясь только этими правилами, довольно нелегко определить, имела ли место субсидия, является ли она основанием для применения компенсационных пошлин. Обратимся к практике США. В деле *Zenith Radio Corporation v. United States* Верховный суд США решил, что скидка с налога на потребление, установленная правительством Японии для экспорта, не может повлечь за собой применение компенсационной пошлины, поскольку такое освобождение от части налога не является чрезмерным. В другом деле (*British Steel Company v. United States*) предоставленные в Великобритании для этой компании инвестиции не были определены как субсидии, поскольку они “неразумны с коммерческой точки зрения”⁴. Как видно из примеров, простого определения субсидии явно недостаточно. Критерий ответа на вопрос, были ли в какой-либо форме предоставлены субсидии, можно найти в определении существования особых преимуществ определенному физическому или юридическому лицу или группе лиц.

По этому пути пошли и российские законодатели, включившие понятие “специфическая субсидия”. Под ней понимается субсидия, использование которой ограничено определенными организациями

или группой организаций, отраслью или группой отраслей, которая создает для них необоснованные материальные преимущества по сравнению с другими организациями и предоставление которой фактически и юридически сопряжено с развитием экспорта или замещением импорта. Именно наличие специфических субсидий является одним из оснований для наложения компенсационных пошлин.

В зарубежной литературе компенсационные и антидемпинговые пошлины получили название дополнительных пошлин⁵. Эти пошлины, взимаемые таможенными органами импортирующего государства, являются исключением из режима наиболее благоприятствуемой нации ГАТТ (ст. I), потому что они предоставляют властям импортирующей страны право налагать их в дополнение к обычным таможенным пошлинам. В российском законодательстве они получили название особых видов пошлин (ст. 7 Закона РФ "О таможенном тарифе" от 21 мая 1993 г. № 5003-1; далее: Закон о таможенном тарифе). Под особыми видами пошлин понимаются пошлины, установленные на определенный срок и применяемые к ввозимым на российскую таможенную территорию товарам в целях защиты экономических интересов РФ. Защитное назначение компенсационных пошлин выражается в воздействии на уровень внутренних цен в государстве. При этом их действие не ограничивается соответствующим удорожанием импортируемого товара, они дают также возможность повышать цены на товары внутреннего производства до уровня импортных товаров, увеличенного на величину взимаемых компенсационных пошлин. Тем самым они воздействуют на рынок сбыта и, что немаловажно, на рынок рабочей силы, поскольку достаточная защита от наплыва иностранных товаров предохраняет внутренний рынок от резкого падения цен и вызванного этим сокращения производства и числа рабочих мест. Таким образом, взимаемая при импорте товара компенсационная пошлина как одно из средств таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности защищает определенные отрасли экономики от конкуренции иностранных товаров, то есть является протекционистским (покровительственным) платежом налогового характера, уплату которого обеспечивают таможенные органы.

Общим правилом для применения компенсационных пошлин как в соответствии с правилами ГАТТ, так и согласно законодательству РФ является то, что они применяются только после проведения соответствующего расследования. Требование о проведении расследования до применения компенсационных пошлин содержится в ст. 11 Закона о таможенном тарифе.

Прежде чем говорить о порядке проведения расследования и правилах обложения компенсационными пошлинами, необходимо упо-

мянуть об основных началах/принципах, относящихся как к расследованию, так и к обложению особыми видами пошлин. Для этой цели обратимся к комментарию профессора А.Н. Козырина ст. 6—11 вышеназванного закона⁶. Он выделяет четыре основных принципа, а именно:

- любое решение, принимаемое в ходе расследования, должно основываться на количественно определяемых данных;

- размер ставок особых пошлин должен быть соотносим с величиной, установленной в каждом конкретном случае демпингового занижения цены, субсидии и выявленного ущерба;

- обязательное соблюдение гласности и открытости на всех этапах процедуры введения особых видов пошлин.

Четвертый принцип заключается в том, что срок действия особых видов пошлин устанавливается с учетом международных обязательств Российской Федерации. Однако в связи с тем, что Россия до настоящего времени не является участницей каких-либо многосторонних соглашений, посвященных вопросам субсидирования и компенсационного обложения; данное положение не имеет какой-либо практической значимости и, более того, ведет к расширению дискретных полномочий органов, проводящих расследование.

Расследование проводится по поручению Правительства РФ, по инициативе федеральных органов исполнительной власти и/или по заявлению органа исполнительной власти субъекта РФ, производителя или объединения производителей, чье совокупное производство подобных товаров, непосредственно конкурирующих с импортируемыми, составляет более 50% от общего внутреннего производства таких товаров⁷.

Необходимо отметить, что в ст. 11.4 Соглашения содержится еще один показатель, в соответствии с которым расследование не должно начинаться, если на долю отечественных производителей, высказавшихся в поддержку заявления, приходится менее 25% всей аналогичной продукции, произведенной отечественной промышленностью. И этот параметр направлен прежде всего на сдерживание отдельных, излишне протекционистски настроенных представителей отечественной промышленности.

Не умаляя значимости отдельных институтов РФ, необходимо отметить, что основную работу в ходе расследования на предмет наложения компенсационных пошлин проводят два учреждения: Министерство внешних экономических связей и торговли (далее: МВЭСИТ) и Комиссия по защитным мерам по внешней торговле и таможенно-тарифной политике (далее: Комиссия).

Заявление направляется в Департамент регулирования внешнеэкономической деятельности МВЭСИТ. В заявлении должны быть приведены достаточные доказательства наличия существенного

ущерба (или угрозы такового) для отечественного производства или отдельных производителей, а также доказательства причинной связи между ввозом и предполагаемым ущербом. Кроме того, в заявлении должны быть указаны причины ущерба (субсидирование производства или вывоза товара), а также характер предлагаемых защитных мер. Простое утверждение о существенном ущербе, не подтвержденное соответствующими доказательствами, не может рассматриваться как достаточное для проведения расследования. Подробный перечень документов и информации, прилагаемых к заявлению, приведен в Приложении к Порядку проведения расследования, в соответствии с которым помимо заявления необходимо сообщить:

- наименование и реквизиты производителя, подающего заявление на предмет защитных мер (в нем также необходимо перечислить всех значительных российских производителей конкурирующего товара);

- состав и долю акционеров в уставном фонде российского производителя (производителей), подавших заявление;

- сведения об объеме производства конкурирующего товара российского производителя (производителей) в натуральном и стоимостном выражении, а также о его (их) доле в общем объеме отечественного производства этого товара;

- подробное описание технико-экономических характеристик ввозимого конкурирующего товара и конкурирующего товара российского производителя;

- название страны или стран происхождения или экспорта ввозимого в Россию конкурирующего товара, наименование и реквизиты каждого известного экспортера или производителя, а также перечень основных известных российских импортеров указанного товара с их реквизитами;

- информацию о ценах, по которым данный товар продается на внутренних рынках стран происхождения или экспорта, а также об экспортных ценах или ценах перепродаж покупателю; соотношение цен на конкурирующий ввозимый товар и товар российского производителя;

- объем ввоза конкурирующего товара, темпы роста объема ввоза в абсолютном и относительном выражении;

- соотношение объемов ввозимых конкурирующих товаров и объема производства российского производителя;

- оценку существующего ущерба (или угрозу такового), нанесенного российскому производителю конкурирующего товара в результате ввоза конкурирующего иностранного товара по следующим критериям:

- объем производства;

- степень загрузки производственных мощностей;
- состояние товарных запасов;
- объем продаж;
- балансовая прибыль;
- показатели эффективности производства и объема инвестиций;
- показатели численности и реальной занятости промышленно-производственного персонала.

В случае предложения о наличии субсидии заявителю следует указать характер субсидии и ее особенности. Стоимостные показатели в целях сопоставимости следует представлять как в рублевом, так и в долларовом эквиваленте по существующему на момент определения валютному курсу Банка России. Представленная информация должна быть заверена подписями руководителя предприятия и главного бухгалтера.

Указанные показатели следует представить в динамике за три года, предшествующие началу субсидирования конкурирующего иностранного товара. Однако законодатель учел, что это требование для российских заявителей практически неосуществимо, и предусмотрел право при отсутствии данных за три года предоставлять соответствующие сведения за один год. Тем не менее сбор таких данных в нынешних российских условиях является одной из основных преград для подачи заявлений.

МВЭСИТ в ходе расследования на предмет наложения компенсационных пошлин выполняет следующие функции:

- направляет уведомление соответствующим органам иностранных государств о начале расследования;
- проводит консультации и переговоры с заинтересованными сторонами;
- проводит анализ собранных материалов;
- организует в случае необходимости по согласованию с заинтересованными сторонами выезды на места нахождения экспортеров и производителей ввозимого товара, являющегося предметом расследования, а также российских производителей конкурирующего товара с целью проверки полученных материалов и сбора недостающей информации;
- запрашивает заявителя о предоставлении дополнительных сведений, а при отказе последнего вправе самостоятельно восполнить отсутствующие сведения.

Таким образом, непосредственную реализацию задач государственной внешнеторговой политики по защите экономических интересов РФ, экономических интересов субъектов РФ и российских лиц, а также разработку и проведение мер, связанных с регулированием внешнеторговой деятельности, в настоящее время осуществля-

ет МВЭСИТ. Такое название это министерство получило после упразднения в соответствии с Указом Президента РФ от 14 августа 1996 г. "О структуре федеральных органов исполнительной власти" № 1177 (с последующими изменениями) Комитета РФ по торговле. Функции данного комитета были переданы Министерству внешних экономических связей. Положение о МВЭСИТ утверждено Постановлением Правительства РФ от 7 апреля 1997 г. № 402.

После получения заявления МВЭСИТ в срок до 15 календарных дней рассматривает его на предмет наличия сведений, дающих основание для начала расследования и проверки их правильности. По результатам рассмотрения МВЭСИТ составляет заключение и представляет все необходимые материалы на рассмотрение Комиссии.

Первое Положение о Комиссии было утверждено Постановлением Правительства РФ от 28 апреля 1995 г. № 437. В настоящее время действует Положение, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1997 г. № 890. Комиссия является координационным органом, обеспечивающим рассмотрение вопросов и подготовку предложений о введении в соответствии с действующим законодательством на территории РФ защитных мер, в том числе в виде компенсационных пошлин.

Председатель Комиссии назначается Правительством РФ и несет перед ним персональную ответственность за решение возложенных на Комиссию задач, заместители председателя утверждаются Правительством по представлению председателя Комиссии. Заседания проводятся председателем Комиссии или одним из заместителей не реже одного раза в квартал. Оно является правомочным, если на нем присутствуют не менее двух третей ее членов. Решения принимаются простым большинством голосов от общего числа членов Комиссии и оформляются протоколом, который подписывает председатель Комиссии или его заместитель. При необходимости решение Комиссии может быть принято путем проведения письменного опроса ее членов с оформлением специального протокола. Одобренный на заседании Комиссии проект решения Правительства РФ по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии, считается согласованным и вносится в Правительство РФ с приложением протокола соответствующего заседания Комиссии. Порядок работы определен ее Регламентом.

Для выполнения возложенных на нее задач Комиссия имеет право запрашивать от федеральных органов исполнительной власти, государственных учреждений и организаций материалы и информацию по вопросам, входящим в ее компетенцию, а также привлекать при необходимости экспертов и консультантов для проработки вопросов, вносимых на рассмотрение Комиссии.

Комиссия в соответствии с возложенными на нее задачами:

— принимает решение о начале расследования и публикует в средствах массовой информации “Уведомление о начале расследования”. В публикуемом уведомлении приводятся название страны-экспортера и страны-производителя соответствующего товара с указанием наименования товара и его кода по ТН ВЭД, факты, обосновывающие необходимость введения защитных мер, приведенные в заявлении, сроки, в течение которых заинтересованные стороны⁸ могут обратиться по данному вопросу и изложить свою позицию, и т.д.;

— выносит по результатам расследования заключение о наличии (отсутствии) факта нанесения существенного ущерба отечественному производству или угрозы нанесения такого ущерба в связи с субсидированием;

— готовит предложения о необходимости наложения компенсационных пошлин и выносит на рассмотрение Правительства РФ проекты постановлений и распоряжений Правительства РФ по вопросам введения защитных мер;

— анализирует влияние компенсационных пошлин на состояние соответствующих товарных рынков, в том числе на состояние конкуренции на них;

— обеспечивает гласность принятию решения о начале расследования и его результатах и т.д.

Основным способом проведения расследования является направление анкетных опросов заинтересованным сторонам. Экспортеры или иностранные производители должны ответить по запросу МВЭСИТ в течение месяца с даты его получения. Этот срок может быть продлен по просьбе отвечающей стороны. Законодательство предоставляет право властям, проводящим расследование, воспользоваться лишь доступной информацией, если сторона не отвечает на запросы или когда есть обоснованные сомнения в достоверности предоставленной информации. Такие действия (бездействие) заинтересованных сторон в мировой практике получили название “несотрудничество”. Вынесение определения о несотрудничестве крайне неблагоприятно сказывается на интересах сторон, так как оно является основанием для взимания пошлины по максимальной ставке. В целях эффективного проведения расследования и получения оперативной информации об импорте товаров при проведении расследования может использоваться наблюдение за их ввозом. Порядок наблюдения разрабатывается и утверждается Государственным таможенным комитетом РФ и МВЭСИТ. Вышеупомянутые выезды на места нахождения экспортеров и производителей ввозимого товара, являющегося предметом расследования, а также российских производителей конкурирующего товара с целью проверки полученных материалов и сбора недостающей информации именуются расследо-

ванием на месте. Главным требованием проведения такого расследования является согласие властей страны происхождения или экспорта товара. Поскольку главная цель проведения расследования на месте состоит в проверке предоставленной информации или получении более подробных сведений, его проводят после того, как получены ответы, если только заинтересованное предприятие не соглашается с обратным порядком.

Общее правило расчета суммы субсидии, дающей основание для принятия мер, зиждется на том, что расчет должен производиться исходя из расходов правительства, осуществляющего субсидирование (п. 9 ст. 1 Приложения IV к Соглашению).

Если субсидия связана с производством или продажей товара, стоимость товара рассчитывается как общая стоимость продаж этого товара предприятием-получателем за последние 12 месяцев, по которым имеются данные о продажах, предшествующие периоду, когда предоставлялось субсидирование. Если предприятие-получатель расположено в стране с инфляционной экономикой, стоимость товара рассчитывается как общая сумма продаж предприятия-получателя в предшествующий календарный год, скорректированная с учетом темпов инфляции за 12 месяцев, предшествующих месяцу, в котором должна быть предоставлена субсидия.

При определении общего уровня субсидирования в данном году субсидий, предоставленные по различным программам и различными органами власти на территории соответствующей страны, суммируются. Субсидии, не дающие основания для наложения компенсационных пошлин, не включаются в расчет суммы субсидии, дающей основание для применения компенсационных пошлин.

Ни законодательство РФ, ни Соглашение не указывают метода для расчета субсидии как льготы, предоставленной получателю субсидии. Однако в ст. 14 Соглашения содержится перечень принципов, которым этот метод должен соответствовать, а именно:

— участие правительства в капитале компании не рассматривается как предоставление льготы, если решение об инвестициях не может быть расценено как не отвечающее обычной инвестиционной практике (включая предоставление рискованного капитала) частных инвесторов на территории данной страны-участницы;

— государственный заем не рассматривается как предоставление льготы, если отсутствует разница между суммой, которую предприятие—получатель кредита уплачивает по государственному кредиту, и суммой, которую оно платило бы за сопоставимый коммерческий кредит, полученный на рынке. В подобном случае льготой считается разница между этими двумя суммами;

— государственное гарантирование кредита не рассматривается как предоставление льготы, если отсутствует разница между сум-

мой, которую предприятие—получатель кредита уплачивает за кредит, гарантированный правительством, и суммой, которую оно платило бы за сопоставимый коммерческий кредит без государственной гарантии. В подобном случае льготой считается разница между этими двумя суммами с поправкой на разницу в комиссионных;

— поставки правительством товаров или услуг либо правительственные закупки товаров не рассматриваются как льгота, если только товары или услуги не поставляются правительством менее чем за соразмерную плату или закупки не осуществляются за более чем соразмерную плату. Соразмерность оплаты определяется существующими рыночными условиями для данных товаров и услуг в случае поставки или закупки (включая цену, качество, доступность, возможность быстрой продажи, транспортировку и прочие условия покупки или продажи).

Вторым элементом, необходимым для применения компенсационных пошлин, является наличие ущерба. В соответствии со ст. 18 Федерального закона о государственном регулировании под существенным ущербом понимается общее ухудшение состояния отечественного производства или рентабельности соответствующих товаров или услуг, а под угрозой причинения существенного ущерба — очевидная неотвратимость такого ущерба, подтвержденная фактическими доказательствами с целью исключения субъективных соображений о возможности причинения существенного ущерба. Существенный ущерб определяется в каждом конкретном случае с учетом отраслевых, технико-экономических и социально-экономических особенностей отечественного производства.

Изучение влияния субсидированного импорта на отечественную промышленность включает оценку всех относящихся к делу экономических факторов и числовых показателей, имеющих отношение к состоянию отрасли промышленности, включая реальное и потенциальное снижение производства, продаж, рыночной доли, прибыли, производительности, доходов по инвестициям, а также снижение использования мощностей, факторов, оказывающих воздействие на внутренние цены, реального и потенциального негативного влияния на движение наличности, товарных запасов, занятости, заработной платы, экономического роста, возможности мобилизации капитала или инвестиций. Данный перечень не является исчерпывающим. Ни один из этих факторов в отдельности, ни их комбинация не могут служить безусловной основой для принятия решения.

При установлении наличия угрозы материального ущерба могут использоваться такие факторы, как:

— характер данной субсидии или субсидий и их вероятное воздействие на торговлю;

— значительный темп роста субсидированного импорта на внутреннем рынке, указывающий на вероятность значительного увеличения импорта;

— наличие свободных или неизбежное значительное увеличение мощностей у экспортера, указывающие на вероятность значительного увеличения субсидированного экспорта на рынок импортирующей страны-члена с учетом возможности других экспортных рынков поглотить дополнительный экспорт;

— поступает ли импорт по ценам, которые будут оказывать значительное понижающее или сдерживающее влияние на внутренние цены и вероятность дальнейшего увеличения спроса на импорт;

— запасы товара, по которому ведется расследование.

Необходимо отметить, что Соглашение (ст. 15.3) допускает использование кумулятивного анализа ущерба, то есть если расследование проводится в отношении импорта из нескольких стран одновременно, органы, проводящие расследование, могут обобщить влияние такого импорта. Эта возможность наиболее опасна для небольших стран, поскольку способствует облегчению установления ущерба в ходе расследований, затрагивающих несколько стран, включая мелких производителей.

В ходе расследования должно быть доказано не столько наличие субсидии и ущерба, сколько то, что вследствие воздействия субсидий субсидированный импорт причиняет ущерб. Доказательство причинно-следственной связи между субсидированным импортом и ущербом для отечественной промышленности основывается на изучении всех относящихся к делу фактов. Правила ГАТТ (ст. 15.5 Соглашения) также требуют, чтобы компетентные органы рассматривали любые известные факторы, помимо субсидированного импорта, которые одновременно наносят ущерб отечественной промышленности, и ущерб, причиняемый другими факторами, не должен приписываться субсидированному импорту. Факторы, которые могут учитываться в подобных случаях, включают, среди прочего, объем и цены несубсидированного импорта данного товара, сокращения спроса или изменения в структуре потребления, ограничительную торговую практику и конкуренцию между иностранными и отечественными производителями, технический прогресс, показатели экспорта и производительность отечественной промышленности.

Когда заявление о начале расследования отклонено или по результатам расследований Комиссией принято решение о нецелесообразности введения защитных мер, повторное заявление может быть принято к рассмотрению в отношении того же товара не ранее чем через год с момента отклонения заявления или даты публикации о результате расследования. В любом случае, согласно ст. 4.8 Поряд-

ка проведения расследования, разбирательство по факту субсидирования прекращается в случаях, когда доказано, что сумма субсидии составляет менее 1% фактурной стоимости товара, в отношении которого проводится расследование. В мировой практике данное правило получило название минимальной субсидии. Причем для развивающихся стран ст. 27.10 Соглашения установлен более льготный режим — 2% стоимости в расчете за единицу продукции, а для слаборазвитых — 3%.

В соответствии со ст. 4.1 Порядка проведения расследований при субсидировании ввозимых конкурирующих товаров расследование на предмет наложения компенсационных пошлин должно быть завершено в течение 6 месяцев, а в особых случаях срок его может быть продлен Комиссией, но не более чем до 18 месяцев. Согласно ст. 18 Закона о государственном регулировании на то же действие установлен срок в 2 месяца со дня принятия заявления. И хотя в данном случае превалируют положения закона, необходимо отметить, что нормы подзаконного акта более соответствуют международным стандартам. Так, ст. 11.11 Соглашения устанавливает, что, за исключением особых обстоятельств, расследования завершаются в течение одного года и ни в каком случае не превышают срока в 18 месяцев с момента их начала.

Если по результатам рассмотрения заявления о введении защитной меры в виде компенсационной пошлины Комиссией усматривается наличие специфической субсидии и имеются доказательства, что импорт товара наносит или угрожает нанести существенный ущерб российским производителям конкурирующих товаров, МВЭСИТ обращается в правительственные органы страны импортера (производителя) или соответствующие органы таможенных территорий о проведении консультаций. Проведение консультаций является одной из отличительных особенностей компенсационного расследования от антидемпингового, в котором наложение антидемпинговых пошлин возможно сразу после вынесения утвердительного определения о наличии демпинга, наносящего ущерб отечественной промышленности. Просьба о консультациях включает доказательства существования и характера данной субсидии и наличия существования ущерба. Если консультации не приводят к согласованному решению в течение 6 месяцев, МВЭСИТ направляет на рассмотрение Комиссии мотивированное заключение.

Расследование по факту субсидирования может быть приостановлено или прекращено Правительством РФ (Комиссией) в случае получения официальной информации об отмене (ограничении) субсидирования или о том, что экспортер согласен пересмотреть цены на субсидируемый товар в целях устранения ущерба или угрозы такового. В данном случае речь идет о так называемых обязательствах.

Как правило, обязательства не принимаются до вынесения утвердительного определения в отношении существования субсидии и ущерба, причиняемого такой субсидией. Соблюдение данного правила позволяет немедленно налагать компенсационную пошлину на основе фактов, установленных до принятия обязательств. Вопрос о принятии обязательств полностью отнесен к ведению соответствующих органов, и они вправе не принимать обязательства по различным причинам, включая общеполитические. Однако правила ГАТТ несколько ограничивают дискретные полномочия органов импортирующей страны и требуют от них (ст. 18.3 Соглашения), чтобы они мотивировали экспортеру причины такого отказа и предоставляли ему возможность высказать свое мнение.

Несмотря на принятие обязательств, расследование по вопросам субсидирования и ущерба, тем не менее, может быть доведено до конца, если этого желает экспортер. В случае вынесения отрицательного определения в отношении наличия субсидирования или ущерба обязательство автоматически теряет силу, за исключением случаев, когда такое определение в значительной степени является результатом наличия обязательства. В случае подтверждения наличия субсидирования и ущерба обязательство продолжает действовать в соответствии с его условиями и положениями, закрепленными в этом документе.

Решение о том, налагать или нет компенсационную пошлину в случаях, когда все требования для ее наложения выполнены, а также решение о том, должна ли величина вводимой компенсационной пошлины равняться полной величине субсидии или быть меньше ее, принимаются Правительством РФ. Однако необходимо отметить, что основной знаменатель изменений международных стандартов в отношении ставки компенсационной пошлины, как, впрочем, и антидемпинговой, идет в направлении ее уменьшения. В ст. 19.2 Соглашения говорится о том, что желательно, чтобы наложение имело умеренный характер, чтобы пошлина была меньше величины субсидии, если такая меньшая пошлина достаточна для устранения ущерба для отечественной промышленности, а также чтобы были установлены процедуры, которые позволили бы соответствующим органам власти должным образом учитывать мнение местных заинтересованных сторон (под которыми понимаются потребители и промышленники, использующие импортные товары, в отношении которых ведется расследование), чьи интересы могли бы быть неблагоприятно затронуты введением компенсационной пошлины. Более того, ст. 19.4 Соглашения содержит императивное предписание о запрете на взимание компенсационной пошлины с импортного товара в размере, превышающем установленную величину субсидии, исчисленную в величине субсидирования на единицу субсидированного и экспортированного товара.

По определению доцента Л.А. Давыдовой⁹, компенсационная пошлина, так же как таможенные пошлины, относится к “неналоговым доходам государства” и зачисляется в федеральный бюджет. Когда компенсационная пошлина налагается в отношении какого-либо товара, то такая пошлина взимается в каждом случае в соответствующих суммах на недискриминационной основе с импорта подобного товара из всех источников, в отношении которых было установлено наличие субсидий и причинение ущерба, за исключением импорта из таких источников, которые отказались от использования подобных субсидий.

Одним из общепризнанных фаворитов применения компенсационных пошлин является ЕС, поэтому небезынтересно будет вкратце рассмотреть практический пример использования этого инструмента торговой защиты. В деле о поставках в ЕС шариковых подшипников из Таиланда Комиссия ЕС в 1990 году приняла обязательства в форме экспортного налога от правительства Таиланда без наложения пошлины. Однако со временем выяснилось, что шариковые подшипники, изготовленные в Таиланде, экспортировались в третьи страны, особенно в Японию, а затем переправлялись в ЕС. Так как первоначальным направлением этих отгрузок была Япония, а не ЕС, то экспортный налог властями Таиланда не взимался. Поэтому Комиссия приняла решение о наложении компенсационной пошлины, эквивалентной экспортному налогу на импорт шариковых подшипников, происходящих из Таиланда и экспортированных в ЕС из третьих стран¹⁰.

Говоря о компенсационных пошлинах, необходимо отметить, что, в отличие от законодательства РФ, правила ГАТТ предусматривают возможность применения так называемых временных мер, которые в соответствии со ст. 17.2 Соглашения могут принимать форму временных компенсационных пошлин, гарантированных денежными депозитами или долговыми обязательствами на сумму, равную предварительно рассчитанной величине субсидирования. Они не вводятся ранее чем через 60 дней с даты начала расследования. Однако их применение ограничено периодом, не превышающим четырех месяцев. Таким образом, международные правила разделяют компенсационные пошлины на временные и окончательные. Если величина окончательной компенсационной пошлины больше суммы, гарантированной денежным депозитом или долговым обязательством, разница между ними не взимается. Если величина окончательной пошлины меньше суммы, гарантированной денежным депозитом или долговым обязательством, излишняя сумма возвращается или долговое обязательство аннулируется в кратчайший срок.

В соответствии с общеюридическим принципом действия правовой нормы во времени компенсационные пошлины применяются

только к товарам, которые поступают во внутреннее обращение после вступления в силу решения, то есть с момента вступления нормативного акта в силу. Однако специфика таможенно-тарифного регулирования, состоящая в постоянных изменениях, модификациях торгово-политического курса и, как следствие, в частых изменениях нормативной базы, обуславливает частое использование в практике правового регулирования исключений из этого общетеоретического правила, допускающих обратную силу — ретроактивность нормативного акта¹¹.

Согласно ст. 20.2 Соглашения в случае вынесения окончательного определения о наличии ущерба или о наличии угрозы ущерба, когда воздействие субсидированного импорта в отсутствие временных мер привело бы к вынесению определения о наличии ущерба, компенсационные пошлины могут быть введены ретроактивно с даты введения временных мер, если таковые были приняты. В критических обстоятельствах, когда в отношении данного субсидированного товара установлено, что ущерб, который трудно устраним, вызван массированным импортом данного товара в течение относительно короткого периода времени и субсидии для которого выплачиваются или предоставляются в нарушение положений ГАТТ 1994 года и Соглашения, и если для предотвращения повторения подобного ущерба будет сочтено необходимым обложить такой импорт компенсационными пошлинами, имеющими обратную силу, то окончательные компенсационные пошлины могут взиматься с импорта, поступившего в обращение не более чем за 90 дней до даты введения временных мер.

Помимо ретроактивности необходимо упомянуть другое важное правило применения компенсационных пошлин, закрепленное в ст. VI ГАТТ. Данная статья посвящена компенсационным пошлинам, но в то же время является основной статьей, содержащей положения по антидемпинговому обложению. В соответствии с этой статьей никакой товар, происходящий с территории договаривающейся страны и ввезенный на территорию другой договаривающейся страны, не должен подвергаться одновременному обложению антидемпинговой и компенсационной пошлины для того, что устранить один и тот же результат, который вызывается демпингом или субсидированием экспорта. Однако несмотря на то, что такое положение было закреплено, например в ст. 13.9 Постановления Совета (ЕЭС) от 11 июля 1988 г. "О защите против демпингового импорта и импорта, субсидируемого странами—нечленами ЕЭС" № 2423/88, а также содержится в ныне действующих нормативных актах ЕС, на практике такие случаи иногда происходят. В деле по поставкам в ЕС шариковых подшипников, освобожденных от корпоративного налога из Таиланда, Комиссия ЕС (управления которой проводят анти-

демпинговые расследования и расследования на предмет введения компенсационных пошлин) пришла к заключению, что наложение компенсационной пошлины не будет иметь воздействия на обнаруженную демпинговую разницу (величину демпинга), поэтому в дополнение к компенсационной пошлине была наложена антидемпинговая¹².

В ст. 4.9 Временного порядка проведения расследований в целях применения защитных мер в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию РФ, утвержденного приказом МВЭС № 1 от 2 августа 1995 г., было закреплено, что компенсационная пошлина вводится для нейтрализации субсидирования, наносящего ущерб, на срок не более четырех лет. Данный документ был впоследствии отменен. В итоге на сегодняшний день в законодательстве РФ не закреплен максимальный срок действия компенсационной пошлины. В заключении ст. 18 Закона о государственном регулировании говорится только о том, что этот срок, досрочная отмена компенсационной пошлины или продление устанавливаются Правительством с учетом международных обязательств Российской Федерации. Однако в правилах ГАТТ этому вопросу уделяется более серьезное внимание.

С одной стороны, в ст. 21.1 Соглашения закреплён принцип, согласно которому компенсационная пошлина действует только в течение такого периода времени и в таком размере, которые необходимы для нейтрализации субсидирования, причиняющего ущерб. При этом власти импортирующей страны пересматривают необходимость продолжения взимания компенсационной пошлины там, где это оправданно, по их собственной инициативе либо по истечении разумного периода времени с даты введения окончательной компенсационной пошлины по просьбе любой заинтересованной стороны, которая предоставит убедительные свидетельства, подтверждающие необходимость пересмотра. Заинтересованные стороны имеют право запрашивать у компетентных органов рассмотрение вопроса о том, действительно ли продолжение взимания пошлины необходимо для нейтрализации субсидирования, а также вероятно ли продолжение или возобновление причинения ущерба в случае, если пошлина будет отменена или изменена, или и то и другое вместе. Если в результате пересмотра будет определено, что применение компенсационной пошлины больше не является оправданным, оно должно быть немедленно прекращено.

С другой стороны, независимо от вышеуказанных положений, действие любой компенсационной пошлины должно быть прекращено не позднее чем через 5 лет с даты наложения или с даты последнего пересмотра, если такой пересмотр касается одновременно субсидирования и причинения ущерба. Данное положение применя-

ется, если в ходе пересмотра, начатого ранее по инициативе властей импортирующей страны или на основе должным образом обоснованного запроса, поданного от имени отечественной промышленности в течение разумного периода времени до этой даты, компетентные органы не определяют, что прекращение действия пошлины скорее всего привело бы к продолжению или возобновлению субсидирования и причинению ущерба. До получения результатов подобного пересмотра взимание пошлины может оставаться в силе.

¹ Помимо многосторонних могут заключаться и двусторонние соглашения, посвященные вопросам субсидирования. Так, например, 12 июля 1992 г. между УЭС и США было заключено соглашение, посвященное вопросам торговли гражданской авиатехникой, в котором содержались положения по прямым и косвенным субсидиям в промышленности. Кроме того, положения по субсидиям и компенсационным пошлинам содержат и региональные соглашения. Например, проведение консультаций по вопросам субсидирования предусмотрено в Североамериканском соглашении о свободной торговле 1993 года.

² Практика включения специальных положений, посвященных субсидированию, в специальные соглашения получила широкое распространение. Например, такие положения содержат Соглашение по нормальным условиям конкуренции в торговом судостроении и ремонтной промышленности, заключенное в Париже 21 декабря 1994 г. ЕС, Финляндией, Японией, Республикой Корея, Норвегией, Швецией и США. Соглашение вступило в силу с 1 января 1996 г.

³ Согласно ст. 27.6 Соглашения экспорт какого-либо товара является конкурентоспособным, если доля экспорта данного товара из развивающейся страны достигла по меньшей мере 3,25% мировой торговли данным товаром за два последующих календарных года.

⁴ *John Richard, Robert Albert. Legal Aspects of Introducing Products to the U.S. Market. Deventer. — 1988. — P. 282—283.*

⁵ *Hyung Jim Kim. The Korean Anti-Dumping System. Various Questions//Journal of World Trade. — 1996. — Vol. 30. — No 2. — P. 120; Vermulst Waer. E.C. Anti-Dumping Law and Practice. — L., Sweet & Maxwell, 1996. — P. 100.*

⁶ *Козырин А.Н. Комментарий Закона Российской Федерации "О таможенном тарифе"//Хозяйство и право. — 1996. — № 11. — С. 45.*

⁷ Под товаром в соответствии со ст. 2 Закона о государственном регулировании внешнеторговой деятельности от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ (далее: Закон о государственном регулировании) понимаются любое движимое имущество (включая все виды энергии) и отнесенные к недвижимому имуществу воздушные, морские суда, суда внутреннего плавания и космические объекты, являющиеся предметом внешнеторговой деятельности. Транспортные средства, используемые при договоре о международной перевозке, товаром не являются. Под непосредственно конкурирующими товарами или подобными товарами понимается (ст. 2 Порядка проведения рас-

следования) группа товаров, которые могут быть сравнимы по их функциональному назначению, качественным и техническим характеристикам, а также другим основным параметрам таким образом, что покупатель заменяет или готов заменить их друг другом в процессе потребления (производства), и имеют один и тот же код по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности (далее ТНВЭД).

⁸ Согласно ст. 2 Порядка проведения расследования, под заинтересованной стороной понимаются: заявитель, запрашивающий введение защитных мер, действующих на территории РФ; производитель конкурирующих товаров или объединение (союз, ассоциация) российских производителей таких товаров; российский потребитель (организация) или объединение (союз, ассоциация) российских потребителей таких товаров; экспортер и импортер, затронутые процедурой в РФ; правительственный орган иностранного государства или орган исполнительной власти союза стран, интересы производителей или экспортера которых оказываются затронутыми вводимыми защитными мерами.

⁹ *Финансовое право.* — М., изд-во БЕК, 1996. — С. 324.

¹⁰ О. J. L 56/24, 1993.

¹¹ См. *Козырин А.Н.* Действие таможенно-тарифной нормы во времени. Проблемы современного зарубежного законодательства. — Вып. I. — М., МГИМО МИД РФ, 1994. — С. 55.

¹² О. J. L 152/30, 1990.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 г.

Воздушное право

ПЕРВЫЙ КОНТРАКТ О ДИРИЖАБЛЯХ

Научно-производственное объединение “Техномаш” (Россия) и Национальное космическое агентство Казахстана заключили контракт, по которому Россия создаст дирижабли для перевозки по воздуху газа с месторождений Тенгиз и Карачаганаг в крупные города, прежде всего в Алма-Ату. Подробно об этом рассказал в интервью “Известиям” директор Российского космического агентства Юрий Коптев.

Сумма контракта — 53 млн. долл. Стоимость всего проекта аэростатической транспортной системы — 250 млн. долл. Если строить трубопровод Тенгиз — Алма-Ата, то он обошелся бы в 3,5 млрд. долл. Таким образом, главные козыри проекта — дешевизна и экологическая чистота. По контракту Казахстан, который занимает второе место в мире по запасам газа, предоставляет сырьевую базу и финансирование, а Россия — “ноу-хау” и производство техники. Финансирование промышленных разработок началось в 1997 году.

Для снабжения Алма-Аты потребуется 40 дирижаблей. Каждый из них объемом 60 тыс. кубометров (длина “сигары” — 130 м), в него закачивается охлажденный метан, который легче воздуха и несет себя сам. По прибытии на место метан выкачивается, и дирижабль проделывает обратную дорогу также по воздуху за счет оставшегося в оболочке гелия. Скорость движения — 220 км в час, высота — 2500 м. Пилот не нужен. Управление осуществляется с помощью космических навигационных средств и спутников связи.

Возрождение интереса к дирижаблестроению наблюдается не только в России, но и в США и Германии, однако международный контракт по этому направлению воздухоплавания первой в мире заключила Россия.

Международное гуманитарное право

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

В.В. Алешин*

Война во все периоды существования человечества являлась его неотъемлемым и самым жестоким спутником. Прошедшие войны, которые известны современной исторической науке, всегда сопровождались человеческими страданиями, жертвами, разрушениями, подрывали экономические и политические устои государственности, порождали неверие в справедливость и гуманизм. Поэтому государства как основные субъекты международного права пытались уменьшить пагубные последствия войн путем создания и правового закрепления общеобязательных для всех норм с целью, во-первых, ограничения воюющих сторон в средствах и методах ведения военных действий и, во-вторых, защиты жертв и участников вооруженных конфликтов.

Нормы международного права, действующие в период вооруженных конфликтов, реально регулируют общественные отношения тогда, когда начинаются военные действия, вне зависимости от того, совершен ли акт агрессии или реализуется право на самооборону. Ситуации, которые приводят к вооруженному конфликту, как правило, сводятся к следующему:

- 1) одно государство нападает на другое (акт агрессии);
- 2) государство использует вооруженную силу национальной армии, защищаясь от агрессора или оказывая помощь в борьбе с агрессией другому государству (право на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом ООН);
- 3) ООН принимает решение о проведении вооруженной акции;
- 4) государство вводит свои войска на территорию другого государства по его просьбе для оказания ему помощи в борьбе с вооруженной оппозицией;

*Кандидат юридических наук.

5) возникновение вооруженного конфликта внутри конкретного государства, когда подразделениям правительственных вооруженных сил противостоят отряды повстанцев.

Первые три ситуации определяются международным правом как вооруженный конфликт международного характера. К таким вооруженным конфликтам относятся вооруженные столкновения двух или более государств и конфликты, в которых народы ведут национально-освободительную борьбу.

Четвертая ситуация правомерна только в случае явно выраженной просьбы, обращения к другому суверенному государству для оказания помощи, в том числе и военной, для подавления вооруженной оппозиции, восстановления и поддержания конституционного порядка. Такие просьбы, обращения поступают от высших органов государственной власти (Президента, Правительства). Государства могут также заключать соглашения об оказании военной помощи в случае возникновения вооруженного противостояния правительственных войск и подразделений вооруженной оппозиции на территории государства — участника соглашения. Но и в этом случае согласие на ввод подразделений армии иностранного государства должно исходить от высших государственно-властных структур, а механизм ввода войск и компетенция (права и обязанности) отдельных частей армии иностранного государства должны быть закреплены в соглашении и национальном законодательстве.

Наименее исследована пятая ситуация, рассматриваемая международным правом как вооруженный конфликт немеждународного характера.

Среди действующих международно-правовых актов, регламентирующих поведение государств и других участников в период внутренних вооруженных конфликтов, центральное место занимает Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженного конфликта немеждународного характера, который был принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г. (далее: Протокол II)¹. Данный документ впервые в истории международного права закрепил систему норм, относящихся к внутренним вооруженным конфликтам. Он применяется ко всем лицам, затрагиваемым вооруженным конфликтом, без какого бы то ни было различия, основанного на признаках расы, цвета кожи, языка, религии, политических убеждений, происхождения и т.д.

Данному конфликту присущи следующие черты: пределы вооруженного конфликта ограничены территорией конкретного суверенного государства; участниками военных действий являются правительственные регулярные вооруженные силы и антиправительственные вооруженные подразделения, группы; наличие постоянных

и организованных боевых действий между противоборствующими силами. Последние должны быть соответствующим образом организованы и иметь постоянные руководящие органы, что позволяет им проводить непрерывные и согласованные боевые действия и осуществлять реальный контроль на определенной части государственной территории.

Следует отметить, что, во-первых, перечисленные признаки включают случаи, даже значительные, вооруженных столкновений, происходящих в той или иной стране между различными вооруженными группами, но без прямого участия правительственных вооруженных сил. Как показывает недавняя история Ливана, подобный случай далеко не гипотетический. Во-вторых, Протокол II, по-видимому, не предназначен для применения в том случае, когда "противной стороной" являются подпольное партизанское движение, террористическая группа, которая лишь время от времени применяет "тактику булавочных уколов"².

Они действуют скрытно, тайно, не вступая в открытое вооруженное противостояние с правительственными войсками, глубоко конспирируют свою деятельность, с тем чтобы не попасть в поле зрения спецслужб и правоохранительных органов. Осуществляя взрывы, поджоги, террористические акты, захват заложников, как, например, палестинские террористические группы "Хамас" и "Хезбалла", или дестабилизируя деятельность городского транспорта, как в случае с распространением ядовитого газа в японском метро членами секты "Аум Сенрикё", руководство и члены боевых групп преследуют одну цель: запугать население, посеять хаос и заставить власти отказаться от решительных действий. Данные деяния являются противоправными с точки зрения внутреннего законодательства конкретных государств и, безусловно, не подпадают под действие статей Протокола II. По справедливому выражению А. Фердросса, "лишь определенные группы лиц уполномачиваются правом войны на военные действия"³.

Одним из важных квалифицирующих признаков вооруженного конфликта немеждународного характера является определенный уровень организованности вооруженных подразделений повстанцев. Это предполагает, как правило, деление их подразделений на структурные боевые единицы (группы, отряды и т.д.), вертикально подчиненные лидеру оппозиционного движения. Для поддержания боеспособности, укрепления воинской дисциплины и пополнения рядов своих подразделений руководящие органы (главнокомандующий или штаб) издают приказы, инструкции и т.д. Так, например, в приказе главнокомандующего Вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) № 63 от 13 марта 1997 г. "О комплектовании Национальной гвардии" закреплён механизм

поступления на военную службу, в частности указано, что комплектование Национальной гвардии производится бойцами, отобранными аттестационными комиссиями ВС ЧРИ по рекомендациям сельских сходов или прихожан городских мечетей. Лица, желающие поступить в Национальную гвардию, должны направить рапорт соответствующему командиру, который при наличии вакансий по согласованию с руководителем местной администрации (имамом мечети) назначает дату проведения схода. Боевой путь претендента, согласно приказу, должен быть документально подтвержден и оглашен на сходе. Протокол схода подписывается председателем и секретарем схода, представителем командования, руководителем местной администрации, имамом мечети и заверяется соответствующими печатями⁴.

Таким образом, решение схода, с одной стороны, является главным и основополагающим документом о направлении конкретного лица в вооруженное подразделение, а с другой — поручительством за него на период службы в Национальной гвардии ЧРИ.

В период военных действий на правительственные вооруженные силы и антиправительственные вооруженные подразделения нормами международного права возлагается обязанность использовать разрешенные средства и методы ведения войны.

Согласно ст. 35 Дополнительного протокола I 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв войны (далее: Протокол I) право сторон, находящихся в конфликте, выбирать средства ведения войны не является неограниченным. Данное нормативное положение, по мнению автора, полностью распространяется и на вооруженные конфликты немеждународного характера. Под средствами ведения военных действий обычно понимают различные виды оружия и специальную технику, используемую вооруженными силами для уничтожения живой силы и материальных средств противника, а также подавления или ослабления его сил и способности к сопротивлению.

Запрещенные средства ведения войны прямо указаны в конкретных соглашениях. Это разрывные пули или снаряды, содержащие горючие и зажигательные вещества весом менее 400 г (Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. Санкт-Петербург, 1868 г.); пули, легко разворачивающиеся и сплюсчивающиеся в человеческом теле (Декларация о неупотреблении легко разворачивающихся и сплюсчивающихся пуль “дум-дум”. Гаага, 1899 г.); яд и отравленное оружие (IV Гагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны с прилагаемым положением о законах и обычаях сухопутной войны. Гаага, 1907 г.).

Положения Декларации 1899 года и IV Гагской конвенции 1907 года получили дальнейшее развитие в Женевском протоколе о запре-

щении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 года.

Значительное место в современном международном праве занимают Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и об их уничтожении 1972 года и Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года. Эти документы обязывают государства не разрабатывать, не производить и не приобретать любые виды бактериологического и химического оружия и ликвидировать все их запасы.

В соответствии с нормами Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерное повреждение или имеющими неизбирательные действия, 1980 года, а также Протоколом о необнаруживаемых осколках, Протоколом о запрещении и ограничении мин, мин-ловушек и других устройств и Протоколом о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия к данной конвенции запрещается любое использование оружия, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в теле человека с помощью рентгеновских лучей. Приведенные выше документы особенно указывают на недопустимость использования против гражданского населения и невоенных объектов зажигательного оружия, мин, а также мин-ловушек и других подобных устройств, которые по внешнему виду напоминают детские игрушки, и др.

По каждому выявленному случаю применения запрещенных средств в период вооруженного конфликта немеждународного характера и после его окончания компетентным органам государств необходимо проводить расследование с привлечением международных экспертов с целью установления производителя таких средств, а также выявления организаторов и исполнителей конкретных противоправных деяний по их использованию. Кроме того, спецслужбам и правоохранительным органам в соответствии с их компетенцией следует предпринимать действия, направленные на выявление, предупреждение и пресечение попыток незаконного провоза в зону боевых действий запрещенных средств ведения войны.

Важным и актуальным вопросом любой войны являются военный плен и, соответственно, правовой режим военнопленных, то есть лиц, по каким-либо причинам оказавшихся во власти неприятеля. Этот режим регулируется Женевской конвенцией об обращении с военнопленными 1949 года⁵.

Вместе с тем следует отметить, что Протоколом II вопросы военного плена не регулируются и, соответственно, термины "военно-

пленный” и “режим военного плена” нормативно не определены и не употребляются в рассматриваемом документе. Кроме того, Протокол II не содержит отсылок статей к указанной Конвенции 1949 года. И это логично. В случае возникновения очага внутренней напряженности и вооруженного конфликта на территории конкретного суверенного государства, как, например, в случае внутреннего вооруженного конфликта в России на территории субъекта Федерации — Чечни, участие в боевых действиях принимали лица, имеющие одно гражданство, независимо от национальности, и обязанные подчиняться одной Конституции и одним законам (за исключением наемников). Поэтому термины “военный плен” и “военнопленный” к ним неприменимы, независимо от того, является ли захваченный военнослужащим регулярных правительственных вооруженных сил или представителем вооруженных отрядов оппозиции. Однако в ст. 5 Протокола II используется термин “лица, лишенные свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, интернированы они или задержаны”. При этом следует отметить, что, исходя из “оговорки” российского ученого-юриста Ф.Ф. Мартенса, к указанной категории лиц применяются нормы, обеспечивающие гуманное обращение с ними.

Лица, лишенные свободы, снабжаются продовольствием, питьевой водой, им обеспечиваются необходимые условия для соблюдения гигиены, а также возможность отправлять религиозные обряды. Нормы международного права закрепляют за этими лицами возможность получать помощь в индивидуальном или коллективном порядке, например гуманитарную помощь от различных благотворительных фондов, международных организаций или частных лиц. Раненым и больным предоставляется необходимая медицинская помощь. В частности, в период боевых действий в Чечне норвежским Красным Крестом МККК был развернут полевой госпиталь с врачами из Канады, Англии, Швейцарии, Норвегии, Голландии, Испании, прошедшими многие “горячие точки” планеты. По сообщению делегата МККК Шантель Лебре, данный госпиталь был предназначен для приема и оказания медицинской помощи гражданским лицам и бойцам обеих конфликтующих сторон⁶.

Важно отметить, что данная статья не содержит указания на причины и условия, при наступлении которых свобода конкретного лица ограничивается. Поэтому, исходя из смысла данной нормы, нет принципиальной разницы в том, было ли лицо задержано в связи с участием в боевых действиях, совершением административного правонарушения, уголовного преступления или интернировано. С точки зрения международного права и задержанные, и интернированные — лица, лишенные свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом.

Места содержания задержанных и интернированных лиц не должны находиться вблизи зоны боевых действий, а в случае прямой опасности в результате вооруженного конфликта эти лица эвакуируются в более безопасные места.

Нормы Протокола II закрепляют право на уважение личности, чести, убеждений и право на отправление религиозных обрядов всем лицам, не принимающим или прекратившим принимать участие в военных действиях независимо от того, ограничена их свобода или нет. В отношении этих лиц запрещены любые посягательства на здоровье и жизнь, применение коллективных наказаний, взятие заложников, акты терроризма, рабство и работорговля во всех формах, грабеж, а также угрозы совершения любого из перечисленных действий.

В период вооруженного конфликта в Чечне и после него, когда боевые действия прекратились, на Северном Кавказе получила широкое распространение практика взятия заложников, являющаяся противоправной.

В 1979 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о борьбе с захватом заложников. Преступлением является захват или удержание лиц, сопровождаемые угрозой убийства, нанесения вреда или дальнейшего удержания для того, чтобы заставить третью сторону, а именно государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц, совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложников. Заложниками в Чечне становятся военнослужащие, строители, журналисты, медицинские работники, представители международных организаций. В сложившейся обстановке важное значение имеет сотрудничество правоохранительных органов и спецслужб. Подписанное 15 июля 1997 г. в Ессентуках Временное соглашение между ФСБ России и Национальной службой безопасности Чеченской Республики Ичкерия предусматривает взаимодействие по вопросам борьбы с терроризмом, захватом заложников, незаконным оборотом наркотиков и оружия. В качестве приоритетной формы сотрудничества закреплён обмен информацией по расследованию уголовных дел и розыску подозреваемых, предполагается сотрудничать и в решении технических вопросов, таких как налаживание телефонной и факсимильной связи⁷.

Важной гарантией соблюдения прав человека в период внутреннего вооруженного конфликта является закрепленный в Протоколе II принцип недопустимости вынесения судебного решения и исполнения наказаний без приговора суда, обеспечивающего основные гарантии независимости, его беспристрастности и права на защиту лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом.

Этим Протоколом установлена личная уголовная ответственность за совершенное преступление и определена презумпция невиновности лица: каждый, кому предъявляется обвинение в совершении конкретного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана по закону. Принципы и процедура доказывания виновности лица в ст. 6 "Уголовное преследование" Протокола II не урегулированы, что, по мнению автора, не является пробелом, так как они закреплены в юридических актах государств (конституциях, законах, кодексах, положениях и т.д.) и составляют часть правовой системы страны в целом. Однако установлены ограничения на вынесение смертного приговора с учетом возрастных критериев и социального положения. Смертный приговор не выносится лицам, которые в момент совершения преступления не достигли 18-летнего возраста (верхний возрастной предел документом не установлен), а также беременным женщинам и матерям, имеющим малолетних детей. Важно подчеркнуть, что закрепленные ограничения относительно вынесения смертного приговора не должны исключать ответственности вообще.

Кроме того, Протокол II закрепляет возможность предоставления амнистии лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте, и лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом.

Примером решения такого вопроса могут служить Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12 марта 1997 г. "Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике", а также постановление о порядке его применения⁸.

В документе указано, что в отношении лиц, совершивших такие преступления, как шпионаж, террористический акт, террористический акт против представителя иностранного государства, вредительство, бандитизм, контрабанда, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, и по ряду других статей УК РСФСР амнистия не применяется.

Кроме того, положения указанного постановления не распространяются на военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, совершивших хищение огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов с целью сбыта участникам незаконных вооруженных формирований и иным лицам, участвующим в конфликте, а также на лиц, совершивших хищение материальных средств, направленных на восстановление Чечни.

Амнистии не подлежат лица, ранее признанные особо опасными рецидивистами, а также иностранные граждане и лица без граждан-

ства, принимавшие участие в конфликте. Статус последних в вооруженном конфликте определяется термином “наемник”. От наемников следует отличать добровольцев⁹.

Наемник—военный преступник. В соответствии со ст. 47 Протокола I наемников от других участников вооруженного конфликта отличает повышенное материальное вознаграждение за участие в боевых действиях. Он специально вербуются для участия в вооруженном конфликте. Наемник не является ни гражданином, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте, и не послан третьим государством для выполнения официальных обязанностей. Он принимает непосредственное участие в военных действиях. Указанная категория лиц не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте. Важно подчеркнуть, что данный квалифицирующий признак наемника в новом УК России не закреплён. Это обстоятельство показывает определенное несоответствие Протокола I и российского закона, которое в дальнейшем следует устрани́ть.

Доброволец — это лицо, добровольно поступающее в действующую армию (подразделения) одной из воюющих сторон. Особенностью является то, что доброволец поступает на военную службу по политическим соображениям, а не ради получения материальной выгоды и благ. Он входит в личный состав вооруженных сил воюющей стороны.

Отметим, что гражданин данного государства, участвовавший в вооруженном конфликте немеждународного характера на территории своего государства в составе отрядов вооруженной оппозиции (даже за большое материальное вознаграждение), наемником считаться не может, а его деяния следует квалифицировать согласно нормам уголовного права, например в России по ст. 208 УК “Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем”. Наемником может быть только иностранный гражданин или лицо без гражданства, ответственность которого закреплена в ст. 359 УК России.

В заключение отметим, что статьи Протокола II относятся исключительно к внутренним вооруженным конфликтам высокой степени интенсивности, которые в международном праве определяются термином “вооруженный конфликт немеждународного характера”. Данный Протокол дополняет и развивает нормы международного гуманитарного права. Его наиболее важные положения предоставляют гарантии лицам, не принимающим участие в боевых действиях, гражданскому населению, особенно женщинам и детям. Лицам, лишённым свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, документом гарантируется гуманное обращение. Протоколом

закреплены вопросы уголовного преследования и вынесения приговора применительно к конкретным категориям лиц.

Вооруженные конфликты немеждународного характера представляют собой сложные и многогранные явления, выявляют противоречия современного общества (политические, экономические, территориальные, национальные, религиозные и т.д.). Но независимо от того, как разрешается внутренний вооруженный конфликт, его участники, а также гражданское население находятся под защитой норм гуманитарного права.

¹ См. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — МККК, 1994. — С. 297—309.

² См. *Фриц Кальсхвен*. Ограничения методов и средств ведения войны. — МККК, 1994. — С. 184.

³ *Фердросс А.* Международное право. — М., 1959. — С. 433.

⁴ *Защитник Отечества* (орган Министерства обороны Чеченской Республики Ичкерия). — 1997. — № 6 (49). — С. 1.

⁵ См. Международное гуманитарное право в документах/Сост. Ю.М. Колосов, И.И. Котляров. — М., 1996. — С. 194—266.

⁶ *Северный Кавказ*. — 1996. — № 34. — С. 6.

⁷ *Независимое военное обозрение*. — 1997. — № 27. — С. 1, 7.

⁸ *Собрание законодательства Российской Федерации*. — 1997. — № 11. — Ст. 1289—1290.

⁹ См., например, *American Journal of International Law*. — 1979. — Vol. 73. — No 1. — P. 39.

Статья поступила в редакцию в октябре 1997 г.

Право и экология

УГРОЗА ЭКОЦИДА

А.Ю. Галяметдинова*

“Ceterum censeo Carthaginem esse delendam”.
(“Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен” — слова римского сенатора Катона-старшего, который все свои речи заканчивал призывом к войне с Карфагеном.)

Мы должны согласиться с тем, что в этом эпитафье верно изображается положение, в которое мы ставим себя накануне экологического кризиса. Отрицательные результаты антропогенных воздействий в глобальном масштабе столь внушительны, что возникает опасность перерастания экологического кризиса в экологическую катастрофу. Поэтому составной частью мировой политики, международных отношений стали экологическая политика, обеспечение экологической безопасности, как региональной, так и международной.

Беспокойство вызывает также все увеличивающееся число вооруженных конфликтов, причем в настоящее время кажется, что использование средств воздействия на природную среду в военных или враждебных целях не играет основную роль в военных планах. Однако такие технологии вполне могут быть разработаны и применены в ближайшем будущем.

Понятие экоцида

Интересы охраны окружающей среды и экологической безопасности неразрывно связаны с ограничением экологической войны. Особое внимание в современных условиях заслуживает понятие «экоцид». Надо отметить, что экоцид — это само явление, формой которого может быть экологическая, геофизическая или метеорологическая война. Кроме того, экоцид — это и международно-правовая категория, один из видов международного преступления.

* Аспирантка кафедры государственного и международного права Казанского государственного университета. Подробнее об авторе см. в этом номере журнала в рубрике “Кто есть кто в нашей науке и практике”.

В доктрине международного права до сих пор отсутствует общепризнанное определение понятия «экоцид»¹. В российской и зарубежной печати и литературе специальный анализ экоцида с биологической и юридической точек зрения встречается очень редко.

Н.Ф. Реймерс определяет экоцид с точки зрения биолога как преднамеренное разрушение среды обитания, всего живого, приводящее к биоциду. Биоцид, по его мнению, представляет собой истребление всего живого на больших территориях².

В последних изданиях «Словаря иностранных слов» «экоцид» рассматривается как «уничтожение среды обитания народа с помощью применения дефолиантов, разрушения дамб и других сооружений». Некоторые исследователи связывают экоцид с международными конфликтами, определяя его «как преднамеренное разрушительное воздействие на природную среду народа с целью нанесения ущерба противнику главным образом за счет ее изменения путем подрыва его экосистем»³. Другие пишут об экоциде как «преднамеренном действии одного государства, использующего свои ресурсы для посягательства на население, культуру и производство биологического продукта другой страны, на ее природную среду»⁴. Иногда термин «экоцид» не употребляется, а говорится о «разрушительном воздействии на все экосистемы, цель которого подорвать экономику противника, снизить уровень жизни его населения, лишить способности вести войну или даже лишить надежды на выживание в будущем»⁵.

Однако, чтобы представить юридически обоснованное определение экоцида, надо провести анализ юридической сущности этого явления как международного правонарушения.

Использование сил природы в военных целях

Уже сейчас развитие науки находится на таком этапе, что ученые могут управлять некоторыми природными процессами, например управлять погодой с помощью химических агентов в атмосфере. Современные виды оружия массового уничтожения в случае неправильного их хранения, уничтожения и уж тем более применения могут серьезно нарушить экологический баланс на Земле. Любой маленький вооруженный конфликт приводит к большому влиянию на окружающую среду. Последствия использования природы в военных целях могут быть разрушительными.

В районах боевых действий разрушение природной среды может быть случайным или побочным следствием военных операций.

Можно использовать природу, например, в тактических целях, но не причинять ущерба ей самой. Для обеспечения или затруднения видимости в районах боевых действий и военных объектов, для со-

здания трудностей для полетов самолетов и других военных средств можно вызывать образование или рассеивание тумана или облаков.

Первоочередной целью военных действий и главной боевой задачей могут быть и **преднамеренное** изменение природных процессов и разрушение природной среды для того, чтобы снизить военный потенциал противника и вызвать массовую гибель населения. Такие действия получили название «экологическая война». В литературе также можно встретить термины «геофизическая», «метеорологическая» война.

Оружие, основанное на новейших технологиях, может быть направлено на деградацию окружающей среды. Такое «экологическое» оружие может быть прямого, первичного действия: ядерное, химическое, бактериологическое, геофизическое, биологическое, радиологическое и др., а также вторичного действия, направленное на разрушение экологически опасных объектов: АЭС, нефте-, газопроводов, химических заводов, плотин, водохранилищ и т. д.

Экологическая война, осуществляемая в определенном регионе, направлена против экологической безопасности всего человечества. В Индокитае в 1967—1972 годах специальные армейские войсковые соединения США свыше 2600 раз вызывали над территориями Вьетнама, Лаоса и Кампучии искусственные ливни путем рассеивания в облаках кристаллов йодистого серебра и двуокиси углерода. Этими действиями военные хотели нарушить коммуникации, затруднить снабжение и подорвать производственную базу противника. Для выведения из строя боевой техники с помощью специального химического реагента, состав которого держится в тайне, этим дождям придавалась различная степень кислотности. Главной опасностью применения искусственных ливней является их непредсказуемое влияние на экологическое равновесие природной среды — на водный баланс, тепловой и т. д. Также в этой войне широко использовались дефолианты, содержащие диоксин с периодом распада порядка 20 лет. Даже малая доза диоксина вызывает рождение мертвых детей или детей-уродов, устойчивые и губительные генетические изменения, раковые заболевания, пороки сердца, катаракты и т. д. Кстати, жертвами стали и американские солдаты, воевавшие во Вьетнаме. Свидетельством тому, что экологическое оружие может тяжело поразить экосистему, служит бесплодность 13 тыс. кв. км бывших сельскохозяйственных угодий, 25,5 тыс. кв. км лесов, то есть более 40% их общей площади во Вьетнаме.

Тяжелейшие экологические последствия имела война в Персидском заливе: взрывы нефтепроводов, нефтяных скважин, хранилищ горючего. В море у побережья Кувейта попало более 1700 тыс. т нефти. В результате сильных ветров нефтяное пятно распространилось приблизительно на 100–120 км в длину и на 20 км в ширину.

Площадь загрязнения составила 2,5–3 тыс. кв. км. Так как нефтяная пленка прекращает доступ кислорода в морскую воду, кислородное голодание приводит к деградации фитопланктона и зоопланктона, что, естественно, влияет на биологическую продуктивность моря и в результате приводит к массовой гибели рыб. Далее по трофическим цепям поражаются рыбацкие птицы — чайки, пеликаны, бакланы. Снижение их численности приводит к возрастанию болезней у рыб в других акваториях, в частности на Каспии и даже на территории северных стран, так как рыбацкие птицы являются санитарами, уничтожающими больных особей.

Экологическое оружие вторичного, косвенного действия представляло большую опасность и со стороны войск антииракской коалиции. В ходе ведения военных сражений и ударов с воздуха подвергались опасности и атомные реакторы Ирака, два из которых перестали функционировать, а третий, мощностью до 5 мегаватт, был отключен, а ядерное горючее помещено в отстойник-хранилище. В случае разрушения 25 кг облученного топлива, извлеченного из ядерных реакторов и хранившегося в специальных защитных металлических конструкциях, произошло бы радиоактивное загрязнение окружающей среды, то есть локальная ядерная катастрофа, грозящая перерасти в катастрофу глобальную.

Объектами экологического оружия вторичного действия могут быть удары по химическим предприятиям, складам химического и бактериологического оружия, а также плотинам, дамбам, атомным электростанциям и т.д. При этом минимальными военными средствами наносился бы не только огромный материальный ущерб, но за ними последовали бы и неисчислимые человеческие жертвы, экологические катастрофы.

**Запрещение использования окружающей среды
в качестве средства ведения войны
или с враждебными намерениями в международном
праве**

Использование природной среды в качестве средства ведения войны противоречит общепризнанным нормам международного права.

Вообще, соотношение понятий «война» и «международное право» — краеугольный камень науки международного права, вокруг которого сосредоточивались все исследования, касающиеся истории, природы и сущности международного права. Гуго Гроций в книге «О праве войны и мира» сначала рассматривает понятие «война», а затем уделяет внимание конкретным учениям международного права. Совмещение решения военных задач с соблюдением норм

права можно найти в Воинском Уставе 1716 года, созданном при Петре I Великом.

Зарождение нормы, запрещающей использовать окружающую среду как средство ведения войны, можно распознать во втором принципе Санкт-Петербургской декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль от 29 ноября (11 декабря) 1868 г. В декларации говорится, что «употребление такого оружия, которое, по нанесению противнику раны, без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною», не соответствует целям войны. Запрещается применять средства и методы ведения войны, которые, помимо основной цели войны — вывести наибольшее число людей из строя, причиняют при этом излишние страдания. Из этих положений вытекает обязательство воюющих сторон не применять окружающую среду как средство ведения войны, чтобы не причинять излишние страдания людям. На это положение прямо указала Конференция по использованию окружающей среды как средства ведения войны, проходившая в Оттаве в 1991 году. Ссылаясь на Санкт-Петербургскую декларацию, в итоговом документе конференция записала: «Война неизбежно оказывает разрушительное воздействие на процесс устойчивого равновесия. Поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивая защиту окружающей среды при возникновении вооруженных конфликтов...»

В 1907 году Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны установила, что воюющие не пользуются неограниченными правами в выборе средств нанесения вреда неприятелю (ст. XXII). Этот принцип также выражен в Дополнительном протоколе I 1977 года к Женевским конвенциям (ст. 35, п. 1).

17 июня 1925 г. был подписан Женевский протокол «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Одним из положений протокола запрещалось применение на войне бактериологического оружия. 16 декабря 1969 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 2603 А (XXIV), в которой объявила противоречащим общепризнанным нормам международного права, изложенным в Женевском протоколе, применение в международных вооруженных конфликтах любых химических и бактериологических средств ведения войны.

В Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.), установлено, что страны-участницы должны осуществлять свою деятельность в космическом пространстве с учетом соответствующих интересов всех государств, причем каждое государство—участник договора проводит изучение и ис-

пользование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, таким образом, чтобы избежать их вредного загрязнения, а также неблагоприятного изменения земной среды вследствие доставки внеземных веществ, и с этой целью в случае необходимости принимает соответствующие меры (ст. IX).

Согласно статье 1 Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, каждый его участник обязуется запрещать, предотвращать и не проводить любые испытательные взрывы ядерного оружия и другие ядерные взрывы в любом месте, находящемся под его юрисдикцией и контролем: а) в атмосфере, за ее пределами, включая космическое пространство, под водой, включая территориальные воды и открытое море; б) в любой другой среде, если такой взрыв вызывает выпадение радиоактивных осадков за пределами территориальных границ государства.

Одним из важных документов, регламентирующих международно-правовую ответственность, является Конвенция 1972 года о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. В статье 1 Конвенции установлены виды ущерба: лишение жизни, телесные повреждения или повреждения здоровья либо уничтожение или повреждение имущества государства, либо физических или юридических лиц, или имущества межправительственных организаций. Если ущерб, причиненный космическим объектом, представляет «в больших масштабах угрозу для жизни людей или серьезно отражается на условиях жизни населения или деятельности жизненно важных центров», то государства-участники изучают возможность безотлагательного предоставления соответствующей помощи государству, которому причинен ущерб.

25 февраля 1991 г. в Финляндии была подписана Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, в которой стороны обязались принимать «все надлежащие и эффективные меры по предотвращению вредного трансграничного воздействия в результате планируемой деятельности, а также по уменьшению и контролю за ним». «Планируемая деятельность» понимается как «любая деятельность или любое изменение в той или иной деятельности, требующее принятия решения компетентным органом в соответствии с применимой национальной процедурой». «Воздействие» представляет собой «любые последствия планируемой деятельности для среды, включая здоровье, безопасность людей, флору, фауну, почву, воздух, воду, климат, ландшафт, исторические памятники и другие материальные объекты; оно охватывает также последствия для культурного наследия или социально-экономических условий, являющихся результатом изменения этих факторов».

Конференция ООН по окружающей среде и развитию, проведя встречу в Рио-де-Жанейро с 3 по 14 июня 1992 г., провозгласила в 24-м принципе Декларации, что «война по своей сути подрывает устойчивое развитие. Поэтому государства должны уважать международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды во время вооруженных конфликтов, и должны сотрудничать с целью его дальнейшей разработки по мере необходимости».

В Декларации Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне 10 июля 1992 г. подчеркивалась «важность сотрудничества с целью эффективного обеспечения безопасности ядерных установок и ограничения неблагоприятного воздействия оборонного комплекса на окружающую среду».

Однако, несмотря на растущую озабоченность состоянием окружающей среды, в международном праве не было бы никаких положений о ее прямой защите, если бы столь широкую известность не получили в свое время факты крупномасштабного применения Соединенными Штатами дефолиантов в ходе войны во Вьетнаме. Сенатор К. Пелл в 1972 году обратился в сенат США с предложением о принятии внутрис государственного, а затем и международного законодательного акта, запрещающего использовать природу в военных целях⁶. И сенат, и палата представителей провели слушания, которые завершились принятием в сенате в 1973 году резолюции, призывающей к составлению международного соглашения, в котором бы «запрещалось использование какой-либо деятельности по изменению природных или геофизических процессов как средства ведения войны...» В ответ на эту резолюцию президент приказал министерству обороны представить полный обзор военных аспектов использования средств воздействия на природную среду и погоду. В результате проведенного исследования правительство США решило искать возможности обсуждения с Советским Союзом вероятности заключения международного соглашения.

На международном уровне вопрос о запрещении использовать природу в военных целях впервые был выдвинут Индией на второй сессии Совета управляющих ЮНЕП в марте 1974 года в Найроби. Индия предложила резолюцию о кодексе поведения в отношении искусственных погодных изменений.

Во время московского саммита 1974 года США и СССР согласились провести двусторонние переговоры по проблеме разработки «наиболее эффективных мер по преодолению опасности использования средств воздействия на природную среду в военных целях»⁷. Три раунда переговоров были проведены в 1974 и 1975 году, что привело к выработке соглашения. Наконец, в августе 1975 года главы делегаций СССР и США параллельно представили Комитету по разоружению идентичные проекты текста Конвенции о запрещении использования природы в военных целях. Интенсивные переговоры,

проведенные на конференции Комитета ООН по разоружению, а затем и на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, привели к модификации текста и принятию 10 декабря резолюции 96 голосами против 8 при 30 воздержавшихся, призывающей государства подписать конвенцию и предлагающей Генеральному секретарю ООН открыть ее для подписания. 18 мая в Женеве она была открыта для подписания. Конвенция запрещает прибегать «к военному или любому иному враждебному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия в качестве способов разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда любому государству-участнику» (ст. 1). Для применения Конвенции наличие одного из этих условий является достаточным. Включение формулировки «крупномасштабные, долгосрочные или особо тяжкие последствия» вызвало резкую критику со стороны делегатов Комитета ООН по разоружению. Многие из них посчитали, что данная формулировка имеет неоднозначный характер, оставляющий неясным, что же именно может быть запрещено. Министр иностранных дел Мексики Г. Роблес придал этой фразе позитивную форму, которая, по его мнению, была более эквивалентной с юридической точки зрения. В своем выступлении делегат от США предложил следующие толкования: под термином «крупномасштабные» понимается область в «несколько сотен квадратных километров»; термин «долгосрочные» означает временные рамки в «несколько месяцев или целого времени года»; понятие «особо тяжелые» передает ту степень разрушения природной среды, когда причиняется очень серьезный ущерб или вред людям и имуществу. Ряд делегатов выразили сомнение по термину «враждебное использование», поскольку ущерб другим государствам может быть нанесен и в результате попыток воздействовать на природную среду в мирных целях. Термин «средства воздействия на природную среду» относится к «любым средствам для изменения — путем преднамеренного управления природными процессами — динамики, состава или структуры Земли (включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу) или космического пространства» (ст. 2). Таким образом, Конвенция ЭНМОД запрещает геофизическую войну — преднамеренное управление природными процессами, которое может вызвать «ураганы, цунами, землетрясения, выпадение осадков в виде дождя и снега»⁸.

Использование методов или средств ведения военных действий, которые «имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде», могут нарушить важное природное равновесие, то есть прибегать к экологической войне, запрещается в Протоколе I 1977 года к Женевским конвенциям⁹. Положения Протокола I в отношении ущерба окружающей среде вступают в силу лишь в

том случае, если таковой является обширным и долговременным. Действительно, из официального отчета о Дипломатической конференции 1974—1977 годов явствует, что ущерб, наносимый окружающей среде, подпадает под действие протокола лишь тогда, когда его последствия длятся десятилетиями. Такое ограничение введено умышленно, так как признано, что любое оружие, применяемое достаточно интенсивно, может причинить окружающей среде долговременный ущерб. Столь высокий порог в отношении оценки ущерба был введен с тем, чтобы под действие Протокола I попадали самые крайние случаи. Конференция смогла принять положения Протокола I относительно окружающей среды только потому, что имелось в виду их нераспространение на ядерное оружие, поскольку его применение, очевидно, имело бы последствия достаточно тяжелые, чтобы эти положения были нарушены.

Анализ юридической сущности экоцида

Комиссия международного права ООН, занимаясь кодификацией международного права, выразила беспокойство по поводу ущерба окружающей среде при принятии проекта статей об ответственности государств. Кроме того, в ходе рассмотрения проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества комиссия пришла к выводу, что «защита окружающей среды имеет такое большое значение, что некоторые особо серьезные посяательства против этого основополагающего интереса человечества должны также подпадать под действие кодекса и влечь за собой международную уголовную ответственность исполнителей»¹⁰.

В статье 19 проекта статей об ответственности, подготовленном Комиссией международного права ООН, говорится, что «международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом, составляет международное преступление». При перечислении таких деяний в пункте 3 этой статьи слово «экоцид» не названо, а сказано о «серьезном нарушении международного обязательства, основополагающего для охраны окружающей человека среды, так же как и обязательств, запрещающих массовое загрязнение атмосферы и морей».

В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества упоминание о природной среде встречается в статье 22 (исключительно серьезные военные преступления). Таким преступлением является «исключительно серьезное нарушение принципов и норм международного права, применимых в вооруженном конфликте». В число таких актов входит «применение методов или

средств ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде». Формулировка этого подпункта дословно приведена из пункта 3 статьи 35 и статьи 55 Дополнительного протокола I. Конвенция ЭНМОД касается таких методов, как изменение в элементах погоды (облаков, осадков, циклонов и штормов типа торнадо), изменения в элементах климата, изменения состояния озонового слоя и изменение состояния ионосферы, искусственные землетрясения и цунами и нарушения в экологическом балансе какого-либо района. Этот подпункт проекта кодекса указывает на обширный, долговременный и серьезный ущерб. Кроме того, в этом подпункте классифицируются как преступление не только методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить упомянутый выше ущерб, но и те, которые, как можно ожидать, причинят такой ущерб. Значит, охватываются случаи, в которых уничтожение природной среды не является основной целью, преследуемой исполнителем при применении этих средств или методов ведения военных действий, но, сознавая губительные последствия для окружающей среды, к которым эти методы или средства могут привести, исполнитель, тем не менее, решает их применить.

По замыслу данного проекта статьи военное преступление обязательно предполагает следующее: деяние, образующее состав преступления, подпадает под любую из шести категорий, предусмотренных в подпунктах a—f пункта 2; такое деяние представляет собой нарушение принципов и норм международного права, применимого в вооруженных конфликтах; это нарушение является исключительно тяжелым. Именно сочетание этих трех элементов дает основание квалифицировать какое-либо действие или бездействие в качестве военного преступления для целей проекта кодекса.

Проект статьи 26 Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде), устанавливающий международную уголовную ответственность за нанесение обширного, долговременного и серьезного ущерба природной окружающей среде, в качестве прямого источника имеет пункт 1 статьи 55 Дополнительного протокола I. Однако применение настоящего проекта статьи не ограничено вооруженными конфликтами, как в случае статьи, упомянутой выше. Для применения данного положения надо, чтобы были налицо три элемента: должен иметь место ущерб «природной окружающей среде»; есть условие «нанесения обширного, долговременного и серьезного ущерба»; и необходимо, чтобы этот ущерб был причинен «преднамеренно».

Серьезность ущерба определяется тремя факторами, учитываемыми в совокупности: масштабами или тяжестью ущерба, его

продолжительностью во времени и размерами географических районов, затрагиваемых этим ущербом. Особые дискуссии в комиссии велись над понятием «долговременный», так как некоторые члены КМП опасались, что использование этого понятия может вызвать задержку уголовного разбирательства, так как надо будет проводить установление длительности ущерба как предварительное условие возбуждения уголовного разбирательства. Другие члены КМП посчитали, что долговременный характер последствий может быть оценен с момента появления ущерба. В комиссии уточнялось, что слово «долговременный» следует понимать как указывающий на долговременный характер последствий, а не на возможность возникновения ущерба спустя длительный период времени.

Международно-правовая оценка преступления и его опасность определяются объектом посягательств. Комиссия международного права понятие «природная окружающая среда» трактует в широком смысле, как «охватывающее среду, окружающую человека, и среду, в которой он развивается, а также районы, сохранение которых имеет основополагающее значение для защиты окружающей среды».

Из сферы применения статьи 26 исключаются случаи ущерба, нанесенного вследствие халатности, так как в проекте высказано условие «преднамеренности», указывающее на ясную цель или конкретный умысел причинить ущерб. Исключается также ущерб, причиненный намеренным нарушением положений, запрещающих или ограничивающих использование некоторых веществ или методов в случае отсутствия ясной цели или конкретного умысла причинить ущерб окружающей среде. По мнению некоторых членов комиссии, такая позиция не бесспорна и, скажем, если преднамеренное нарушение каких-либо положений, касающихся защиты природной среды, например для получения прибыли, причиняет обширный, долговременный и серьезный ущерб, то такое нарушение является преступлением против человечества, вне зависимости от того, существовал ли умысел причинить ущерб природной среде. По мнению этих членов комиссии, данный проект статьи вступает в противоречие со статьей 22, где преступлением является не только применение методов и средств, которые имеют своей целью причинить ущерб, но также и тех, которые, как можно ожидать, причинят ущерб, даже если цель, которая преследуется при применении этих методов и средств, не состояла в причинении ущерба окружающей среде.

Встав на позицию «широкого» толкования, любые военные действия следует считать эцицидом, поскольку любая война влечет за собой ущерб природе и уничтожение людей. Но в этом случае специфика эцицида как преступления против природы теряется. Считается, эцицид будет иметь место, когда непосредственным объектом военных или иных враждебных действий будет природная среда.

Выражаясь иначе, следует выделить случаи, когда военные интересы могут быть достигнуты причинением ущерба непосредственно через воздействие на природные процессы.

Наличие экоцида поставлено в зависимость от размера ущерба. Размер ущерба — камень преткновения во всех исследованиях экологических преступлений.

«Враждебное намерение», «враждебное использование», «преднамеренное воздействие» предполагают прямой умысел. Но если причинен ущерб окружающей среде в результате неосторожных действий, то как его квалифицировать? Неосторожность выступает в двух формах. Если предвидится возможность наступления опасных последствий, но легкомысленно рассчитывается на их предотвращение, то речь идет о преступной самонадеянности. Если же не предвидится возможность наступления опасных последствий нарушения, хотя их можно и надо предвидеть, то речь идет о преступной небрежности. Направленность умысла и порог воздействия тесно взаимосвязаны. В результате неосторожных действий также может быть причинен существенный вред другим государствам и международному сообществу. Интерес экспертов ЮНЕП к таким явлениям, как «кислые дожди» и разрушение озонового слоя Земли, был вызван, помимо всего прочего, и тем, что они очень легко могут быть вызваны искусственно и под видом «нормального» производственного риска распространяться на большие территории, нанося ущерб другим государствам¹¹. В связи с этим можно предположить, что решающим фактором при квалификации экологического ущерба, наносимого экоцидом как международным преступлением и международным деликтом, по которому наступает международно-правовая ответственность, необходимо руководствоваться направленностью умысла, а не размерами последствий. Не следует повторять недостатки Конвенции 1977 года: толкование некоторых ее положений затруднено. Экоцид — это международное правонарушение, имеющее место во всех случаях использования природной среды во враждебных целях, независимо от размера ущерба. Масштаб вредных последствий имеет значение при квалификации экоцида как преступления против мира и безопасности человечества.

Как известно, международное правонарушение характеризуют следующие необходимые признаки: противоправность деяния и вред (ущерб). Неотъемлемым структурным элементом правонарушения является причинная связь между деянием и наступившими последствиями (ущербом). Противоправность поведения — нарушение международных обязательств в форме действия или бездействия, противоречие между правовой нормой (обязательством) и поведением государства. Статья 16 проекта об ответственности государств гласит: «Нарушение государством международного обязательства палицо в том случае, когда деяние этого государства не соответству-

ет тому, что требует от него указанное обязательство». Экоцид как международно-правовая категория, как международное преступление должен иметь характерные признаки международного правонарушения, которые существуют в международном праве.

Заключение

Подводя итоги анализу норм международного права, посвященных проблеме экоцида, следует заметить, что положения о защите окружающей среды во время вооруженных конфликтов, положения о запрете использования природной среды во враждебных целях появились в международном праве сравнительно недавно, они эволюционировали и их развитие должно происходить и в будущем, поскольку на данном этапе эти нормы не в полной мере отвечают современным требованиям международной безопасности. Значительную роль в совершенствовании этих положений должна сыграть Комиссия международного права ООН.

¹ *Дипломатический словарь*. — Т. III. — М., 1986. — С. 593—606; *Словарь международного права*. — М., 1986. — С. 414—420; *International environmental law*. — N. Y., 1974.

² *Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы*/Под ред. Н.Ф. Реймерса. — М., 1982. — С. 139.

³ *Вавилов А.М.* Экологические последствия гонки вооружений. — М., 1984. — С. 107; *Фокин А.В., Хозин Г. С.* Экоцид в политике американского империализма. — М., 1985. — С. 3—4.

⁴ *Тролянов И. А., Быстров Л. Г.* Экоцид в Индокитае. — М., 1985. — С. 16.

⁵ *Hallan C. Noltimier.* Techniques for manipulating the Geosphere//In. *Environmental Warfare*. — SIPRL London. — С. 25—31.

⁶ *Сешагири Н.* Против использования природы в военных целях. — М., 1983. — С. 206—207.

⁷ Документы и материалы 3-й Советско-американской встречи на высшем уровне. — М., 1974.

⁸ *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949*. — Geneva, 1987. — P. 413, § 1448.

⁹ *Ibid.* — P. 411—412, § 1444—1447.

¹⁰ Здесь и далее *Ежегодники Комиссии международного права*. ООН, Нью-Йорк и Женева.

¹¹ Doc. UN A/Conf. 48/14. 1972. — С. 80—84.

Дипломатическое право

“БЕЗ ГАЛСТУКОВ” И “БЕЗ ШПИЛЕК”

В дипломатическом праве появился новый термин, которого пока не найти в учебниках, но который прижился и требует специального рассмотрения.

В последнее время все чаще на газетных страницах многих стран стали встречаться выражения “встреча без галстуков” (оно появилось несколько раньше и обозначило неформальные дипломатические переговоры мужчин — первых лиц государств) и “встреча без шпилек” (то же, но относящееся к “первым дамам”).

Так, в частности, летом прошлого года обозначилась встреча в Карелии президентов России и Финляндии, а немного позднее — в районе озера Байкал переговоры президента России и премьер-министра Японии. Прошли также дважды подобные встречи президентов России и Германии. “Без шпилек” по заданию американского президента проехала по ряду стран СНГ, в том числе и по России, его супруга.

Можно добавить, что встречи “без галстуков” практикуются все чаще и на многосторонней основе. В частности, такие неформальные переговоры часто (относительно часто, конечно) проводят лидеры стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Очередной такой своеобразный “саммит” состоялся в декабре 1997 года в Куала-Лумпуре.

Правда, еще не было ни одной встречи “без галстуков и без шпилек” одновременно, то есть переговоров в неформальной обстановке первых лиц государств — мужчин и женщин, хотя в нашем бурно меняющемся мире предположить таковые вполне возможно.

Так что же такое для современного международного права такая встреча? В чем ее особенности в нынешнем дипломатическом праве по сравнению с недавним прошлым?

Прежде всего, это встреча первых лиц для обмена мнениями, в ходе которого четко познаются позиции друг друга, а значит, и в значительной мере их стран. Не обозначенная четко повестка дня дает возможность вести переговоры по самому широкому кругу вопросов, затрагивая и те, что считаются деликатными и не подлежащими обсуждению на широких официальных форумах (например, территориальная проблема, связанная с четырьмя российскими ост-

ровами южной части Курильской гряды, на которые претендует Япония).

По итогам таких встреч никакие официальные коммюнике не публикуются, никакие официальные документы не подписываются. Могут сами участники встречи, каждый по отдельности или через своих пресс-секретарей, прокомментировать ход встречи, ее содержание, какие-то намечающиеся договоренности. Но все это будет неофициальным итогом, не обязательным к исполнению сторонами. Конечно, подобные итоги дают возможность журналистам комментировать результаты таких встреч вкривь и вкось, строить свои доводы и прогнозы, заниматься "гаданием на кофейной гуще".

В более сложном положении оказываются "встречи без галстуков" на многосторонней основе. Они обсуждают конкретную проблему, ищут выход для ее решения, но тоже не подписывают и не издаются официальных коммюнике об итогах переговоров. Типичная в этом плане "встреча без галстуков" состоялась в Куала-Лумпуре. Она созывалась для поиска "лекарства" против кризиса валютно-финансовой системы, поразившего весь регион. Международный валютный фонд (МВФ) предписал ряд мер, однако их применение не помогло. Стоимость ценных бумаг и национальных валют в странах АСЕАН продолжала падать. Поэтому силы были брошены на поиск своих внутренних резервов при минимальном участии МВФ. В частности, обсуждались вопросы о внутрирегиональной взаимопомощи, о том, где искать дополнительную внешнюю помощь региону помимо вливаний из МВФ. Высказывались суждения о том, что ставку следует делать на японскую иену, которая должна стать в ЮВА противовесом доллару. Такой подход, по мнению большинства участников, может предотвратить резкие колебания местных национальных валют.

Особенностью этой встречи было то, что туда "без галстуков" впервые приехали и представители КНР. Китай не затронут кризисом валютно-финансовой системы. А страны АСЕАН имеют с ним широкие экономические связи. Поэтому вовлечение народного Китая в решение проблем региона становится одной из важнейших задач.

Таким образом, встречи "без галстуков" и "без шпилек" вносят свою новаторскую струю в дипломатическое право и способствуют налаживанию диалога между государствами во имя расширения сотрудничества и поиска совместных решений проблем, стоящих как перед отдельными регионами, так и перед человечеством в целом.

В. Петров

Статья поступила в редакцию в конце декабря 1997 г.

Книжная полка

ПОЛЕЗНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ СНГ

(Моисеев Е.Г. Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ. Учебное пособие/Под ред. К.А. Бекяцева. — М., Юристъ, 1997. — 272 с.).

Учебное пособие подготовлено на актуальную тему, активно обсуждаемую в различных кругах как в России, так и за ее пределами. Распад Советского Союза и создание Содружества Независимых Государств поставили ряд животрепещущих вопросов не только перед политиками и юристами, но и перед рядовыми гражданами России и стран ближнего зарубежья.

Автор учебного пособия уже не один год занимается правовыми вопросами СНГ. В 1995 году в издательстве «Юристъ» вышло первое учебное пособие этого автора «Правовой статус Содружества Независимых Государств».

Рецензируемая работа представляется весьма интересной. Она носит комплексный характер. В ней нашли отражение самые злободневные проблемы, которые решают страны СНГ. В работе не только затронуты, но и обстоятельно рассмотрены практически все направления сотрудничества между странами Содружества. Можно сказать, что по охвату круга проблем и глубине исследования подобной работы еще не было ни в Российской Федерации, ни в какой-либо иной стране СНГ.

Учебное пособие состоит из 14 глав. В первой из них речь идет о принципе сотрудничества между государствами как одном из основных принципов международного права. Вторая глава посвящена многостороннему сотрудничеству стран Содружества. Здесь рассмотрены политическое, экономическое, социально-гуманитарное сотрудничество, взаимодействие в таких областях, как обеспечение коллективной безопасности, охрана внешних границ СНГ, предотвращение и урегулирование конфликтов на территории государств СНГ, Таможенный союз стран СНГ, Экономический суд, правовая область и сфера борьбы с преступностью, проблема Каспия.

В последующих главах говорится о двустороннем сотрудничестве России с каждым из государств Содружества. Много внимания уделено формированию союза между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, анализу тех проблем, которые здесь возникают. В главе о сотрудничестве между Россией и Украиной весьма обстоятельно рассмотрены проблемы вокруг Крыма и Севастополя, а также Черноморского флота. В главах о взаимоотношениях России с Арменией, Азербайджаном, Молдовой и Таджикистаном много места заняло рассмотрение проблем урегулирования конфликтов вокруг Нагорного Карабаха, грузино-абхазского, грузино-осетинского, приднестровского, межаджикского. Хорошо показана активная роль России в мирном разрешении данных конфликтов.

Автором рецензируемой работы проанализировано в общей сложности свыше 400 много- и двусторонних соглашений, заключенных между странами СНГ. Вывод сделан весьма оптимистичный: Содружество есть и будет, у него неплохие перспективы.

В рецензируемой работе есть и определенные недостатки, на которых хотелось бы остановиться. Прежде всего речь идет о документах, которые вырабатываются во время встреч на высшем уровне в рамках СНГ. Являются ли они обязательными для государств Содружества? Или это тот материал, который в дальнейшем, в ходе переговоров, должен обрести юридическую силу в виде соглашений и конвенций? На эти вопросы автор ответа не дает.

Автор обошел вниманием миротворческую роль СНГ. В работе больше показан вклад России в мирное урегулирование конфликтов. А хотелось бы знать мнение автора относительно вклада СНГ в миротворческий процесс по урегулированию конфликтов на территории бывшего СССР. Можно было бы предложить тут более тесное взаимодействие ООН, ОБСЕ и СНГ в деле урегулирования указанных конфликтов.

На наш взгляд, слаба аргументация автора относительно обязательности решений Экономического суда СНГ. Пока этот суд малоэффективен, нужны более веские аргументы в пользу обязательности его решений.

И еще одна проблема затронута весьма поверхностно. Речь идет о правовом обеспечении перекачки нефти по трубопроводам из Каспия. Это очень непростая проблема, затрагивающая экономические интересы ряда стран, расположенных вокруг Каспия. Хотелось бы прочитать обстоятельные рассуждения на сей счет.

Тем не менее отмеченные недостатки ни в коей мере не зачеркивают большого труда, проделанного автором в данной работе.

Думается, что он продолжит исследование проблем СНГ и напишет третью часть такого нужного политикам и юристам труда.

А.Х. Абашидзе,
профессор Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук.
Подробнее об авторе см. № 1 за 1998 г.

Рецензия поступила в редакцию 15 октября 1997 г.

КЛЮЧ К СОКРОВИЩАМ “ПЕЩЕРЫ АЛАДДИНА”

(Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России (учебно-практическое пособие). М., СПАРК, 1997)

Увидав на столе у меня очередную книгу, пахнущую свежей типографской краской, мой вечный оппонент каждый раз задает одни и те же вопросы: “Опять?” и “Зачем тебе это нужно?” Иногда он бывает прав, когда на рецензию поступает книга, в очередной раз пересказывающая хорошо известные истины (да простят меня авторы таких книг). Поэтому, решая вопрос, брать или не брать (есть немало других рецензентов), приходится обращать внимание не только на название книги, но и на то, кто ее написал. Должен сказать, что такой подход часто спасает от необходимости читать манускрипты, которые лучше было бы оставить в покое.

В данном случае ознакомиться с тем, что написал как для изучающих отдельные отрасли права, так и для юристов-практиков крупный специалист и ученый, не только интересно, но и полезно. К тому же “секретом Полишинеля” является настоящая потребность сокращения международно-правовой безграмотности значительного слоя действующих и будущих юристов, юридических служб отраслевых министерств, а также и самих законодателей!

Вступив в 1996 году в члены Совета Европы, правительство РФ взяло на себя серьезные обязательства по совершенствованию своей правовой системы. Отправной точкой такого “совершенствования” является высокомерное утверждение юридической комиссии Парламентской ассамблеи Совета Европы о несоответствии правовой системы России европейским стандартам (можно подумать, что эти стандарты безукоризненны). А это означает, что, сказав “А”, необходимо говорить и “Б”, или, как говорят грибники: “Назвался груз-

дем — полезай в кузов”. Трудно поэтому не согласиться с автором в том, что “взаимодействие правовой системы России с международным правом, с актами международных организаций будет все более интенсивным”, что “практикующий юрист едва ли сможет успешно работать без все более основательного знания механизма такого взаимодействия” (стр. С рецензируемого пособия).

В монографическом исследовании можно было бы эту мысль дополнить перефразированием известного положения о войне как продолжении политики иными средствами, заменив слово “война” словами “международное право”. Подобное перефразирование нисколько не противоречит существующей реальности, когда с помощью норм международного права делаются попытки (и небезуспешные) воздействовать на социальную, политическую и экономическую структуру государств. Автор практически подошел к этой мысли, сформулировав ее следующим образом: “Общепризнанные принципы норм международного права и международных договоров признаны составной частью правовой системы России и в случае расхождения с законом подлежат приоритетному применению” (с. 3). И далее: “Издание закона или иного нормативного акта внутреннего права, противоречащего международному обязательству, может служить основанием для протеста и даже принятия контрмер со стороны других государств” (с. 11).

При такой постановке вопроса вряд ли можно согласиться с утверждением автора о том что “внешняя политика **основана** (выделено мною. — В.Ф.) на международном праве” (с. 5). Практика поведения, скажем, Вашингтона на международной арене и внутри своей страны дает все основания утверждать, что внешняя политика использует международное право для достижения интересов (нередко корыстных) правящей элиты государства.

Как известно, одним из источников международного права является договор. Договоры же имеют не всегда добровольный характер. Между равными партнерами в договоре обычно предусматривается развитие сложившихся межгосударственных отношений, между победителем и побежденным ни о каком равноправном договоре не может быть и речи. Также не может быть равноправных договоров между просящим и дающим. Неудивительно, что в рецензируемой работе автор неоднократно возвращается к тезису об обязательствах России по совершенствованию своей правовой системы: “...поведение Российского государства непосредственно регулируется международным правом даже в том случае, если речь идет о поведении на собственной территории” (с. 61).

А коль скоро это так, то настоятельно необходимо “обеспечить взаимодействие науки международного права и общей теории права со специальными отраслями юриспруденции” (с. 88). И в этом автор совершенно прав. Необходимо научиться не только юридически гра-

можно использовать нормы международного права в правовой системе России, но и применять эти нормы для укрепления безопасности страны на международной арене. Но для того чтобы и то и другое делать грамотно, необходимы глубокие знания норм международного права, механизма их реализации, взаимодействие норм международного права с правовой системой (или, как сейчас модно говорить, “правовым полем”) Российской Федерации. Выход в свет рецензируемого пособия — весьма удачный ответ на возникшую потребность.

Посвященное практическим и теоретическим вопросам, связанным с включением Конституцией РФ норм международного права в правовую систему России, пособие написано доходчивым языком, исключая произвольное толкование мыслей автора и поднимаемых им вопросов и проблем. Четкость и ясность изложения обеспечивает именно такое восприятие текста пособия, которое избавляет автора от необходимости дополнительных разъяснений и уточнений.

Структура изложения материала — от общего к частному — не только придает пособию логическую стройность, но и избавляет автора от излишних повторов и ссылок. Другими словами, чувствуется рука специалиста, одинаково хорошо владеющего техникой научного исследования и преподавания своего предмета, чем, к сожалению, далеко не всегда отличаются авторы учебно-практических пособий.

В рецензируемом издании теоретический материал и юридические нормы международного права удачно проиллюстрированы примерами и практического применения, что дает основание правомерно рассматривать пособие как учебно-практическое и рекомендовать его как студентам юридических учебных заведений, так и юристам-практикам.

Появление данного пособия по времени совпало с выходом в свет трехтомника “Действующее международное право”, изданного Московским независимым институтом международного права. Трехтомник вобрал в себя все основные документы действующего международного права. Это своего рода “пещера Аладдина”, хранящая созданные руками человека сокровища.

Рецензируемое пособие — ключ к этим сокровищам.

В.П. Филатов,

кандидат юридических наук.

Подробнее об авторе см. № 2 нашего журнала за 1997 год.

Рецензия поступила в редакцию в сентябре 1997 г.

Международные организации

ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ВОЗ)

По данным ВОЗ, в ближайшее время грядет пандемия (эпидемия планетарного масштаба) гриппа. Это будет не первая инфекционная катастрофа такого порядка. Последняя пандемия гриппа имела место в 1918—1920 годах, и тогда от этой болезни погибло во всем мире более 20 млн. человек.

ВОЗ предрекает, что возбудителем болезни будет новый тип вируса гриппа, доселе не известный человечеству и потому представляющий особую опасность для всех землян, у которых против него пока не выработан иммунитет.

Эти прогнозы подтвердил и Российский федеральный центр по гриппу, а сообщение для средств массовой информации сделал в октябре 1997 года через агентство “Интерфакс” первый заместитель министра здравоохранения Российской Федерации, главный санитарный врач страны Геннадий Онищенко.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ БОДИБИЛДИНГА (МФБ)

Международная федерация в этом виде спорта, который пока еще не является олимпийским, но по которому уже давно проводятся и мировые, и континентальные, и национальные чемпионаты, объявила о новом феномене.

Канадец Грегор Ковэкс наделен природой богатыми данными: при росте 1 м 88 см он весит 165 кг. Правда, этот вес помогли ему, профессиональному культуристу, набрать постоянные продуманные тренировки.

Даже всемирно известный американец — атлет Арнольд Шварценнегер по сравнению с новоявленным гигантом кажется карликом или пигмеем. За свои чудовищные габариты канадский человек-гора получил прозвище “Монстр”. А как же иначе его называть, если только бицепс руки в обхвате достигает 65 см (у Шварценнегера — “всего” 54 см), а обхват бедра — 89 см. Ежедневно на ножном прессе

он 20 раз поднимает по 900 кг. Изнурительные тренировки приводят к тому, что в день Ковэкс сжигает до 12 тыс. калорий.

По всей вероятности, Грегор Ковэкс будет претендовать на высшее место на пьедестале почета предстоящего первенства мира.

КОРПОРАЦИЯ “СЕРВИС ИНТЕРНЭШНЛ” (“МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ”)

Эта международная коммерческая организация со штаб-квартирой в США специализируется на весьма своеобразном бизнесе: она собирает с живых людей предоплату за организацию их будущих похорон.

Подобный бизнес оказался выгодным для обеих сторон. Заказчик знает, что он уже оплатил стоимость всех ритуальных услуг и освободил родственников от последующих затрат. Кроме того, с каждым годом погребение дорожает: только за последние 10 лет стоимость церемонии возросла в 4 раза и сейчас составляет свыше 5 тыс. долларов, а с него, единожды оплатившего, никаких доплат в последующем не берут.

Удобно это и для корпорации: у нее аккумулируются большие суммы резервной валюты, только хранение которой в банке приносит немалые барыши. Стоимость пакета предварительных заказов корпорации составляет почти 3 млрд. долларов: это значит, что услуги по собственным похоронам оплатили уже свыше 700 тыс. человек.

ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ ЯДЕРНЫХ ТРУДЯЩИХСЯ (ВСЯТ)

Создана еще одна международная неправительственная организация (МНПО) — Всемирный совет ядерных трудящихся (ВСЯТ). Об этом, как сообщает научный информационно-методический бюллетень Центрального правления ядерного общества, было объявлено на ее учредительном съезде в октябре 1996 года в Лионе (Франция). Целью новой МНПО является содействие развитию ядерной индустрии. Ее членами стали профсоюзные и рабочие организации из 15 стран, в том числе Германии, Франции, Канады, Англии, России. Президентом избран профессор Андре Маиссэ (Франция).

Основные направления деятельности ВСЯТ:

— создавать и пропагандировать через средства массовой информации позитивный имидж ядерной индустрии;

— оказывать постоянное давление на правительства и международные организации, чтобы они проводили такую энергетическую политику, которая бы обеспечивала защиту окружающей среды, создание рабочих мест и гарантировала бы удовлетворение потребностей всех стран мира в энергии;

— всячески укреплять связи между трудящимися мировой ядерной индустрии.

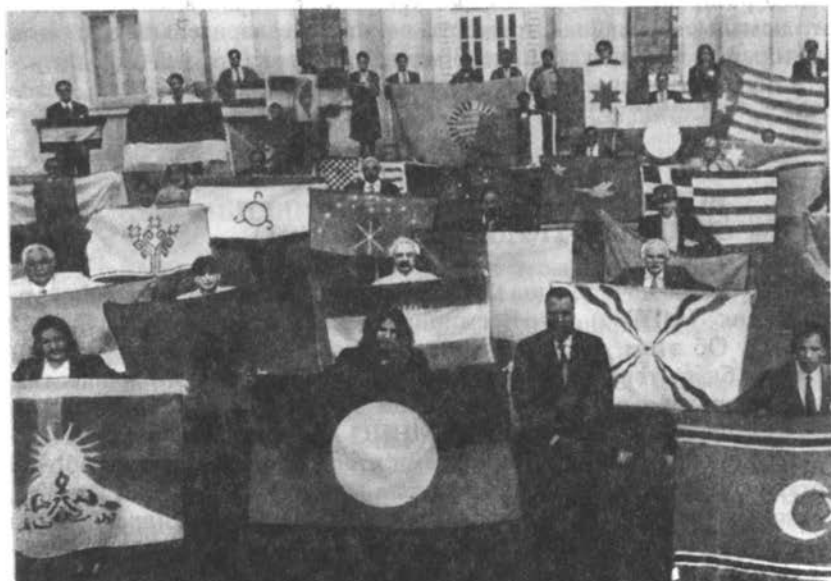
Одной из акций ВСЯТ стал Ядерный макси-марафон — такое название получил пробег от Парижа до Брюсселя, который прошел 9—10 мая 1997 г.

Россия во ВСЯТ представлена профсоюзом работников атомной энергетики и промышленности.

(Соб. инф.)

ЧТО ТАКОЕ ОННН (Организация непризнанных наций и народностей)?

Создана в 1991 году по инициативе ряда бывших республик СССР. Цель — борьба за права национальных меньшинств, за приобретение полного суверенитета. Некоторые члены этой организа-

На снимке: члены ОННН со знаменами своих непризнанных стран.

ции уже добились своих целей и стали членами ООН — Армения, Грузия, Латвия, Эстония.

Штаб-квартира находится в Гааге. Большинство сотрудников работают там на общественных началах. Члены — 38 непредставленных народов мира, в том числе австралийские туземцы, тибетцы, занзибарцы, чеченцы и т.д. Желающие вступить должны доказать, что представляют отдельную народность. Председатель — Сеиф Шериф Хамад (Занзибар). Вице-председатель — Хасбулатов (Чечня). Высший орган организации — Генеральная ассамблея. Уже проведено пять таких ассамблей. Последняя, по данным английской газеты “Индепендент”, прошла в небольшом городке Эстонии, а по данным чеченского агентства МАЛХ — в Гааге.

Средства: ОННН существует на спонсорские взносы нескольких частных фондов и на деньги правительств Дании, Нидерландов и Норвегии.

Деятельность: подготовка докладов о нарушении прав человека, доказательство делом, что конфликты члены организации умеют решать мирными способами. Одно из основных требований ОННН — покончить с двойным стандартом в международном праве.

(Соб. инф.)

Хроника

КОСМИЧЕСКИЙ ЮБИЛЕЙ

40-й коллоквиум Международного института

космического права в рамках

48-го международного астронавтического конгресса

(г. Турин, Италия, 6—10 октября 1997 г.)

Ежегодный астронавтический конгресс — большое событие для страны, в которой он проводится. Программа таких конгрессов компонуется тремя независимыми организациями, постоянно пребывающими в Париже: Международной астронавтической федерацией (МАФ), насчитывающей 127 членов-организаций из 47 стран, представляющих правительства, индустрию, ассоциации ученых, международные космические организации; Международной академией астронавтики (МАА), насчитывающей 1200 членов, из них более 100 — от России; Международным институтом космического права (МИКП), насчитывающим в своих рядах юристов-экспертов в сфере правовых вопросов, связанных с космической деятельностью.

В 48-м Международном астронавтическом конгрессе, состоявшемся в октябре 1997 г. в Турине, приняло участие 1400 человек, в том числе 60 — от России. Девиз Конгресса — “Развитие космического бизнеса”. Накануне открытия конгресса, с участием жителей Турина в течение всего дня 4 октября отмечалось 40-летие запуска первого в мире спутника.

6 октября 1997 г. в присутствии президента Итальянской Республики в торжественной обстановке состоялось открытие конгресса. Как это принято в цивилизованных странах, президент расположился в партере, а выступавшие обращались к нему с трибуны. С приветствиями выступили член правительства Италии, губернатор провинции Савойя, мэр г. Турина, президент МАФ, президент Итальянской ассоциации аэронавтики и астронавтики (ИААА). Президент МАФ Карл Дёч отметил, что конгресс оторвался через два дня после 40-й годовщины запуска первого искусственного спутника Земли (ИСЗ). Он обратил внимание на присутствие в Турине и на конгрессе ряда пионеров космической программы СССР. Президент ИААА Эрнесто Валлерина осветил историю космонавтики с момен-

та запуска первого ИСЗ. Он отметил, что за истекшие 40 лет осуществлено 4200 успешных запусков и что на орбите сейчас более 5000 спутников, из них тысячи спутников — на геостационарной орбите (ГСО), что создает проблему ее перенасыщения. В ходе конгресса президент Итальянского космического агентства профессор Серджо Де Джулио сообщил, что с 1998 по 2001 год на космические дела в Италии выделено 6500 млрд. лир, что почти соответствует уровню ассигнований на космос в России.

В дни работы конгресса была открыта грандиозная космическая выставка, на которой разместилось 90 стендов, представлявших достижения около 200 компаний. Здесь экспонировали свои достижения крупнейшие космические агентства: НАСА, ЕКА, ИКА, НАСРА, РКА, а также ведущие аэрокосмические компании мира, в том числе Государственный космический центр им. М.В. Хруничева, ракетно-космическая корпорация “Энергия”, ЦНИИ машиностроения (все — из России). В середине зала возвышался грандиозный макет будущей международной космической станции. Трогательное впечатление производили оригинальные образцы космической одежды первых космонавтов и тексты поздравительных телеграмм руководителей СССР. Выставку посетили 65 тыс. человек, в том числе 3,5 тыс. местных школьников.

Президент ведущей компании в мире по ракетам-носителям “Арианэспас” г-н Жан-Мари Лютон сообщил на пресс-конференции во время конгресса некоторые интересные данные о деятельности возглавляемой им компании. Так, за 17 лет “Арианэспас” заключила 1450 контрактов по запуску объектов в космос, охватив тем самым 60% международного рынка по предоставлению услуг ракет-носителей, 80 % приобретенного рынка составлял запуск спутников связи. Г-н Лютон отметил, что главным конкурентом “Арианэспас” на международном рынке является российская ракета-носитель “Протон”. Вместе с тем “Арианэспас” начала сотрудничество с Россией по использованию ракет “Союз” и “Циклон” в качестве средств запуска более легких спутников.

Состоявшийся в рамках конгресса 40-й коллоквиум¹ международного космического права был посвящен юбилейной для мировой юридической общественности дате — 30-летию Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела² (далее — Договор по космосу). На четырех сессиях коллоквиума были заслушаны доклады по темам: история Договора по космосу; концепция космического права и Договор по космосу; применение и имплементация Договора по космосу и Договор по космосу в перспективе.

Всего было представлено 58 докладов. В числе участников коллоквиума были юристы, непосредственно принимавшие участие в

разработке Договора по космосу и его обсуждении в качестве делегатов отдельных стран в ООН.

Фактически 30-летие Договора по космосу торжественно было отмечено еще до начала работы коллоквиума. Это состоялось 1 апреля 1997 г. на симпозиуме, организованном Международным институтом космического права совместно с Европейским центром космического права и приуроченном к 36-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. С основным докладом на симпозиуме выступил специально приглашенный для этого профессор Ю.М. Колосов, который в качестве члена советской делегации принимал активное участие в разработке этого основополагающего документа. В докладе были освещены история заключения Договора по космосу и его дальнейшее развитие в серии последующих соглашений. В докладе были упомянуты юристы различных стран, которые своими исследованиями проложили путь успешной деятельности политиков и дипломатов в этой сфере.

На симпозиуме выступили также доктор Р. Якху (Международный космический университет), доктор Ф. Данк (Международный институт воздушного и космического права Лейденского университета), профессор В. Копал (Пражский университет), доктор Г. Лаферандери (Европейское космическое агентство), Н. Ясентулиана (заместитель Генерального секретаря ООН в Вене)³ и другие. Г. Лаферандери презентовал участникам симпозиума фундаментальную книгу "Перспектива космического права в течение последующих 30 лет"⁴, которая была специально подготовлена к юбилейной дате Договора по космосу.

Следует отметить, что материалы коллоквиума и конгресса в Турине будут опубликованы со всеми докладами, заслушанными на четырех сессиях.

Многие из представленных докладов заслуживают особого внимания. Доклад известного американского юриста С. Дойля, принимавшего участие в работе Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу в 60-х годах, был тем не менее посвящен концепциям космического права, существовавшего до запуска спутника. В числе первых авторов довоенного периода упоминаются Э. Лауде (1910 г.), В.А. Заразар (1926 г.), В. Мандл (1932 г.), Е.А. Коровин (1934 г.). С. Дойль отмечает, что многие концепции, содержащиеся в декларациях и договорах, одобренных после 1958 года Генеральной Ассамблеей ООН, были задолго до этого сформулированы в трудах ряда юристов⁵.

В годы противостояния двух сверхдержав — СССР и США — заключить любой договор по космосу можно было лишь при условии достижения согласия между ними. В этом плане заслуживают особого внимания два доклада: уже упоминавшийся доклад профессора

Ю.М. Колосова “СССР и Договор по космосу 1967 г.” и доклад экс-консуланта по космосу сената США Эйлен Галлоуэй “Соединенные Штаты и Договор по космосу 1967 г.”⁶ Э. Галлоуэй отметила влияние принятого США в 1958 году Национального закона об авиации и исследовании космического пространства на формулировки Договора по космосу 1967 года. В ее докладе освещается слушание Договора по космосу в комитете по внешним сношениям сената на предмет согласия на его ратификацию.

Ход согласования текста Договора по космосу детально изложен в докладе П. Демблинга, члена делегации США в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу в 60-е годы⁷.

Профессор А. Кокка в течение десятилетий представлял Аргентину на ежегодных сессиях Юридического подкомитета. В представленных им двух докладах он исходит из того, что содержащаяся в Уставе ООН концепция солидарности и гуманизма получила подтверждение и развитие в Договоре по космосу. А. Кокка обосновывает необходимость четкой интерпретации и имплементации ряда содержащихся в Договоре по космосу принципов и прежде всего раскрытия таких формулировок, как “общая заинтересованность всего человечества”, “на благо и в интересах всех стран”, “достояние всего человечества”. А. Кокка полагает, что все эти выражения нашли свое воплощение в концепции “общего наследия человечества” соглашения о Луне. Заместитель Генерального секретаря ООН Н. Ясентулиана подчеркнул в своем выступлении активную роль развивающихся стран в процессе прогрессивного развития космического права. Н. Ясентулиана призвал юристов активно готовиться к участию в Третьей Конференции ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС-III), которая состоится в Вене летом 1999 года.

Поскольку в 80-х годах развитие международного космического права в рамках ООН идет по пути принятия резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, большой интерес был проявлен к докладу А.Д. Терехова⁸. Глубоко и компетентно проанализировав принятые Генеральной Ассамблеей ООН резолюции по космосу, А.Д. Терехов отмечает, что многие из них содержат обязательные положения в силу того, что отражают уже существующие договорные или обычные нормы международного права. Сами по себе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по космосу носят рекомендательный характер, но вместе с тем содействуют процессу формирования обычных норм международного права. В докладе отмечается, что в целом Генеральная Ассамблея ООН играет важную роль в прогрессивном развитии международного космического права. Что касается лично А.Д. Терехова, то его можно поздравить с избранием в 1997 году действительным членом Международной академии астрономии.

Многие участники коллоквиума в своих докладах высказывали суждения относительно перспектив развития международного космического права в XXI веке.

Сошлемся в качестве примера на доклад директора Договорно-правового управления МИД КНР Ки Хо, посвященный этому вопросу⁹. Отмечая значение Договора по космосу в установлении международного правопорядка в космосе, китайский юрист сформулировал ряд правовых проблем, связанных с космической деятельностью, которые придется решать в XXI веке. Это проблемы космического права, связанные с окружающей средой Земли и космоса, проблемы правового статуса Марса, других небесных тел и астероидов, а также пилотируемых полетов на небесные тела. По мнению Ки Хо, наряду с договорным путем развития международного космического права, как и в прошлом, сохраняют свое значение обычные нормы международного права, складывающиеся в ходе практики космической деятельности государств.

В космической деятельности велика роль межгосударственных космических организаций. Большая часть этих организаций создана по типу консорциумов, владеющих собственным космическим сегментом и осуществляющих коммерческие финансовые операции. В этом плане особый интерес представлял доклад директора юридического управления Европейского космического агентства Г. Лафрандери "Договор по космосу и международные организации, осуществляющие космическую деятельность".

Во время конгресса состоялось одно интересное мероприятие, организованное Международной академией астронавтики. Речь идет о заседании "круглого стола" с участием юристов и представителей точных наук. Обсуждался вопрос о внеземных цивилизациях и обществе. Американский юрист С. Дойль в своем выступлении отметил, что новые открытия в этой сфере окажут огромное влияние на все организации, связанные с политической деятельностью. В новой ситуации человечество будет представлено Генеральной Ассамблеей ООН. Швейцарский ученый М. Мишо остановился на политических аспектах возможных контактов с внеземными цивилизациями и обратил внимание на необходимость принятия документа, содержащего принципы, которыми следует руководствоваться в подобных контактах. Английский юрист Е. Лайэл обратил внимание на обязанность МСЭ и других организаций обеспечить защиту радио Астрономической службы от радиопомех со стороны других служб: Луна — прекрасное место для радиоастрономии в силу отсутствия радиопомех. Чешский ученый профессор Л. Перек настаивал на необходимости разработки международной Декларации о контактах с внеземными цивилизациями (СЕТИ) — (сокращение от англ. *Search ExtraTerristrial Intelligence* — внеземные цивилизации). Такой

документ должен иметь юридическую силу международного соглашения. Профессором Л. Переком был поставлен вопрос об изучении возможности и целесообразности включения в повестку работы Комитета ООН по космосу и его Юридического подкомитета пункта о разработке Декларации о контактах с СЕТИ.

Во время конгресса Международным институтом космического права были проведены два мероприятия. В загородном ресторане Турина состоялся ужин, на котором профессор Лондонского университета Бин Ченг выступил с докладом, посвященном актуальным проблемам международного космического права. В частности, он вновь подтвердил ранее высказанное мнение о том, что понятие "мирного использования космического пространства предполагает запрет его военного использования". Такая позиция английского юриста созвучна мнению большинства российских специалистов по космическому праву. К сказанному следует добавить, что Бин Ченг опубликовал в 1997 году фундаментальное исследование по международному космическому праву¹¹.

Другое мероприятие — это 6-е имитационное судебное состязание по космическому праву, инициатором проведения которого был М. Ляхс. Предварительные состязания на региональном уровне были проведены университетами США, Западной Европы и Азии соответственно в Вашингтоне, Париже и Куала-Лумпуре. В Туринском университете состоялось 6-е имитационное судебное состязание между вышедшими в финал студентами университетов Северной Каролины и Парижа. По решению трех судей Международного Суда ООН (Верещетина, Корона и Резека) победителями финальных состязаний оказались студенты Парижского университета. В 1998 году финальные состязания состоятся во время коллоквиума в Мельбурне и будут посвящены правовому казусу, связанному с коммерческой эксплуатацией Луны. Повестка дня самого коллоквиума по космическому праву в 1998 году включает следующие темы:

1. Конституционные подходы к использованию космических ресурсов.
2. Политико-правовые аспекты создания мер доверия с помощью космических средств.
3. Правовые аспекты навигационных спутников и глобальных систем ориентации.
4. Другие правовые проблемы, включая 30-ю годовщину Соглашения о спасании космонавтов 1968 года.

На международном конгрессе весьма значительным был также удельный вес заседаний, посвященных спутниковой связи.

Отмечалось, что после автомобильной промышленности индустрия телесвязи в сфере услуг и инвестиций вышла на первое место с многообещающими перспективами на будущее, с учетом планируе-

мых на следующее пятилетие инвестиций в сотни миллиардов долларов, не считая инвестиций в Юго-Восточной Азии объемом более 200 млрд. долларов. Обращалось внимание на необходимость внимательного отслеживания стремительных темпов технического прогресса в сфере спутниковой связи, с тем чтобы избежать дорогостоящих ошибок. В этом отношении интерес могут представлять доклады, проспекты и рекламные материалы, широко распространявшиеся в ходе конгресса. Здесь можно было встретить рекламный буклет американской компании "Хьюз Спейс энд Телекоммьюникейшн" — поставщика 40% действующих на сегодняшний день коммерческих спутников связи. Это первая в мире компания в данной сфере. Второй считается "Локхид Мартин Телекоммьюникейшн" (США), третьей — "Спейс Системз/Лорал" (США), четвертой — "Аэроспасьяль" (Франция), пятой — "Матра Маркони Спейс оф Велизи" (Франция). Гостям вручили досье ведущего европейского поставщика спутников связи — французской компании "Аэроспасьяль". Он поставляет свои спутники международной организации Евтелсат. Ее спутники охватывают зону Европы до Урала. В 1995 году был запущен для Евтелсат мощный спутник НТВ.

На конгрессе было объявлено о реализации в 1998 году программы Всемирного спутникового радиовещания на Африку, Средиземноморье и часть Европы, на Азию, Латинскую Америку, Карибский регион и Ближний Восток с помощью трех спутников на ГСО. Вещательные компании США и ряда других стран заключили соглашения относительно использования ими новой службы Всемирного спутникового радиовещания.

В рамках конгресса состоялось 5 сессий симпозиума по спутниковой связи, на которых были представлены 47 докладов. Первая сессия была посвящена ключевым политическим вопросам спутниковой связи, вторая — передовым системам и технологиям спутниковой связи, третья — мобильным и персональным средствам связи, четвертая — не-ГСО системам, пятая — фиксированным и вещательным службам.

В последний день конгресса было проведено специальное пленарное заседание, посвященное частотному перенасыщению космической связи.

Организаторами заседания были президент американской консалтинговой компании В. Притчард, президент компании "Спейс Системз/Лорал" (США) Р. Берри, вице-президент Интелсат К. Бурджио, заместитель Генерального секретаря Международного союза электросвязи (МСЭ) Г. Чэзиа, секретарь "Алениа Спацио" (Италия) К. Мастрачи, президент американской компании "Компасс Роз Интернэшнл" В. Розман.

В выступлениях отмечалось, что бурное развитие мобильной и вещательной служб ведет к значительному росту спроса на спектр частот, что, в свою очередь, связано с проблемой радиопомех.

В ходе обсуждения затрагивались три вопроса:

1. Каково отношение общества к сформулированной проблеме?
2. Какова позиция операторов спутниковой связи?
3. Какова позиция в этом вопросе МСЭ?

Представитель Интелсат высказался относительно необходимости урегулирования использования частот спутниковыми системами связи и доспутниковыми системами связи. При распределении спектра частот МСЭ должен, по его мнению, учитывать потребности коммерческих систем спутниковой связи. Отмечалось, что удельный вес частот, выделяемых системам спутниковой связи, не соответствует их роли и значению. Обращалось внимание на конфликтную ситуацию в этом вопросе между частными спутниковыми службами и правительственными службами связи. На заседании отмечалась консервативная позиция правительств в вопросе участия частного бизнеса на рынке распределения частот с целью удовлетворения потребностей фиксированных и мобильных служб на LEO, MEO, GSO. Ряд выступавших говорили о желательности наделения МСЭ специальными полномочиями по борьбе с нарушениями Регламента Радиосвязи и координации геостационарных систем связи с не-ГСО системами. Указывалось на необходимость учета каждой неиспользуемой частоты, сокращения срока предоставления частот до 2 лет. Представитель МСЭ отметил нереальность постановки вопроса о наделении МСЭ особыми полномочиями, вплоть до карательных. Эти вопросы должны, по его мнению, обсуждаться и решаться внутри МСЭ путем достижения согласия между членами организации.

Ряд докладов, посвященных спутниковой связи, был представлен на коллоквиуме, посвященном космическому праву. В докладе японского участника выдвигалась идея распространения на международной арене практикуемого Австралией на внутреннем рынке аукционного метода выделения частот коммерческим компаниям спутниковой связи. В докладе, представленном английским участником, акцентировалось внимание на необходимости строгого соблюдения отдельными странами положений Регламента радиосвязи по распределению радиочастот на ГСО.

Следует отметить, что в ходе конгресса не только устанавливались деловые контакты, но и заключались коммерческие контракты. Так, в день открытия конгресса между ЕКА и "Телеком Италия" было заключено соглашение об установке итальянской компанией системы связи по стандарту Евро ISDN между пятью центрами ЕКА, расположенными во Франции, Голландии, Италии, Германии и Испании.

Конец нынешнего столетия ознаменуется еще тремя Международными astronautическими конгрессами (1998 г. — Австралия, 1999 г. — Голландия, 2000 г. — Бразилия), а также Третьей конференцией ООН по космосу.

Профессор Г.П. Жуков,
наш спец. корр.

Подробнее об авторе см. в № 2 за 1993 г.

г. Турин, Италия.

¹ Коллоквиумы созываются ежегодно с 1958 г. Первоначально они организовывались созданным в 1958 г. Постоянным комитетом космического права, а с 1960 г. — основанным Международной astronautической федерацией Международным институтом космического права. Материалы коллоквиумов публикуются на английском языке Американским институтом аэронавтики и astronautики.

² Договор был подписан 27 апреля 1957 г. и вступил в силу 10 октября 1967 г. — *Ведомости Верховного Совета СССР*. — 1967. — № 44. — Ст. 588.

³ *Office for Outer Space Affairs Proceedings of the 1997 IISL/ECSL Symposium Celebrating the 30th Anniversary of the Outer Space Treaty. On the Occasion of the 36th Session of the Legal Subcommittee of the United Nations Committee on the Peaceful Uses of Outer Space*. — Vienna, Austria. — 1 Apr., 1997.

⁴ *Outlook on Space Law over the next 30 Years*. Essays published for the 30th Anniversary of the Outer Space Treaty. Editor-in-Chief; Gabriel Lafferranderie. Kluwer Law International. — 1997. — P. 496.

⁵ *St. Doyle*. Concepts of Space Law before Sputnik.

⁶ *Y. Kolossov*. The USSR and the 1967 Treaty, on Outer space. E. Galloway. The United States and the 1967 Treaty on Outer Space.

⁷ *P. Dembling*. Negotiating issues in forming the 1967 Treaty on Outer Space.

⁸ *A.D. Terekhov*. UN General Assembly Resolutions and Outer Space Law.

⁹ *Qizhi He*. The Outer Space Treaty in perspective.

¹⁰ *G. Lafferranderie*. The Outer Space and the International Organizations Conducting Space Activities.

¹¹ *Bin Cheng*. Studies in International Space Law. Oxford University Press. — 1997. — P. 800.

Статья поступила в редакцию в октябре 1997 г.

ЛУЧШЕ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ И БОГАТЫМ

Эта тривиальная истина звучала весьма многозначительно на международной конференции “Студенчество без наркотиков”, которую провела Российская ассоциация содействия ООН в стенах столичного высшего учебного заведения — МГИМО-У. Участвовали в ней не только светила известных лечебных заведений, специализирующихся на проблемах наркомании. Были здесь и представители МВД, ФСБ, Таможенного комитета и тех структур, которые борются против распространения наркотиков у нас в стране. Была представлена на конференции и Русская Православная Церковь, серьезно озабоченная поверхностным отношением наших граждан к этой проблеме и ведущая не один год разъяснительную работу среди населения. Прибыли специально в Москву и опытные врачи-наркологи из Европы, представившие в выступлениях удручающие цифры наступления наркомании в европейских странах и поделившиеся методиками подхода к этой тяжелой болезни. Но главное, на конференцию съехались студенты из 20 столичных вузов. Они-то в основном и заполнили конференц-зал, обсуждали затем с прошедшими лечение наркоманами все беды и несчастья этого недуга. Конференция имела практическую цель: познакомить молодежь с фактами проникновения в молодую среду ядовитой отравы.

А факты были устрашающими. За шесть месяцев 1996 года, к примеру, среди больных опийными наркоманиями, находившимися на стационарном лечении в НИИ наркологии, героиновые наркомании — самые трудноизлечимые, если вообще излечимые — составляли 28,4%, а за тот же период 1997 года — уже 74,4%. В 6—8 раз за последние четыре года возросла численность наркоманов в студенческой среде. Причем в высших учебных заведениях в Москве, в частности в МГУ, наркотики распространяются практически открыто, вовлекая все большее число молодых людей и подрывая здоровье будущей квалифицированной элиты государства. Ведь средняя продолжительность жизни наркомана — всего 4—4,5 года. По последним данным, возраст употребляющих наркотики заметно омолодился. Теперь он колеблется от 13 до 25 лет. Так, в Санкт-Петербурге каждый пятый школьник уже пробовал наркотики, а в старших классах до трети учеников их употребляют. В результате под угрозой оказывается фактически треть молодого поколения страны.

Столичные города — Москва и Санкт-Петербург — занимают лидирующие позиции в механизмах по распространению наркотических средств, хотя факты этих методик зафиксированы сегодня во всех 89 субъектах Российской Федерации. Ежемесячный оборот от наркотиков составляет, к примеру, в Москве и Санкт-Петербурге

почти 90 млн. долл. А в целом по стране за 1996 год — до 1,5 млрд. долл. Причем в 1997 году по употреблению и обороту наркотиков Санкт-Петербург вышел на первое место. Рост преступлений также тесно связан с наркотическими и сильнодействующими средствами. В Московской области, в частности, за пять лет количество наркопреступлений возросло в 12 раз (!).

Особенности Москвы и Подмосковья заключаются в том, что именно здесь распространяется основная часть дорогих и сильнодействующих наркотиков — героина, кокаина, эфедрона. И затрагивают они не только криминальную среду. Теперь их “сети” разбрасываются шире, охватывая значительную социальную сферу: участились случаи их употребления бизнесменами, артистической элитой, представителями шоу-бизнеса. Среди известных артистов, говорилось на конференции, практически каждый второй принимал или принимает сильнодействующие наркотики. Вошел в моду кокаин, который нередко называется “наркотиком для интеллектуалов”. Ярлык этот крепится не случайно: чтобы снять защитную реакцию у потенциального клиента.

За последние три года популярность среди молодежи приобрел наркотик последнего десятилетия — МДМА, который в просторечии называют “экстази”. Особо широко он распространяется в Москве и Санкт-Петербурге на молодежных дискотеках и в институтах. Без особых сложностей его можно приобрести практически в 90% дискотек. А вот в Великобритании за его распространение грозит пожизненное заключение. И не случайно. Пробавляясь “модной штучкой”, которая является сильным стимулятором со слабым галлюциногенным действием и действует на организм в течение 6—8 часов, мало кто из молодежи знает, что этот самый МДМА еще в 1971 году был признан особо опасным психотропным препаратом и внесен в список № 1 Конвенции о психотропных веществах. В США он запрещен с 1985 года. Все страны, борющиеся против наркомании, в том числе и европейские, относят этот наркотик к категории “А” наряду с героином и крэгом. Кстати, основным каналом поступлений “экстази” в Россию являются Нидерланды, Польша и Германия, где мощно функционирует его полулегальное производство, а его маркетинговая программа ориентирована на Россию. Поэтому-то его нередко представляют неотъемлемой частью “рейв-культуры”, столь активно осваиваемой российской молодежью.

Цифры статистики неумолимы. С ростом наркомании в России идет и рост заболеваний СПИДом, вирусным гепатитом, другими серьезными заболеваниями. Только в 1996 году число ВИЧ-инфицированных возросло в 8(!) раз. Основной источник этих смертельных заболеваний — употребление наркотиков. Увеличились случаи “семейной наркомании”, когда один член семьи вовлекает в процесс

домочадцев. В Москве уже немало таких семей, есть они и в других крупных городах. Таких пар насчитывается сегодня несколько десятков тысяч. Известны также случаи, когда родители вовлекают в наркоманию и малолетних детей. А Вооруженные Силы, набирающие молодежь в армию, свидетельствуют, что в последние 2—3 года каждый 12-й призывник пробовал наркотики и каждый 13-й употреблял их достаточно регулярно. Все эти “упражнения” с собственным здоровьем ведут к летальному исходу. За последние 10 лет смертность от употребления наркотиков увеличилась в 12 раз, а среди детей — в 42(!) раза.

До 1980 года тогда еще Советский Союз стоял несколько в стороне от распространения наркотических средств, объемы их поставок были незначительными, в основном из бывших республик Средней Азии, да и употребление их было ориентировано в основном на криминальную среду. Теперь Россия чуть ли не главный перекресток для наркодельцов. Привлекает их неосвоенный и большой рынок. Поставки идут из стран как ближнего, так и дальнего зарубежья при содействии преступных элементов из Таджикистана, Казахстана, Грузии, Азербайджана, а также при участии иностранцев, в частности афганской, китайской и вьетнамской группировок и даже так называемых “пушеров” (толкачей наркотиков) — нигерийцев. Последние, в основном студенты, везут в качестве наркокурьеров наркотики в Россию из стран Западной Европы.

Бывают случаи привлечения и наших российских “челноков”. Короче, у нас в стране полным ходом идет процесс формирования наркомафии — многопрофильной структуры, включающей организацию производства, переработку, транспортировку и распространение наркотических средств в общенациональных масштабах. В одной Москве в мафиозную “пирамиду” классического типа входит несколько тысяч человек, занимающихся розничной торговлей. Вторую часть “пирамиды” составляют средние оптовики и перевозчики с “боевыми группами” для охраны товара. Третья ее часть — это люди, которые не участвуют в распространении наркотиков, но планируют операции и отмывают полученные деньги. В Москве и Подмосковье, в частности, азербайджанцы контролируют всю торговлю героином и метадонем, а также значительную часть рынка марихуаны. Известно также, что основным партнером российской оргпреступности в наркобизнесе является крупнейший колумбийский картель “Кали”, специализирующийся на поставках кокаина в Россию. Цена на кокаин в России снизилась минимум в 2 раза, но его потребление значительно возросло, что приносит немалые доходы наркодельцам.

Статистику, приводимую на конференции, можно продолжать. Тем более, что пути борьбы с наркоманией намечаются и будут ре-

ализовываться. Однако приведенные цифры говорят сами за себя. И вывод для себя каждый может сделать сам.

С. Уразова

Статья поступила в редакцию в марте 1998 г.

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ФЕДЕРАЛИЗМУ

16—17 декабря 1997 г. в Москве состоялась Вторая Международная конференция по федерализму. Конференция была организована Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством по делам национальностей и федеративным отношениям Российской Федерации совместно с Советом Европы.

Первая Международная конференция, посвященная проблемам федерализма, реализации принципов демократии, правового государства и прав человека в федеративном устройстве Российской Федерации, была проведена в рамках реализации Совместной программы деятельности Совета Европы и Российской Федерации в феврале 1994 года. На ней были рассмотрены вопросы соотношения Конституции Российской Федерации (после принятия которой прошло совсем немного времени) и соглашений между Федерацией и ее субъектами, а также соглашений между субъектами Федерации. В центре внимания участников находились также проблемы статуса субъектов Федерации и их участия в деятельности федеральных органов, соотношения федеративного государства и права на самоопределение, распределения компетенции и иерархии правовых норм в федеративном государстве, обеспечения конституционного контроля за деятельностью субъектов Федерации в области нормотворчества и правоприменения. Отдельно были рассмотрены вопросы обеспечения защиты прав человека, а также формирования бюджета и налогов в федеративном государстве, распределения компетенции между Федерацией и ее субъектами в области международных и внешнеэкономических связей.

Проведение Первой конференции совпало с подписанием Договора между Российской Федерацией и Республикой Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан. Этот договор положил начало подписанию серии договоров о раз-

граничении компетенции органов государственной власти Центра и субъектов Федерации. Первой конференцией были поставлены вопросы о необходимости прояснения конституционных и договорных элементов основ Федерации (в результате весьма значительных расхождений в подходах к регулированию данной сферы Федеративным договором и Конституцией Российской Федерации), скорейшего перевода в практическую плоскость предложения о разделении компетенции между Федерацией и ее субъектами. Определенное влияние приобрел тезис о том, что подписание договоров о разграничении предметов ведения и полномочий является практически единственной возможностью снятия формальных противоречий между конституциями республик и федеральной Конституцией. Помимо прочего участники конференции сошлись во взглядах на необходимость эффективного функционирования в государстве независимой судебной системы, которая, будучи незаменимым элементом правового государства, выступала бы в качестве инструмента сбалансирования конфликтующих интересов в федеративном государстве.

Прошло почти четыре года. Российские федеративные отношения претерпели достаточно значительную эволюцию в своем развитии, например, с момента проведения предыдущей конференции было подписано около 40 договоров о разграничении компетенции между Центром и субъектами Федерации.

В работе Второй конференции по федерализму приняли участие представители министерств и ведомств, Администрации Президента Российской Федерации, Аппарата Правительства Российской Федерации, большинства субъектов Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, судьи и сотрудники Конституционного Суда, представители научных и академических кругов. На достаточно высоком уровне был представлен Совет Европы (организатор — Политический департамент СЕ); кроме того, в работе конференции приняли участие приглашенные иностранные эксперты, сотрудники иностранных дипломатических миссий в Москве и международных неправительственных организаций и учреждений.

Конференцию открыл заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Р.Г. Абдулатипов. Говоря о важности проводимой конференции, он подчеркнул, что одна из основных целей сегодня заключается в обеспечении субъектами Российской Федерации подлинной самостоятельности в решении вопросов, отнесенных к их ведению. Одно из требований сегодняшнего дня — обеспечить надлежащее функционирование механизмов взаимодействия региональных и центральных органов власти. От того, насколько эффективно будут решаться эти вопросы в Российской Федерации,

во многом зависят стабильность и безопасность как самой России, так и других государств мира.

Первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванов в своем обращении к участникам совещания сказал, что вступление Российской Федерации в Совет Европы вносит значительные перемены в политическую жизнь нашей страны, укрепляет ее авторитет на международной арене. Он отметил, что в настоящее время особое внимание следует уделять институту государственности как важнейшему критерию демократии.

Далее взял слово первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.Н. Лихачев. Он сказал, что за четыре года сотрудничества, которые прошли со времени проведения конференции в 1994 году, Россия приобрела значительный опыт в решении вопросов урегулирования взаимоотношений между центральными и местными органами. При этом каждый субъект Российской Федерации имеет свой собственный опыт автономного развития, в результате чего центральной власти вполне закономерно приходится идти на компромисс с регионами, чтобы "не уничтожить" накопленный опыт и, следовательно, обеспечивать возможность народам добиться подлинного самоопределения. Только в этом случае можно будет говорить о демократии и равноправии между субъектами России.

Для обсуждения на конференции были выделены следующие группы проблем:

1. Разграничение полномочий и процесс заключения договоров между федеральным Центром и субъектами Федерации.
2. Бюджетные аспекты федерализма.
3. Межрегиональная интеграция и организация исполнительной власти.
4. Роль судебной власти в развитии федерализма.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации, Председатель Комиссии при Президенте России по подготовке договоров о разграничении предметов ведения и полномочий Центра и субъектов Федерации С.М. Шахрай сказал, что причина незатихающего спора между республиками и областями о равноправии субъектов Российской Федерации заключается в противоречии национальной и территориальной моделей федеративного устройства государства. Асимметричная федерация — структура, доставшаяся России по наследству. Для решения связанных с этим проблем, несомненно, потребуются определенное время. В настоящее время никакого дифференцированного подхода Центра к регионам нет. Более того, договоры о разграничении полномочий используются как стимул для приведения регионального законодательства в соответствие с Конституцией России.

Директор Института сравнительных исследований в области государственных институтов и законодательства национального центра научных исследований, профессор Университета Париж-1 М. Лесаж отметил, что за прошедший с 1994 года период федерализм в России претерпел существенные изменения, однако по-прежнему продолжает динамично развиваться. К сожалению, позиция невмешательства федеральных властей приводила зачастую к тому, что субъекты Федерации принимали законы, оказывавшиеся в противоречии с новым федеральным законодательством. На практике не всегда ясно, какое законодательство в действительности применяется. Процесс принятия законодательства нуждается в дальнейшем совершенствовании. Например, регионы зачастую дублируют уже существующие правовые нормы на федеральном уровне и в то же время не соблюдают нормы, относящиеся к ним.

Касаясь непосредственно договорного процесса, М. Лесаж остановился на проблеме совместимости принципа равноправия субъектов Федерации в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти с принятием отдельных правил для каждого субъекта Федерации. Содействует ли заключение таких договоров и соглашений уменьшению реально существующего между субъектами Федерации неравенства?

Примечательным стало выступление губернатора Самарской области К.А. Титова, остановившегося на теме бюджетного федерализма. Он, в частности, отметил, что сложившаяся в течение многих лет в нашей стране система управления экономикой вступила в противоречие с реальными правами субъектов Российской Федерации, переходящих к рыночной экономике. Субъекты Федерации не могут в полной мере определить свои социальные программы. Зачастую они вынуждены скрывать какую-то долю налогов, чтобы использовать эти средства на собственные, прежде всего социальные, нужды. Путь этот антиконституционен и ведет к разрушению народного хозяйства как Федерации в целом, так и отдельных ее субъектов.

К.А. Титов подчеркнул, что в настоящее время остро стоит вопрос скорейшего принятия земельного кодекса, а решение вопроса о частной собственности на землю надо предоставить регионам: "Каждый регион должен определить самостоятельно, нужна ли ему частная собственность на землю или нет". Вполне закономерным, по мнению выступающего, было бы предоставление администрации регионов как можно больших прав и полномочий, в первую очередь в экономической сфере.

Директор Института федеративных исследований, профессор Ганноверского университета (Германия) Г.П. Шнайдер сказал, что отличительной чертой Российской Федерации является мощный регионализм — явление, гораздо реже встречающееся в других фе-

деративных государствах. По мнению немецкого профессора, федерализм является инструментом, методологией решения вопроса о разделении и децентрализации властей. Однако его нельзя рассматривать как панацею. Существуют различные способы применения федерализма. Непременным условием должно быть соблюдение договорных обязательств федеративного устройства.

В своем выступлении судья Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиев указал на то, что вопросы отношений между субъектами и Федерацией определенно входят в компетенцию Конституционного Суда. По его мнению, этот вопрос уже становится одним из приоритетов в деятельности Конституционного Суда. Федеративное законодательство опирается в значительной степени на коллизионное право. Несмотря на то что Конституция имеет приоритет, одного этого положения недостаточно для эффективного решения вопроса.

Применяемый способ разграничения компетенции центральных и региональных властей, несомненно, создает определенные правовые проблемы.

Например, своим постановлением от 4 апреля 1996 г. Конституционный Суд определил, что Конституция Российской Федерации не препятствует субъекту Федерации до издания соответствующего федерального закона применять свои нормы, однако после принятия соответствующего правового акта федерального уровня ему надлежит привести свои нормы в соответствие с новым законом. Часть 1 ст. 76 Конституции предусматривает издание по предметам ведения Российской Федерации федеральных законов, которые имеют прямое действие на всей ее территории. В то же время федеральные законы, издающиеся по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации, очевидно, не являются законами прямого действия (ч. 2, ст. 76).

Далее Г.А. Гаджиев остановился на вопросе: являются ли предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов и предмет исключительного ведения Федерации окончательными списками? При этом он высказался в пользу того, что отнесение гражданско-правовых вопросов к ведению Федерации не может препятствовать субъектам Федерации включать в свою нормотворческую базу отдельные гражданско-правовые положения (например, о земле).

Часть 4, ст. 66, Конституции подтверждает существование сферы совместного ведения и разделенной компетенции между субъектом Федерации и входящими в его состав автономными округами. Здесь также возможно использовать договорный путь.

В заключение Г.А. Гаджиев напомнил, что подписанием федеративного договора стремились определить лишь общие принципы функционирования Федерации. Конкретное нормативное наполне-

ние должно было вводиться субъектами самостоятельно. Принятие Конституции 1993 года существенным образом изменило эти первоначальные замыслы.

Заместитель министра юстиции Российской Федерации Л.Н. Завадская напомнила присутствующим о том, что действующая Конституция Российской Федерации предоставляет право законодательной инициативы примерно 800 субъектам. Министерством юстиции в соответствии с возложенными на него полномочиями проводится юридическая экспертиза принимаемых в Российской Федерации нормативных актов (на соответствие вновь принимаемых актов Конституции и уже действующим федеральным законам). По некоторым оценкам, начиная с 1995 года Минюстом обработано приблизительно 44 тыс. документов. При этом заключения Минюста носят рекомендательный характер. Л.Н. Завадская отметила, что зачастую уставы субъектов Федерации не соответствуют Конституции России. Многие субъекты вообще не представляют на экспертизу свои правовые акты (в их число входят Башкортостан, Бурятия, Ингушетия, Коми-Пермяцкий и Усть-Ордынский автономные округа, Ивановская, Тамбовская и Московская области). В среднем треть рассматриваемых актов не соответствует Конституции.

Профессор общественного законодательства Университета г. Трир (Германия) Г. Роббертс сказал, что Конституционный Суд играет важнейшую роль в решении возникающих споров между Центром и субъектами. Тем не менее положение ст. 3 федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", дающее возможность этому органу выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения, не должно толковаться в расширительном смысле. Конституционному Суду следует сосредоточиться на дальнейшем развитии и углублении принципов, применимых к рассмотрению договоров о разграничении полномочий в Конституционном Суде.

В заключительной части конференции слово взял заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Ю.А. Тихомиров. Он, в частности, предложил подумать о более активном вовлечении представителей Совета Европы и приглашенных экспертов в практическую работу по разработке правовых актов в сфере федеративных отношений. Недостаточно ограничиваться только проведением учебно-образовательных семинаров и конференций. Он также заметил, что углубленной проработки требуют и вопросы теории федерализма — явления достаточно противоречивого и многогранного. Интересным счел Ю.А. Тихомиров предложение о проведении международного конгресса федеративных государств. Федерализм должен помогать решать задачи, стоящие перед государствами.

Профессор М. Лесаж отметил важность проведенной дискуссии, которая позволяет высветить наиболее актуальные задачи. Решение всех вопросов в рамках одной конференции, разумеется, невозможно. Кроме того, добавил М. Лесаж, Россия является страной, где юридический контроль за функционированием власти еще недостаточно укрепился. Работу в данном направлении необходимо продолжать. Несмотря на то что со времени нашей предыдущей конференции мы значительно продвинулись вперед, предстоит еще многое сделать, и в этом смысле следует больше работать с регионами, так как именно там необходимо добиваться наилучших результатов.

Советник Политического департамента Совета Европы И. Фогль с удовлетворением отметил, что федерализм в России является предметом открытой дискуссии. При этом нельзя не констатировать наличия весьма противоречивых подходов к решению данного вопроса. Он выразил надежду, что проведенная конференция будет способствовать дальнейшему углублению конструктивного диалога в этой области.

В своем заключительном слове Р.Г. Абдулатипов сказал, что, по его мнению, не нужно искать каких-либо готовых форм или формул. Федерализм в конечном счете является демократической формой обеспечения прав меньшинств. Поэтому закономерно существование наряду с территориальным принципом строительства Федерации принципа этнического. Политизирование данной проблемы не может способствовать ее эффективному решению.

С.Ю. Кузьменков,
третий секретарь Правового департамента МИД РФ;
М.В. Котельников,
референт Правового департамента МИД РФ

Статья поступила в редакцию в декабре 1997 г.

Космическое право

КАК ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ НА ЗНАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ("Опыт" американца из Калифорнии)

Сначала норма. В Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, открытом для подписания 27 января 1967 г. и вступившем в силу 10 сентября того же года (Россия в нем участвует), есть статья 2, в которой говорится: "Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами". Четкое, ясное положение. Договор заключен государствами, подписан их официальными представителями, и термин "национальное присвоение" трактуется вполне справедливо любым юристом-международником как относящийся к международному публичному праву, то есть к государствам. Значит, ни одно государство не имеет права провозглашать себя собственником ни на Луне, ни где-либо еще в космосе на любые "территории" за пределами Земли.

А частные лица? Безразлично — юридические или физические? Вот тут-то и начинается наша история. Оказывается, в международном праве, в огромном количестве конвенций, договоров, соглашений, пактов и других подобных документов, объединенных в единой отрасли — космическое право, нет нормы, которая бы запрещала "частное присвоение" каких-то участков поверхности на небесных телах или этих тел целиком. Так решил и такой ситуацией воспользовался житель американской Калифорнии, некий Дэннис Хоуп, 49-летний предприниматель, "лысый, с бычьей шеей, брызжущий здоровьем", как его описывает И. Вартанов в "Неделе". И сей американец тем самым открыл новую страницу в международном частном праве.

Как известно, все гениальное просто. Делец, которому попалась на глаза вышеприведенная норма международного публичного права, объявил себя в начале 1997 года собственником Солнечной системы, всех планет и их спутников, включая, естественно, и спутницу

Земли — Луну. Застолбил, как это делали в старину золотоискатели на Клондайке. Не в прямом, а в переносном смысле, так как никаких столбиков на этой “собственности” пока не поставишь. Но такое положение вещей нисколько не смущает “первооткрывателя”.

Правда, прежде чем объявить о своем решении, он направил послания с извещением о намерении приватизировать “бесхозные небесные тела” в адрес ООН, Белого дома в Вашингтоне и Кремля в Москве. Но нигде эту бредовую идею никто всерьез не воспринял. Ответов он не получил. Россия и США как страны, наиболее продвинутые в освоении космоса, заняты, как оказалось, куда более важными программами в освоении внеземного пространства. А в ООН существует практика не отвечать на письма психически неполноценных, с точки зрения любого нормального читателя, людей.

Однако молчание адресатов нисколько не смутило отчаянного экспериментатора. То, что во многих других странах было бы расценено как авантюра, афера, мошенничество или даже как преступление, в Соединенных Штатах сошло за обычную частную инициативу. Мистер Хоуп открыл собственную контору под романтическим названием “Moon Embassy” (“Лунное посольство”), и ему это разрешили. Он начал продавать участки своей “собственности”, и ему тоже никто не стал препятствовать. Ведь в его досье лежали копии писем в высокие инстанции, которые хотя и остались без ответа, но доказывали его честность. Как когда-то Архимед, он мог сказать: “Эврика! Я нашел!” Действительно, во всех юридических системах работает принцип: что не запрещено, то разрешено. На нем он и построил всю свою схему купли-продажи.

Нахально объявив о том, что он продает участки на Луне, “владелец” космической “собственности” стал получать доход, который ежемесячно измеряется пятизначной цифрой в реальных долларах. Покупателей нашлось неожиданно много. Их привлекали и низкие цены, и умело построенная реклама, и красочные сертификаты на “владение собственностью”, которые выписывались в космической конторе. Вот, к примеру, образчик рекламы: “Самые низкие цены, которые когда-либо существовали на недвижимость во Вселенной”. Цены по сравнению с земными воистину смехотворные: 1,8 акра, или 70 соток (т.е. почти двенадцать шестисотых участков, говоря по-русски), лунной поверхности можно приобрести за 15 долларов 99 центов (в переводе на российские цены начала января 1998 г. это составляет чуть меньше 100 новых рублей). А что такое 16 долларов для американца, если минимальная по закону заработная плата в час составляет 12 долларов?

Дела вскоре пошли настолько успешно, что в офисе “Moon Embassy” появилось три клерка, которые работают полный рабочий день. Многие заказчики на куски лунной поверхности — нормаль-

ные, здоровые люди, однако они с улыбкой приобретают по дешевке красивый сертификат. Он напоминает те игры, в которые зачастую играют взрослые, покупая сертификаты на борт авиалайнеров за пересечение экватора или после купания в каких-то далеких от родных мест морях и океанах. Такие экзотические “документы” украшают гостинные или даже опочивальни в домах многих состоятельных семей на Западе. Сертификат на владение участком на Луне — игрушка для взрослых в том же ряду.

— Чудаки вы, а не я, — усмехаясь, говорит скептикам “продавец Луны”. — Впервые услышав о моем бизнесе, почти каждый говорит: этого не может быть! Но если я уже продал около десяти тысяч участков, значит, это может быть, не так ли?

За несколько месяцев успешная торговля принесла Д. Хоупу доход в 150 тыс. долларов. “Луновладелец” исправно платит налоги в американскую казну. Однако бизнес постепенно расширяется: хозяину уже мало газетной, журнальной и телевизионной рекламы в США. Он ввел данные своего “дела” в Интернет — и тут началось! Заказы посыпались из-за рубежа. Компания быстро стала приобретать международную известность. Компьютерная сеть Интернет привлекла заказчиков из 12 стран, в том числе Германии, Польши, Греции, Новой Зеландии, Гонконга, Таиланда. В первые полмесяца рекламы из Швеции, например, поступило более 4 тыс. заказов.

Наблюдается достаточно интересная тенденция: вместе с заявкой на участок и деньгами авторы заявлений присылают предложения по его обустройству, просят сделать карту или схему его расположения, разрабатывают проекты окультуривания и развития окружающей местности, будто речь идет об устройстве инфраструктуры где-то во вновь осваиваемом районе Земли. Имеются планы развития общественного транспорта, в том числе строительства метро. Некоторые чудаки предлагают создать там правительство и рассмотреть их кандидатуры на включение в его состав в качестве министров.

Как правило, покупатели — грамотные и образованные люди, с дипломами о высшем образовании. Они прекрасно знают, что на Луне имеется светлая сторона и теневая сторона, невидимая с Земли. Имеются заказы на приобретение участков именно на той, темной стороне.

Среди клиентов “хозяина Луны” попадают и юридические лица. Калифорнийская фирма “Dry Vac Environmental” заплатила 42 500 долларов за небольшой “штат на Луне”, который она обозвала “Moonifornia” (“Лунафорния” — производное от “Калифорния”).

Конечно, в США имеется официальная государственная организация, которая непосредственно занимается освоением, изучением и исследованием Луны и других небесных тел. Это НАСА (NASA) — Национальное управление по аэронавтике и исследованиям кос-

мического пространства. Конечно, оно не может рассматривать всерьез все то, что происходит в фирме "Moon Embassy". Да и сами покупатели это тоже прекрасно понимают. Но игра в "лунные участки" продолжается. И ради оригинальности, и ради необычного приобретения, и ради смеха, если хотите. Игра на деньги. Не участвуют в ней только россияне.

О России — разговор особый. Во-первых, она все-таки расположена далеко от Калифорнии и информация, а тем более реклама доходят до нее медленно. Во-вторых, у россиян менталитет все-таки совсем иной и желающих отдавать свои кровные на идиотскую шутку найдется совсем немного. В-третьих, что попу можно, то дяку — нет: для американца 16 долларов не деньги, а для россиянина — половина месячной зарплаты. И так далее.

Но все же среди клиентуры Дэнниса Хоупа оказался один россиянин. Правда, из эмигрантов. Значит, бывший россиянин. Зовут его Алекс Борисов и проживает он ныне в Лос-Анджелесе. А когда-то работал на "Мосфильме". И участок на солнечной стороне Луны он купил во имя идеи — построить на участке киностудию и приглашать туда российских режиссеров бесплатно снимать фильмы. При этом, как утверждает он, должны быть выполнены два условия: к власти в России придут большевики и сам он в Америке обязательно разбогатеет.

А теперь о некоторых юридических, в том числе международно-правовых, выкладках. В начале изложения этой истории говорилось о том, что в международном праве нет нормы, которая бы запрещала "частное присвоение" каких-либо участков лунной поверхности, равно как и поверхности других небесных тел. Если вести речь о внутреннем праве США, впрочем как и о национальном законодательстве других государств, то это совершенно справедливо. Вот почему американские юристы, отлично знающие местные и федеральные законы, считающиеся экспертами по космосу и ведущие сделки самого НАСА, утверждают, что в их стране нет такого закона, который бы запрещал отдельным лицам предъявлять свои права на какие-то участки поверхности Луны и других небесных тел, в том числе и присваивать их. Это дало основания одному из крупных специалистов — профессору университета штата Теннесси Глену Рейнольдсу утверждать, что "правительство США никогда не ратифицировало какого-либо отдельного закона, запрещающего иметь частную собственность на Луне". Но если бы это и было, заявляет этот правовед, то "надо быть законченным идиотом, чтобы решиться на приобретение лунного участка от этого парня".

Теперь-то мы подошли к самому главному в нашем международно-правовом рассуждении. Оказывается, есть в международном праве запрет на присвоение собственности в виде участков Луны. И вот как он сформулирован: "Поверхность или недра Луны, а также уча-

стки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или *любого физического лица* (курсив мой. — В.П.).” Так формулируется начало п. 3 ст. 11 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Сразу надо сделать оговорки. Оно разрабатывалось долго и было открыто для подписания 18 декабря 1979 г. в Нью-Йорке. И США, и СССР участвовали в его разработке, но ни США, ни СССР (а теперь Россия) в нем не участвуют. Однако его участниками стали уже девять государств и оно вступило в силу еще 11 июля 1984 г., когда в соответствии с условиями ст. 19 Соглашения наступил 30-й день после сдачи на хранение Генеральному секретарю ООН пятой ратификационной грамоты.

Нет, не зря профессор Рейнольдс так скрупулезно точно формулировал свои мысли. Получается, он знал, что такой закон — о запрете частной собственности на недвижимость на Луне — есть, но правительство США действительно “никогда его не ратифицировало”.

А что же есть? Существует стародавняя традиция, которая соблюдалась как обычай, а он тоже считался источником права: объявлять своей собственностью только ту территорию, на которой ты “физически утвердился” и осуществил те или иные “улучшения” — культивацию, мелниорацию, ассенизацию и т.д. Так шла колонизация с востока Америки на запад.

В Европе тоже есть такие порядки, даже законы. Если итальянец, к примеру, в течение одной ночи возведет дом под крышу, то ни один карабинер не будет иметь права его и пальцем тронуть: частная собственность священна, а если власти недовольны действиями частного, они обязаны влиять на него только через суд.

Или вспомним Россию. И у нас потоки переселенцев в течение столетий направлялись за Урал, в Сибирь. Из голодной европейской части двигались в тайгу, там вырубали делянки, строились, сеяли, перебивались со ржаного хлеба на квас, и обжитое место становилось своим по праву первопроходца.

Если вспомнить все это, то, конечно, никакой мистер Хоуп не может считаться собственником ни по международным, ни по американским, ни по каким-либо иным человеческим законам. Не могут считаться хозяевами “своих” участков и те, кто купил у него “права” в виде сертификатов.

Но в том-то и удача дуралеев, что в современной Америке все возможно. Незадолго до того, как нынешний калифорниец затеял “распродажу Луны”, в США подвизалось другое аналогичное общество под названием “Международное агентство по регистрации звезд”. Любому желающему за 45 долларов выдавалось обещание

назвать его именем новую звезду, и его фамилия заносилась в соответствующий реестр. За короткий период деньги внесли свыше 700 тыс. страждущих прославиться в астрономии. Но не прославился ни один. Как оказалось, деньги из звездной конторы, процветавшей в бизнесе, уплыли. А она сама никакого отношения не имела к международным астрономическим организациям.

Фирма Дэнниса Хоупа — того же порядка. Бизнесмена ничуть не смущают смешки, подковырки и отсутствие всякой здоровой правовой базы в его действиях. Насмешка — это не аргумент для закрытия дела. Наоборот. Любая отрицательная реклама его лишь раззадоривает. Он объявил уже о том, что готовит к продаже и скоро установит цену на участки на Марсе, Венере и Юпитере.

Но самое забавное во всей этой истории мы оставили, дорогой читатель, на закусочку. Оказывается, вся Луна — целиком и полностью — уже давно продана.

Об этом сообщила чилийская газета “Терсера де ля ора” в декабре 1997 года. Еще в 1969 году — до высадки американских астронавтов на Луну — чилийский миллиардер Хенаро Гахардо Вера обратился со специальным посланием к президенту Соединенных Штатов Ричарду Никсону с просьбой продать ему все небесные территории. Как сообщает та же газета, президент якобы ответил согласием и заломил за эту сделку сумму, которую можно считать фантастической даже для миллиардера, — 10 млрд. долларов.

Тем не менее чилиец согласился, начал выплачивать эти огромные деньги и вот накануне 1998 года все выплаты по указанной сделке, которые продолжались почти двадцать лет, завершил. Окончание выплат миллиардер прокомментировал с юмором: “Слава Богу, что за восемнадцать лет Луна не подорожала”.

О том, что у него есть свидетельство, удостоверяющее его права на Луну, лихой чилиец растрезвонил везде, где только мог, в том числе и в ООН. А незадолго до полета американских астронавтов на Луну то ли в шутку, то ли всерьез тот же Ричард Никсон испросил у “владельца” Луны разрешение на высадку. Тот милостиво разрешил.

Но все-таки до продажи участков на Луне латиноамериканец не додумался. Хватки янки с севера ему не хватило. Не посмел он торговать Луной.

Все это сильно пахивает очередной газетной “уткой”, однако если такая сделка — правда, то при чем тут все обязательства США по космическому праву?

В.П. Пархитко

Статья поступила в редакцию в ноябре 1997 г.

Трибуна преподавателя и студента

“МОДЕЛЬ ООН-97”

В декабре 1997 года под эгидой МГИМО-У МИД РФ прошла IX Московская международная “Модель ООН-97”. К участию в ней были привлечены студенты 3—4-го курсов МГИМО-У и других вузов, а также учащиеся московских гимназий, лицеев и школ.

В задачу программы входило ознакомление студентов и учащихся с принципами и методами работы центральных органов ООН — Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Секретариата. С этой целью программа была построена следующим образом: участники разделились на три группы: первая — представляла государства—члены ООН в Генеральной Ассамблее, вторая — в Совете Безопасности, а третья — обеспечивала нормальное функционирование первых двух, выполняя функции Секретариата.

Основным условием “Модели ООН-97” было неукоснительное соблюдение участниками правил процедуры, используемых на заседаниях. Следует отметить, что эти правила были специально адаптированы для целей программы, то есть они были сокращены и немного изменены для того, чтобы облегчить работу участников, а также для того, чтобы программа могла быть проведена в отведенное время.

На заседания Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности были вынесены два вопроса, решение которых имеет в настоящее время большое значение: проблема международного терроризма, подлежавшая рассмотрению Генеральной Ассамблеей, и проблема законности применения ядерного оружия (была рассмотрена Советом Безопасности).

Кроме того, в целях повышения эффективности работы ГА и СБ были выбраны их председатели, а также Генеральный секретарь, в задачу которого входила координация деятельности данных структур и руководство Секретариатом.

Обсуждение поставленных вопросов выявило обширные знания участников в области международного права. Кроме того, участники старались по возможности придерживаться “правил игры”, то есть в своих выступлениях отражать интересы страны, которую они пред-

ставляли. Наиболее четко это проявилось на заседаниях Совета Безопасности, где разгорелась острая дискуссия между “представителями государств, обладающих ядерным оружием”, и “делегатами стран, им не обладающих”.

Результатом работы Генеральной Ассамблеи стала резолюция, осуждающая международный терроризм и призывающая все государства объединить свои усилия для его искоренения. Совет Безопасности также выработал резолюцию “О консультативном заключении Международного Суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения”, которая подтверждала право государств на индивидуальную или коллективную самооборону, а также признавала применение ядерного оружия “мерой нежелательной”. В целом, если проанализировать эти два документа, можно заметить, что участники старались по возможности избегать резких формулировок. Это можно объяснить тем, что участники старались принять вышеуказанные документы в том виде, в котором они могли бы быть приняты на заседаниях настоящих Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи.

Оценивая результаты и значение “Модели ООН-97”, следует отметить, что эта программа позволяет ознакомить студентов и учащихся с работой ООН, а также дает возможность улучшить знания участников, заинтересовать их изучением международного права, что в конечном счете поможет при формировании молодых кадров отечественной дипломатии.

А. Кондаков,
студент международно-правового
факультета МГИМО-У МИД РФ

Кто есть кто в нашей науке и практике

Редакция журнала
горячо поздравляет
Георгия Аркадьевича Арбатова
с его 75-летием

**АРБАТОВ
ГЕОРГИЙ АРКАДЬЕВИЧ**
(Москва)

Академик, профессор, доктор исторических наук, кандидат юридических наук.

Родился 19 мая 1923 г. в Херсоне, на юге Украины. Жил там, а потом в других украинских городах до 1930 года. В 1930 году отец был направлен по линии Министерства внешней торговли в торговое представительство в Германию, где прожил в семье до 1935 года (последние 4 месяца жили во Франции).

С 1935 года живет в Москве. В 1941 году окончил среднюю школу. Накануне войны подал заявление в артиллерийское училище и стал курсантом. Училище закончил в начале января 1942 года. После этого был на фронте начальником разведки дивизиона реактивных минометов ("катюш"), командиром батареи, заместителем командира дивизиона, помощником начальника штаба полка. В 1944 году заболел туберкулезом легких и был демобилизован.

В том же 1944-м поступил в Институт международных отношений МИД СССР, который окончил в 1949 году с дипломом юриста-международника, то есть специалиста по международному праву.

Первая гражданская работа — научный редактор в издательстве "Иностранная литература". С 1953 года работал в журналах "Вопросы философии", "Новое время", "Коммунист", "Проблемы мира и социализма". В 1963 году был приглашен в Институт мировой эко-

номики и международных отношений Академии наук СССР заведующим сектором.

В 1964 году начал работать в ЦК КПСС консультантом, затем руководителем группы консультантов одного из международных отделов. В 1967 году был назначен Академией наук СССР на должность директора Института США и Канады. Ему довелось организовывать этот институт с самого начала. На этой должности пробыл до мая 1995 года, когда в силу существующих в Российской академии наук возрастных ограничений должен был оставить эту должность. Однако его избрали Почетным директором, Президентом административного совета Института, а также назначили советником Российской академии наук.

Среди написанных им трудов необходимо отметить книги “Идеологическая борьба в современных международных отношениях” (1970 г.), “Доктрина Никсона” (1972 г., в соавторстве), “Вступая в 80-е” (1981 г.), “Затянувшееся выздоровление, свидетельство очевидца” (1991 г.): эта книга в 1992 и 1993 годах также вышла в США и в Германии под названием “Система”. Он также автор свыше 200 статей в советских (российских) и зарубежных журналах.

В 1974 — 1989 годах был членом Верховного Совета СССР, в 1989 — 1991 годах — народным депутатом СССР. В 1991 — 1993 годах был членом Высшего консультативного и координационного совета при президенте России.

С конца 50-х годов ему довелось работать с высшим руководством страны: с Хрущевым — на дистанции, а начиная с Брежнева и кончая Ельциным (до 1993 г.) — советником руководителей (главным образом по международным вопросам и отношениям с США и Канадой, хотя нередко и по внутренним проблемам).

Г.А. Арбатов женат, имеет сына 1951 года рождения и внуку 1977 года рождения.

Отвечая на вопрос редакции: “Как часто вам в вашей научной и практической деятельности приходилось сталкиваться с проблемами международного права?”, Г.А. Арбатов сказал:

“В ходе политической, а также регулярной научной и журналистской работы мне приходилось постоянно иметь дело с вопросами международного права. Может быть, особенно часто — в связи с нашими переговорами и соглашениями с США, хотя моя кандидатская диссертация относилась к другой юридической отрасли — государственному праву, государству и идеологии, их взаимному воздействию.

Должен сказать, что независимо от этих, непосредственно связанных с юриспруденцией занятий, юридическому образованию я обязан и другим — общей подготовкой, навыком логического мышления, стремлению и умению отделить правильное от неправильного при формировании политики”.

**БАКАЕВ
ЛЕОНИД (АСКЕР) КУСМАНОВИЧ**
(Алма-Ата)

Родился 16 мая 1949 года в селе Новый Камчатск Усть-Камчатского района Камчатской области.

Воспитанник Екатеринбургского училища, которое окончил в 1967 году.

В 1971 году окончил высшее танковое командное училище в гор. Чирчик (Узбекская ССР).

В 1983 году получил еще одно высшее образование в Алма-Атинском институте иностранных языков по специальности английский язык.

В 1988 году получил третье высшее образование — окончил в Москве Военную академию бронетанковых войск имени Малиновского.

В 1990 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: "Военно-политическое воспитание молодежи".

В 1996 году защитил докторскую диссертацию на тему "Политика военного строительства в Республике Казахстан". По итогам защиты присвоено звание доктора политических наук. 16 октября 1997 года присвоено также звание доктора военных наук.

С целью повышения квалификации и профессиональной подготовки закончил Полицейскую академию ФБР США по курсу международного права.

С 1994 года — на дипломатической работе в Республике Казахстан. В настоящее время является заведующим Отделом контроля над вооружениями МИД Республики Казахстан. Много занимается международно-правовыми вопросами. Решением правительства был утвержден экспертом по экспортному контролю военной техники и вооружений. Является разработчиком закона Казахстана об экспортном контроле военной техники, вооружений и военной продукции. Как специалист готовил международные договоры Казахстана по военно-политическому и военно-техническому сотрудничеству. Был главой делегации своей республики в штаб-квартире НАТО в

Брюсселе на переговорах по сокращению вооруженных сил в Европе. Поддерживал Российскую Федерацию при столкновении ее мнений в спорах с чехами и поляками.

В августе 1997 года перешел на должность заведующего кафедрой конституционного и международного права Алма-Атинского государственного университета имени Абая, в котором работает 170 докторов наук и обучается свыше 10 тысяч студентов.

Одновременно является профессором Дипломатической академии МИД Республики Казахстан, Университета "Кайнар", Казахского женского педагогического института.

Академик Академии естественных и политической наук Республики Казахстан.

Действительный член Нью-Йоркской Академии наук (США). Член Британского центра постсоветских исследований.

Действительный член Академии военных наук Российской Федерации.

Опубликовал свыше 55 научных трудов, в том числе девять монографий. Среди них наиболее крупные "Военное строительство в Республике Казахстан" (1994 г.), "Защита отечества" (1996 г.), "Суверенитет Казахстана в контексте геополитики" (1997 г.), "Международное гуманитарное право" — учебное пособие для студентов вузов (1997 г.).

Участвовал во многих международных встречах, конференциях, симпозиумах и переговорах, в том числе в двух симпозиумах по экспортному контролю, проводившихся в столице США — Вашингтоне: первый рассматривал тему в применении к странам СНГ (1995 г.), а второй — к странам Восточной Европы (1996 г.). Участник международных семинаров: в Алма-Ате на тему "Оборона, мир, безопасность" (1993 г.), а также в Ашхабаде на тему "Международная безопасность по проекту Маршалла" (1997 г.), который проводился под эгидой Западноевропейского центра научных исследований.

В качестве эксперта выезжал на внеочередной саммит государств—участников "ЭКО-нефтепровода".

В ответе на вопрос редакции, как развивается наука международного права в суверенном Казахстане, Л.К. Бакаев сказал: "Казахстан пока не обладает достаточным количеством специалистов в области международного права. Они нужны и в практической деятельности и в науке. Эта отрасль для Казахстана достаточно новая.

Но этому вопросу — подготовке специалистов — уделяется серьезное внимание. Мы ведем их подготовку как в государственных университетах, так и в частных вузах.

Мы рады, что у нас согласились преподавать международное право крупные приглашенные специалисты как из Москвы, так и из Соединенных Штатов.

На сегодняшний день у нас из числа “чистых” юристов-международников пока один доктор юридических наук — это Сарсембаев и один кандидат юридических наук. Но за ними подтягиваются и другие”.

**БЕРГХОЛЬЦАС
ИОНАС ИОКУБОВИЧ**
(Рига)

Профессор Балтийского русского института, доктор права. Член редакционного совета “Московского журнала международного права”.

Родился 15 мая 1934 г. в г. Биржай (Литва). В 1961 году окончил юридический факультет Вильнюсского университета. Работал районным судьей, в органах местных Советов. С 1964 года живет и работает в Латвии. С 1968 года занимается научно-педагогической деятельностью. Под руководством профессора Г.В. Барабашева на юридическом факультете МГУ в 1974 году защитил кандидатскую диссертацию “Организационно-правовые вопросы деятельности местных Советов в области охраны природы” (по материалам Латвии). Несколько раз повышал квалификацию в МГУ.

В Москве изданы его труды: “Деятельность районного и городского Совета в области охраны природы” (1976 г.), «Национальный парк “Гауя”» (1982 г.), ряд статей опубликован в журналах “Государство и право”, “Хозяйство и право”, они включены в сборники научных трудов. В Риге появились его книги “Человек, окружающая среда и закон” (1977 г.), “Балтика: охрана природной среды и право”, “Морское право” (1997 г.), ряд учебных пособий на латышском и русском языках.

С 1980 года занимается проблемами международного права и международного морского права. Является автором более 140 публикаций на латышском, литовском, русском, английском и польском языках, помещенных в периодических и научных изданиях не только в Балтийских республиках, но и в Великобритании, США, Германии, России, Украине, Польше, Японии и других странах. За последние 10 лет принимал участие более чем в 20 международных конференциях, семинарах и акциях под флагами ООН, России и

Украины. С 1985 года принимает участие в деятельности Ассоциации международного морского права России и Российской ассоциации международного права, является членом Исполкома Ассоциации международного морского права России и Президиума Международного комитета "Мир океанам" (Москва), а также председателем Международного фонда VIA BALTICA (Рига). Заканчивает работу по подготовке к изданию учебных пособий по международному праву (публичному и частному) на латышском, русском и литовском языках.

Отвечая на вопрос редакции, какое значение имеет международное право для Латвийской Республики, И.И. Бергхольцас сказал: "Для Латвийской Республики, которая в XX веке приобрела независимость второй раз, международное право предоставляет возможность поддерживать органическую связь с мировым сообществом. Оно является инструментом решения сложных проблем, оптимального сочетания национальных и общих интересов государства и средством для достижения более высокого уровня международно-правового сознания нашего общества — участника обеспечения надежного международного порядка. Нельзя не подчеркнуть тесную связь международного права с правовой системой Латвии и становлением в условиях тяжелого переходного периода ее международно-правовой концепции, представляющей широкую палитру в отношении соседних стран и других государств".

**БУРДЖАНАДЗЕ
НИНО АЛЕКСАНДРОВНА**
(Тбилиси)

Профессор Тбилисского государственного университета (ТГУ), депутат парламента Грузии, первый заместитель председателя парламентского Комитета по конституционным, правовым вопросам и законности.

Родилась в Тбилиси в 1964 году. В 1986 году окончила юридический факультет Тбилисского государственного университета, а в 1990 году — аспирантуру по кафедре международного права того же

университета. В марте 1991 года защитила кандидатскую диссертацию на тему “Юридическая природа и правовое положение международных организаций, осуществляющих эксплуатационно-хозяйственную деятельность”. Стала кандидатом юридических наук, а вскоре — доцентом.

Работала экспертом-консультантом комиссии по международным отношениям парламента Грузии. С 1995 года избрана в парламент Грузии.

Наряду с большой работой депутата продолжает заниматься научной деятельностью. Она автор многих статей по проблемам международного права на грузинском, русском и английском языках. В Тбилиси недавно вышла ее монография по праву международных организаций. Сейчас работает над докторской диссертацией на тему “Развитие международного морского права в деятельности международных морских организаций”.

Участвовала во многих международных научных конференциях, семинарах, симпозиумах, в частности на Мальте, в Нью-Йорке, Лондоне, Вашингтоне, Москве, Варшаве, Ташкенте, Страсбурге.

Вела государственные переговоры на уровне парламентов в рамках Парламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества (ПАЧЭС) в Бухаресте и Тбилиси.

Была членом парламентских делегаций во время встреч с представителями Организации по безопасности и сотрудничеству, в Европе (ОБСЕ) и Совета Европы.

Является одним из авторов трехтомника “Дипломатический словарь”, который издается на грузинском языке в Тбилиси (большинство статей по международному праву принадлежит ее перу). В дипломатической лаборатории при ТГУ издается “Дипломатический ежегодник”, в котором она выступает со статьями по международно-правовой проблематике на русском и грузинском языках.

С осени 1997 года является Чрезвычайным и Полномочным Послом Грузии при международных организациях в Женеве.

В ответ на вопрос редакции о том, какое значение имеет международное право для независимой Грузии, Н.А. Бурджанадзе сказала: “Международное право — важный механизм для реализации связей Грузии на международной арене. Этот механизм имеет особое значение для таких маленьких государств, как наше. Хотелось бы, чтобы в международных отношениях для Грузии все чаще были бы задействованы международно-правовые рычаги ОБСЕ и других европейских международных организаций. Чем больше будут развиваться эти рычаги, тем эффективнее будут защищены интересы всех государств, в том числе и нашей Грузии”.

**ВЕЩУНОВ
ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ**
(Москва)

Советник по юридическим и международным вопросам Международной организации космической связи (МОКС) Интерспутник.

Родился 22 января 1955 г. в Вашингтоне (США). В 1977 году окончил факультет международных отношений Московского государственного института международных отношений МИД СССР. С 1977 по 1993 год находился на работе в системе МИД РФ. До перехода в 1993 году на работу в Дирекцию МОКС Интерспутник являлся заведующим отделом международного сотрудничества в мирном использовании космического пространства Управления международного научно-технического сотрудничества МИД РФ. В этом качестве входил в состав российских правительственных делегаций по разработке международных договоров по проекту международной космической станции; по коммерческим запускам; по режиму нераспространения ракет и ракетных технологий. Принимал участие в разработке и согласовании двусторонних межправительственных соглашений о сотрудничестве в области мирного использования космоса с Японией, Индией, Китаем, Казахстаном и другими странами. Как представитель МИД участвовал в деятельности рабочей группы по выработке проекта федерального Закона о космической деятельности. Входил в российские делегации на полномочной конференции Международного союза электросвязи (г. Женева, 1992 г.), внеочередной (г. Москва, 1992 г.) и XXII (г. София, 1992 г.) сессиях Совета МОКС Интерспутник.

С июня 1993 года — эксперт, затем советник по юридическим и международным вопросам МОКС Интерспутник. Принимал деятельное участие (1993 — 1997 гг.) в разработке и согласовании новых базовых документов организации — Протокола о внесении поправок в Соглашение о создании международной системы и организации космической связи Интерспутник от 15 ноября 1971 г. и Эксплуатационного соглашения Интерспутника. В насто-

ящее время указанные документы находятся на стадии принятия в странах—членах организации в соответствии с национальной законодательной процедурой. В.С. Вещунов также участвовал в разработке таких юридических документов Организации, как «Положение о персонале Дирекции МОКС Интерспутник» (1996 г.), «Процедура избрания и отзыва Генерального директора МОКС Интерспутник» (1997 г.), «Процедура заявления в МСЭ и международно-правовой защиты планируемых спутниковых сетей Интерспутника» (1994 г.).

В контексте международного и правового сотрудничества В.С. Вещуновым были подготовлены проекты рамочных соглашений о сотрудничестве с Европейской организацией спутниковой связи Евтелсат, корпорацией Панамсат; соглашения о сотрудничестве с Интелсат, Евтелсат и Инмарсат; меморандум о сотрудничестве с Арабской организацией спутниковой связи Арабсат; временное соглашение с Тонгосат и др. В.С. Вещунов представлял Интерспутник на многочисленных международных форумах, неоднократно выступал с докладами о правовой реформе в Интерспутнике, в том числе на заседаниях Комитета ООН по космосу и его Юридического подкомитета (1994, 1995, 1997 гг.), Конгрессе Международной аэронавтической федерации (1996 г.), на семинаре Европейского центра космического права при ЕКА (1995, 1997 гг.), конференции Всероссийской ассоциации международного права (1997 г.).

В.С. Вещунов принимает непосредственное участие в юридическом обеспечении коммерческой деятельности Интерспутника. Входил в смешанную рабочую группу по выработке и согласованию учредительных документов совместного предприятия “Локхид Мартин/Интерспутник”, в том числе Договора о создании СП, Устава компании, Соглашения об операторской деятельности. Совместно с американскими юристами корпорации “Локхид Мартин” и независимой юридической компании “Степто энд Джонсон” разработал проект типового контракта на аренду емкости транспондера спутников новой генерации ЛМИ. В качестве юридического советника принимает участие в предконтрактных переговорах с потенциальными пользователями спутниковой емкости Организации.

В.С. Вещунов занимается вопросами присоединения к организации новых членов, а также отвечает за поддержание связей с компетентными правительственными органами Депозитария основных юридических документов Интерспутника — МИД России, Российским космическим агентством, Федеральным комитетом по связи и информатизации. Участвовал в переговорах с представителями компетентных органов Индии, Украины, Израиля о присоединении этих стран к организации, в координации с Правовым департаментом МИД России разработал пояснения к Процедуре присоединения.

С 1995 года В.С. Вещунов является членом Международного института космического права (г. Париж).

Имеет публикации по различным аспектам международного права, в том числе в сборниках Американского института по авионавтике и астронавтике за 1995 и 1996 годы, в "Московском журнале международного права", в журналах "Вестник связи", "Телевестник" и др.

Отвечая на вопрос редакции: "Как международное право помогает вашей практической деятельности", В.С. Вещунов сказал:

"Международное право, как публичное, так и частное, имеет самое непосредственное отношение к деятельности организации Интерспутник. Сам статус Интерспутника как международной межправительственной организации, занимающейся коммерческой эксплуатацией своей спутниковой системы, предполагает тонкое международно-правовое регулирование его деятельности. С одной стороны, являясь субъектом международного публичного и дипломатического права, организация пользуется набором привилегий, льгот и иммунитетов. С другой стороны, характерные в настоящее время для всех международных организаций спутниковой связи тенденции коммерциализации и приватизации выводят Интерспутник в разряд субъектов международно-хозяйственных отношений. Сбалансировать этот "двуединный" характер организации призваны новые основополагающие документы — Протокол о внесении поправок в Соглашение о создании Интерспутника от 15 ноября 1971 г. и Эксплуатационное соглашение организации. Эти документы устанавливают качественно новые принципы функционирования Интерспутника.

Среди них можно отметить следующие: вводится институт участников — назначенных правительствами для подписания Эксплуатационного соглашения и должным образом лицензированных организаций электросвязи; меняется разграничение компетенции и ответственности между советом (членами) и эксплуатационным комитетом (участниками); внедряется взвешенное голосование при принятии решений в руководящих органах; видоизменяется порядок формирования уставного капитала. Разрабатывая указанные документы, мы внимательно изучали соответствующий опыт реформирования других международных спутниковых операторов, прежде всего Интелсат, Евтелсат и Инмарсат. Считаю, что нам удалось не только инкорпорировать наиболее полезное и интересное из их опыта, но в чем-то и пойти дальше, например предусмотрев возможность назначения одним членом организации нескольких участников или закреплении принципа прямого непосредственного доступа к космическому сегменту организации любого пользователя.

Интересное и в чем-то неожиданное трактование с точки зрения международного права получили вопросы, связанные с принятием

странами—членами организации поправок к Основному соглашению Интерспутника. Так, возникли предпосылки, что на протяжении некоторого времени в организации будет существовать так называемое двойное членство стран, принявших поправки, и стран, по каким-либо причинам не готовых это сделать в ближайшем будущем. Интересный юридический аспект возник в Российской Федерации: большинство юристов-международников, отталкиваясь от текста Закона РФ о международных договорах, пришли к заключению, что Протокол не требует ратификации Госдумой, хотя и содержит поправки к международному договору, в свое время ратифицированному Верховным Советом СССР.

Значительный объем различных аспектов международного права — корпоративного, финансового, контрактного, интеллектуальной собственности — принимался к сведению при разработке и заключении пакета юридических документов, связанных с созданием совместного предприятия “Локхид Мартин/Интерспутник”. При этом юристам Интерспутника и “Локхид Мартин” пришлось внимательным образом ознакомиться с законодательством Бермуд, где официально зарегистрировано указанное совместное предприятие. В результате кропотливой работы были подписаны Соглашение о создании совместного предприятия, Устав СП, в стадии согласования находится Соглашение об операторской деятельности. Таким образом получил необходимое юридическое оформление один из наиболее крупных за последние годы международных проектов в области спутниковых телекоммуникаций.

Применение норм международного права входит в повседневную деятельность Интерспутника как международного оператора глобальной спутниковой системы. К примеру, некоторое время назад нам пришлось самым внимательным образом разбираться в вопросе нарушения авторских прав при передаче телевизионного сигнала посредством спутника. Одна из зарубежных вещательных компаний пыталась выдвинуть солидный иск в отношении Интерспутника за якобы имевшее место нарушение авторских прав. Изучение всего пакета международно-правовых документов, регулирующих права и ответственность оператора технических средств (спутника) при передаче видео- или аудиосигнала в режиме фиксированной службы дало неопровержимые аргументы отклонить указанный иск еще до передачи в суд. Другой пример — ведение арбитражного процесса в Арбитражном суде Стокгольма (Швеция) в отношении одного из бывших пользователей нашей системы, нарушившего свои контрактные обязательства. При ведении дела пришлось самым тщательным образом изучить правила ЮНСИТРАЛ, в целом международного арбитражного права; ознакомиться с соответствующими нормами шведского законодательства и законодательства страны происхождения ответчика по арбитражу. И такие

примеры использования международного права случаются практически ежедневно”.

**ВОЛОВА
ЛАРИСА ИВАНОВНА**
(Ростов-на-Дону)

Профессор, доктор юридических наук, заведующая кафедрой правоведения юридического факультета Ростовского государственного университета (РГУ), председатель секции “Правоведение” Северо-Кавказского центра высшей школы, куда входят Дагестанский, Северо-Осетинский, Краснодарский, Ставропольский, Кабардино-Балкарский, Адыгейский и другие университеты.

Родилась в Калинин (Твери). Среднее образование получила в Краснодаре, высшее — на юридическом факультете РГУ.

В 1968 году в РГУ защитила кандидатскую диссертацию на тему “Плебисцит в международном праве”, в 1981 году — докторскую на тему “Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве”. Защита состоялась в Институте государства и права Академии наук СССР в Москве.

Автор пяти монографий по международному праву, в том числе: “Плебисцит в международном праве” (1972 г.), “Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве” (1981 г.), “Принцип нерушимости границ — новый принцип международного права” (1987 г.). Всего опубликовано свыше 150 печатных работ. Монографии выходили как в московских, так и ростовских издательствах.

Недавно опубликовала серию статей и спецкурс по “Правовому регулированию внешнеэкономической деятельности”. Они вышли в том числе в “Украинском ежегоднике международного права”, “Северо-Кавказском юридическом вестнике” и в других изданиях.

Л.И. Волова является членом Российской ассоциации международного права.

Участвовала во многих международных, всесоюзных, всероссийских и региональных научных конференциях, в том числе в Москве, Киеве, Пекине, Дели, Париже, Мадриде, Ростове-на-Дону, Сочи, Махачкале и т.д.

В РГУ читает курсы лекций по международному публично-му и международному частному праву. Проводит большую работу как консультант и эксперт внешнеэкономических контрактов и других международных документов. Руководит семинарами для предпринимателей всех форм собственности, активно участвует в работе Ростовской областной торгово-промышленной палаты.

В ответ на вопрос редакции, как ощущается влияние международного права на развитие Северо-Кавказского региона России, Л.И. Волова сказала: "В последнее время это влияние значительно усилилось. Мы регулярно разъясняем значение международного права в нашей хозяйственной жизни на семинарах с участием представителей МВД, судов, нотариата — в общем, всех правоохранительных органов, а также администрации области (особенно отдела внешнеэкономических связей), таможенных служб и т.д., особенно в свете пункта 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, где говорится о примате международного права. В общем, можно сказать, что международное право в Ростовской области востребовано. А нам остается привести этот интерес к нашей науке в соответствие с международными стандартами".

**ГАЛЯМЕТДИНОВА
АННА ЮРЬЕВНА**
(Казань)

Родилась 30 июля 1973 г. в г. Казани. Закончила физико-математическую школу № 131 г. Казани в 1990 году. Имеет среднее музыкальное образование.

В 1995 году закончила Казанский государственный университет.

С 1996 года — аспирантка кафедры государственного и международного права юридического факультета КГУ. Научный руководитель — заведующий кафедрой государственного и международного

права юридического факультета КГУ, профессор Геннадий Ирипархович Курдюков. Тема диссертации — “Международно-правовые аспекты экологической безопасности”. В 1997 году прослушала “Средиземноморские курсы по международному праву” в г. Кастильоне, Испания, где в число лекторов вошли профессор международного права, член Комиссии международного права ООН от Франции Ален Пелле (M. Alain Pellet) и профессор международного права, член Комиссии международного права ООН от Марокко, директор Института арабских исследований в Париже Мохамед Беннуна.

Опубликовала статьи в “Московском журнале международного права” — о гуманитарном праве и “Защита природной среды в вооруженных конфликтах: обзор международно-правовых норм и некоторые проблемы их распространения и применения” — в сборнике материалов Казанской конференции по международному гуманитарному праву (Казань, 1997 г.). В этом номере журнала публикуется еще одна ее статья.

А.Ю. Галяметдинова — лауреат премии Гуго Гроция за 1997 год.

В ответ на вопрос редакции о том, какое значение имеют проблемы охраны окружающей среды в наши дни, А.Ю. Галяметдинова сказала: “На мой взгляд, осознание обществом глубины экологического кризиса уже произошло. Свидетельством этому служат многочисленные многосторонние договоры и формирование новой отрасли международного права — международного экологического права. Проблемы охраны окружающей среды стоят так остро, что им придается статус проблем международной безопасности. Такие предложения высказывались не раз, в том числе и на страницах вашего журнала. Сегодняшняя задача обеспечения экологической безопасности — соблюдение принятых обязательств и создание эффективных региональных систем обеспечения экологической безопасности, например в рамках СНГ.

В моей диссертации экологическая безопасность рассматривается как компонент системы международной безопасности, анализируется формирование права экологической безопасности в системе международного права; уделяется внимание регулированию экологической безопасности в договорах по разоружению и при выполнении РФ обязательств по этим соглашениям, а также в остальных источниках международного права. Также в исследовании есть главы, посвященные работе Комиссии международного права ООН, проблемам экоцида и экологического терроризма, экологической безопасности в системе европейской безопасности, сотрудничеству и трудностям в области обеспечения экологической безопасности в рамках СНГ, имплементации норм международного права об экологической безопасности в национальное законодательство”.

**ИВАНЕНКО
ВИТАЛИЙ СЕМЕНОВИЧ**
(Санкт-Петербург)

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета.

Родился в 1946 году в Черниговской области Украины. В 1972 году окончил дневное отделение юридического факультета Томского государственного университета. В 1972—1974 годах работал инструктором Томского обкома комсомола.

С 1975 по 1978 год — ассистент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета. В 1982 году, по окончании очной аспирантуры на кафедре международного права Ленинградского университета, под руководством профессора С.А. Малинина защитил кандидатскую диссертацию на тему “Переговоры в международном праве”. В этой работе впервые в отечественной науке исследованию подвергнуты переговоры как важнейшая организационно-правовая форма международного сотрудничества.

С 1982 года — старший преподаватель, доцент, проректор по заочному и вечернему обучению, проректор по учебной работе Алтайского государственного университета, затем проректор по учебной работе, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

В 1994 году приглашен на работу доцентом кафедры международного права в Санкт-Петербургский государственный университет. Ведет все виды учебных занятий по курсу “Международное публичное право”, в том числе читает курс лекций на юридическом факультете и факультете международных отношений. Руководит научным кружком при кафедре международного права. Команда студентов из состава научного кружка под руководством В.С. Иваненко участвовала в апреле 1997 года в Первом Международном конкурсе имени Ф.Ф. Мартенса по международному гуманитарному праву и завоевала первое место.

В.С. Иваненко является вице-президентом Санкт-Петербургского регионального отделения Российской ассоциации содействия

ООН. Имеет около 20 научных публикаций по проблемам международного права и организации учебного процесса.

Круг научных интересов — различные аспекты проблемы международного правоприменения.

На вопрос редакции относительно его творческих планов В.С. Иваненко ответил: “В настоящее время меня привлекают две проблемы, представляющие несомненный научный и практический интерес. Во-первых, это проблема международного правоприменения во всех ее аспектах: межгосударственном и внутригосударственном. Во-вторых, проблема повышения эффективности международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций”.

КОРЯКИН
ЮРИЙ ИВАНОВИЧ
(Москва)

Доктор экономических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской академии наук (США).

Родился 14 июня 1924 года в Москве. В октябре 1941 года из 10-го класса школы был призван в действующую армию. Всю войну провел на фронте и закончил ее, участвуя в освобождении датского острова Борнхольм. В 1947 году поступил в Московский инженерно-физический институт (МИФИ), который окончил в 1952 году. С апреля 1953 года по настоящее время работает в Научно-исследовательском и конструкторском институте энерготехники (НИКИЭТ). Сейчас является главным научным сотрудником этого института.

Сфера занятий: до 1960 года — нейтронно-реакторная физика получения ядерных оружейных материалов и сигнальных реакторных установок. Затем, с 1960 года, — экономика и экономико-математическое моделирование развивающейся системы ядерных (атомных) электростанций (АЭС), включая рамки Совета экономической взаимопомощи. После чернобыльской аварии — социально-экономические, общественно-психологические и юридические аспекты

ядерной энергетики в условиях постчернобыльского синдрома. В последнее время тема исследований — экономико-географические особенности России как фактор ее энергетической предрасположенности к ядерно-энергетическим технологиям. Именно эти технологии в условиях после распада СССР становятся главной материальной основой геополитики XXI века: поиск и обретение Россией места между двумя сформировавшимися и господствующими цивилизациями — американско-западноевропейской, основанной на индивидуализме, и азиатско-тихоокеанской, основанной на коллективизме.

Имеет много наград (орденов и медалей), фронтовых и послевоенных.

Кандидат физико-математических наук. Когда появилась потребность в глубокой разработке проблем экономики и права ядерной энергетики, взялся за это и в 1968 году блестяще защитил докторскую диссертацию на соответствующую тему, доктор экономических наук, профессор. В течение ряда последних десятилетий преподает в Московском государственном техническом университете имени Н.Э. Баумана и Московском энергетическом институте.

Член правления Российского ядерного общества. Член редколлегии научных журналов "Атомная энергия", "Атомная техника за рубежом", "Энергетическое строительство". Автор многих научных и научно-публицистических статей в журналах и газетах, нескольких книг, в том числе "Биография атома", "Экономика ядерной энергетики", "Размещение энергетических объектов".

Выезжал в научные командировки, на международные конгрессы, симпозиумы, встречи и по специальным заданиям государственных органов СССР и Российской Федерации в США, Францию, Англию, Канаду, Грецию, Финляндию, Норвегию, Швецию, Данию, Германию, Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Монголию и многие другие страны.

Участвовал в разработках ряда законов, связанных с ядерной энергетикой, на уровне Министерства по атомной энергии РФ и Государственной Думы Федерального Собрания России.

Избран академиком Нью-Йоркской академии наук (США). Включен в самое престижное издание США — огромный справочник "Кто есть кто в мире".

В ответ на вопрос нашей редакции, в какой степени в своей деятельности он сталкивался с проблемами права, и в частности международного права, Юрий Иванович Корякин ответил: "В постчернобыльских условиях, не имея до момента аварии в 1986 году практически никакой национальной базы по ядерной проблематике и почти не участвуя в международной ядерной (атомной) юридической жизни (кроме участия в МАГАТЭ и выполнения его нормативно-юридических требований), Россия столкнулась с необходимостью заполнения этого большого пробела.

В той или иной степени осуществлялось и мое участие в этом процессе. А вообще можно сказать, что база ядерного права, включая национальное и международное, к которому Россия приобщилась, в стране теперь есть. Предстоит еще огромная работа в этих направлениях, так как и в России, и в мире ядерная (атомная) энергия стала общественной проблемой, решение и развитие которой без юридического оконтуривания невозможно”.

**КУРДЮКОВ
ГЕННАДИЙ ИРИНАРХОВИЧ**
(Казань)

Профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права Казанского государственного университета (Татарстан), член редакционного совета “Московского журнала международного права”.

Родился 23 июля 1940 г. в г. Еманжелинске Челябинской области. В 1963 году окончил юридический факультет Казанского государственного университета и был направлен на работу в органы прокуратуры Казани.

В 1965 году по конкурсу избран преподавателем юридического факультета Казанского государственного университета и прошел все этапы этой деятельности: ассистент — старший преподаватель — доцент — профессор.

В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию (в Свердловском юридическом институте), а в 1984 году — докторскую (в Ленинградском государственном университете), посвященную правовому статусу государств и роли правового регулирования межгосударственных отношений. Научным руководителем был профессор Д.И. Фельдман, основавший казанскую школу международного права. Г.И. Курдюков в 1987 году получил звание профессора, а в 1991-м был избран заведующим кафедрой государственного и международного права.

Автор более 50 научных и учебно-методических исследований по проблемам международного права и теории государства и права. Среди них можно назвать следующие, в том числе опубликованные в соавторстве: "Международная правосубъектность" (М., 1971 г.), "Признание в современном международном праве" (М., 1975 г.), "Государства в системе международно-правового регулирования" (Казань, 1979 г.), "Методологические проблемы теории государства и права" (Казань, 1980 г.), "Вопросы универсальности и эффективности международного права" (Свердловск, 1981 г.), "Советская Конституция и международное право" (Казань, 1981 г.), "Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения" (Свердловск, 1984 г.), "Международное право и современность" (Тбилиси, 1984 г.), "Методология исследования теоретических проблем международного права" (Казань, 1986 г.), "Исполнение международных договоров СССР. Вопросы теории и практики" (Свердловск, 1986 г.), "Международное право и советское законодательство" (Казань, 1981 г.), "Федерализм — глобальные и российские измерения" (Казань, 1993 г.), "ООН: настоящее и будущее" (Казань, 1996 г.), "Правовой статус Республики Татарстан" (Казань, 1996 г.), "Основные тенденции развития международной правосубъектности" (Казань, 1974 г.).

Все научные стажировки проходил на кафедре международного права Московского государственного университета. Участвовал в работе многих международных, союзных и республиканских конференций. Заслуженный деятель науки Республики Татарстан. Член Российской ассоциации международного права и ее Исполкома.

Он благодарен друзьям, учителям, коллегам старшего поколения, которые помогли в профессиональной деятельности. Это Д.И. Фельдман, Г.В. Игнатенко, И.И. Лукашук, С.А. Калинин, Г.И. Тункин, А.П. Мовчан, Н.В. Захарова, Е.А. Шибаева, Ю.Я. Баскин.

Кафедра государственного и международного права под руководством Г.И. Курдюкова поддерживает связи со многими вузами РФ, СНГ и иностранных государств. На юридическом факультете действует совет по защите кандидатских диссертаций по международному праву, единственный на пространстве от Москвы до Владивостока.

На вопрос редакции о планах и перспективах развития преподавания международного права в Казани Г.И. Курдюков ответил: "Планируем издать свои учебники по международному праву, чего ранее никогда не было. В науке международного права необходимо более детально разработать концепцию федерализма и международного права, обратить внимание на правосубъектность членов Российской Федерации. И последнее: следует уйти от деклараций в сфере реализации международного права, особенно на уровне российском".

**ЛИТОВЧЕНКО
ОЛЕГ ИВАНОВИЧ**
(Саратов)

Доцент кафедры конституционного и международного права, заместитель директора Института российского и международного права Саратовской государственной академии права.

Родился в Одессе в 1938 году. Окончил юридический факультет Казанского государственного университета в 1961 году. Учился в аспирантуре в Саратовском юридическом институте и Киевском государственном университете. Кандидатскую диссертацию по проблеме теории международных экономических договоров защитил в Киевском государственном университете. Своими учителями считает Д.И. Фельдмана и И.И. Лукашука. Опубликовал около 50 научных работ. Среди них значительное число статей и брошюр. Научным интересом и по сей день является теория и практика международных экономических договоров, а также изучение прав человека.

В 1980—1985-м и 1990—1991 годах преподавал в университете г. Антананариву (Демократическая Республика Мадагаскар). Читал там курсы лекций по конституционному и международному праву, а также об основных правовых системах мира.

С 1994 года является членом Российской ассоциации международного права.

Участвовал во многих международных научных конференциях в Советском Союзе, на Мадагаскаре, а теперь и в России, в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Киеве. Эти конференции проводились также по линии Международного комитета Красного Креста и Совета Европы, что и определило его активные занятия соответствующей тематикой. В частности, проблемы Совета Европы из стадии теоретических разработок превратились для него в реальную программу действий. В настоящее время он занят осуществлением этой программы уже как член правления Российской ассоциации содействия Совету Европы.

В ответ на вопрос редакции, какое практическое значение имеет вхождение России в Совет Европы, О.И. Литовченко ска-

зал: “Да, Россия вступила в Совет Европы в качестве его полноправного члена и подписала все его конвенции и дополнительные протоколы к ним. Теперь предстоит их ратификация в российском Федеральном Собрании.

Однако не стоит строить иллюзий в связи с предстоящей ратификацией, не надо думать, например, что органы Совета Европы станут высшей инстанцией для российских граждан, которые захотят туда обращаться в связи с защитой прав человека.

Защита прав человека — это прежде всего наше внутреннее дело. Мы должны действовать так, чтобы не допускать каких-либо обращений за пределы нашей страны. Ну а на Страсбургский суд — на Суд Совета Европы надо смотреть всего лишь как на вспомогательный орган. Его механизм — это всего лишь вспомогательный механизм.

Сейчас мы предпринимаем попытку создать центр информации Совета Европы для всего Поволжского региона. Он в определенной степени поможет нам заниматься защитой прав человека изнутри страны. Этими проблемами нам следует заниматься самим и не надеяться ни на Страсбург, ни на Гаагу, ни на Вашингтон”.

**ЛОБАНОВ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
(Москва)

Родился 3 мая 1969 г. в г. Ивано-Франковске. В 1991 году окончил военно-юридический факультет Военного института в Москве. В мае 1997 года защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему “Уголовное делопроизводство по делам о военных преступлениях (международно-правовые аспекты)”.

В настоящее время является старшим преподавателем кафедры государственного и международного права Военного университета Российской Федерации.

Опубликовал ряд статей в журналах “Государство и право” и “Ориентир” (военный журнал, выходящий в издательстве “Красная

звезда"). Разрабатывал методические рекомендации и программы. Пишет книгу "Международный уголовный процесс".

Принимал участие в конференции "Армия и общество", проводившейся в июле 1997 года в Москве в Центре непрерывного образования, где активно излагали свои точки зрения несколько представительниц Общества солдатских матерей. С.А. Лобанов выступал там с докладом и опубликовал об этой конференции отчет в № 11 журнала "Государство и право" за 1997 год.

Участвовал также в организованном Международным комитетом Красного Креста (МККК) международном семинаре по международному гуманитарному праву в ноябре 1997 года в пос. Снегири Московской области.

В ответ на вопрос редакции о том, какое значение имеет знание международного гуманитарного права для военнослужащих, С.А. Лобанов сказал: "В связи с изучением военнослужащими международного гуманитарного права мне бы хотелось выделить два момента. В п. 4 ст. 15 Конституции четко сказано о включении международного права в систему внутреннего права и о приоритете международного права перед внутренним правом. Военнослужащий должен знать права человека и знать, что в соответствии с международным правом любой гражданин может обратиться за защитой своих прав в международную инстанцию, если эта защита по внутреннему праву уже исчерпана. В первую очередь речь идет о Европейском суде по правам человека. Это первый момент.

А второй момент состоит в том, что военные должны знать международное гуманитарное право, уметь на практике применять его нормы. А для этого их необходимо изучать".

**МИХАЙЛОВ
КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ**
(Москва)

Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посол по особым поручениям, генерал-лейтенант.

Родился в октябре 1924 года под Волоколамском в семье рабочего московской табачной фабрики "Дукат". Жил, учился и рос в Москве на Красной Пресне.

В декабре 1942 года был призван в армию и направлен на учебу в 3-е Ленинградское артиллерийское училище (г. Кострома). После его окончания началась служба офицера-артиллериста в действующей армии.

В последующем служил в артиллерийских частях Белорусского, Московского и Приволжского военных округов. После сдачи экзаменов за полный курс Рязанского артиллерийского училища в 1953 году поступил в Военную академию им. М.В. Фрунзе. По ее окончании в 1956 году проходил службу в штабах дивизий, в том числе Таманской, штабе Московского военного округа и Главного оперативного управления Генерального штаба. Окончил Высшие академические курсы при Артиллерийской академии и Академии Генерального штаба.

В соответствии с должностными обязанностями занимался вопросами оперативного и стратегического планирования, оперативной и боевой подготовкой штабов и войск. Значительное место в его деятельности занимали вопросы сотрудничества и взаимодействия со странами — членами Организации Варшавского договора, а также проблемы военно-технического сотрудничества с некоторыми африканскими странами.

До августа 1986 года работал в Договорно-правовом управлении Генерального штаба.

С учетом должностных обязанностей и прямых поручений руководства, в том числе и в период службы в Главном оперативном управлении, наряду с решением других задач участвовал в международных переговорах по вопросам разоружения и контроля над вооружениями, обеспечения безопасности.

В составе советских делегаций участвовал в разработке хельсинкского Заключительного акта, в Белградской, Мадридской и Венской встречах, а также Хельсинкской (1992 г.) и Будапештской встречах СБСЕ, в переговорах по различным аспектам разоружения и контроля над вооружениями, проблемам передачи обычных вооружений и других форумах.

Это направление деятельности стало главным с переходом в августе 1986 года на работу в Министерство иностранных дел. В наиболее активной фазе переговорного процесса во второй половине 80 — первой половине 90-х годов работал заместителем, первым заместителем начальника Управления по ограничению вооружений и разоружению (с 1988 г. — в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла), а с 1992 года — в должности Посла по особым поручениям.

Значительное место в работе в последние годы занимают вопросы координации усилий стран СНГ на разоруженческом направлении. С 1992 года является полномочным представителем Российской Федерации в Совместной консультативной комиссии по вопросам разоружения Содружества.

Участвовал во многих международных конференциях, семинарах, встречах по проблемам безопасности и контроля над вооружениями, печатался в ряде изданий.

В ответ на вопрос редакции, как вписывается разоруженческая проблематика в международно-правовое поле, К.Ф. Михайлов сказал: "В своей работе считал и считаю крайне важным взаимодействие между различными ведомствами, вовлеченными в этот процесс, при выработке предложений и их реализации на переговорах, а также в период выполнения достигнутых на таких переговорах договоренностей. Значительную роль отвожу всесторонней экспертной оценке; эксперты должны стремиться к объективности, свободной от сиюминутных политических пристрастий, конъюнктурных групповых или видовых интересов. Важным считаю также соответствующее правовое обеспечение.

Разоружение и контроль над вооружениями, подкрепленные мерами укрепления доверия, считаю весомой составляющей обеспечения международной и национальной безопасности. Накопленный опыт, в том числе опыт последних лет, наглядно свидетельствует: сверхвооруженность, горы оружия не оправдывают возлагаемых на них надежд, тем более если их использование осуществляется без достаточных оснований. Такое использование безнравственно и бездарно.

Вместе с тем очевидно, что и в видимой перспективе вооруженные силы, вооружения сохраняют свое оборонное и стабилизирующее значение в сочетании с политическими, экономическими и социальными усилиями как в рамках международных отношений, так и внутри государства. Тот же опыт показывает, что бездеятельность и особенно волюнтаризм в принятии решений как в строительстве вооруженных сил, так и их использовании чрезвычайно опасны.

Нельзя, например, считать единственным сдерживающим фактором ядерное оружие и недооценивать значение хорошо подготовленных, вооруженных и мобильных обычных сил не только в интересах сдерживания, но и в обеспечении стабильности.

Субъективизм, застой, отсутствие способности к прогнозированию приводят к неоправданному разбуханию и использованию военной машины, росту военных затрат и, как следствие, экономическому и социальному подрыву государственного механизма, а значит, и политической стабильности".

**СПИВАКОВА
ТАТЬЯНА ИВАНОВНА**
(Москва)

Родилась в г. Энгельсе Саратовской области. В 1969 году окончила юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В 1973 году окончила аспирантуру Института государства и права АН СССР, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему "Проблемы предела действия национальной юрисдикции на дне Мирового океана в современном международном праве", и работала в Секторе международного морского, воздушного и космического права ИГП АН СССР до 1978 года. За это время ею была опубликована монография "Право и природные ресурсы прибрежных зон".

До 1992 года работала в ряде научно-исследовательских институтов системы Министерства рыбного хозяйства СССР, где возглавляла отдел международного права, в рамках которого шло правовое обеспечение интересов отрасли рыбного хозяйства.

С 1992 года — в Управлении международных связей Комитета Российской Федерации по рыболовству. В это время ею были разработаны проекты двусторонних и многосторонних договоров по обеспечению интересов Российской Федерации по сохранению и рациональному использованию биоресурсов Мирового океана. Эти проекты выносились на рассмотрение многосторонних конференций и двусторонних переговоров как в России, так и за рубежом, на которых шел поиск компромисса, взаимоприемлемых решений.

Достаточно назвать такие договоры нового поколения, как межправительственные соглашения в области рыбного хозяйства с Украиной, Исламской Республикой Иран, Конвенцию о сохранении запасов анадромных видов в северной части Тихого океана, Конвен-

цию о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря, договоры о сохранении и рациональном использовании биоресурсов Каспийского и Черного морей и многие другие.

В настоящее время является консультантом Правового управления Аппарата Совета Федерации, где особое внимание уделяется рассмотрению представляемых на ратификацию договоров в целях установления их соответствия нормам международного права, законодательству Российской Федерации и обеспечения интересов нашего государства.

Имеет около 50 печатных листов публикаций в журналах и других изданиях.

Является членом Исполкома Российской ассоциации морского права.

На вопрос редакции, каким ей видится будущее такой отрасли международного права, как право договоров, Т.И. Спивакова ответила:

“В ближайшие годы будут продолжаться прогрессивное развитие и кодификация норм международного права путем разработки и принятия универсальных договоров. Под эгидой уже действующих договоров такого рода будут разрабатываться и приниматься двусторонние и многосторонние соглашения, в первую очередь регионального характера. Практика последних свидетельствует, что региональный подход к решению проблем в современных условиях является наиболее эффективным. Именно на региональном уровне целесообразнее всего решать проблемы экологического и экономического плана. Государства одного региона, как правило, имеют длительный опыт сотрудничества, одинаковые интересы в сфере охраны окружающей среды, располагают смежными участками полезных ископаемых и т.п.

Расширяющееся сотрудничество потребует новых механизмов содействия его реализации — будут возникать новые международные организации и объединения таких организаций. Стремление к интеграции в различных сферах приведет к созданию новых организаций политико-экономического толка. Все больший интерес к международному сотрудничеству будут проявлять субъекты федераций и конфедераций. Появятся новые субъекты международного права. Подобный процесс обусловит появление новых норм, регулирующих договорную деятельность государств и совершенствование законодательной деятельности государств по имплементации действующих норм права договоров как для обеспечения собственных национальных интересов, так и интересов сотрудничества в целом”.

ХАЙТОВ
МУРАД ОВЕЗГЕЛЬДЫЕВИЧ
(Ашхабад)

Член Редакционного совета "Московского журнала международного права".

Родился в 1952 году. Окончил юридический факультет Туркменского государственного университета в 1974 году в Ашхабаде. В 1978—1981 годах обучался в аспирантуре, 1989—1992 годах — в докторантуре в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Туркменского государственного университета им. Махтумкули. В 1984—1985 годах находился на 10-месячной стажировке в Софийском университете, в 1996 году — в Институте восточноевропейского права Гамбургского университета.

Имеет около 70 опубликованных работ (монографии, книги, учебные пособия, статьи) по актуальным вопросам государственно-го строительства, теории и практики конституционного права ("Советское государство и право", 1991, № 9.; "Государство и право", 1992, № 8.; "Народный депутат", 1992, № 1.; там же, 1992, № 14.).

В настоящее время активно участвует в исследованиях по международному праву. С 1991 года — член Российской ассоциации международного права. Неоднократно выступал по проблемам международного коммерческого арбитража (Москва, январь 1994 г.), по правовым вопросам Каспийского моря (XXXVIII сессия ежегодного собрания Российской ассоциации международного права). Статья на эту тему опубликована в "Московском журнале международного права" (1995, № 4) и в журнале "Государство и право" (1995, № 8). Рассматривал проблемы имплементации норм международного права в национальном законодательстве на Международной научно-практической конференции "50 лет ООН и международное право" (см. также "Московский журнал международного права", 1996, № 1),

в дискуссии на первой в России региональной конференции Ассоциации международного права (сентябрь, 1997 г.).

Победитель конкурса по гуманитарным наукам среди ученых стран СНГ в 1992 году, обладатель американской премии Международного фонда Джорджа Сороса "Культурная инициатива" (г. Москва).

В ответ на вопрос редакции: "Какое значение имеет международное право для Туркменистана?" — М.О. Хаитов сказал: "Огромное. Путем применения норм международного права Туркменистан вступает в ряды цивилизованных стран, в ряды современного международного сообщества".

**ШАМСИЕВ
ХОЛИК РАХИМОВИЧ**
(Душанбе)

Родился 19 ноября 1964 г. в Ганчинском районе Республики Таджикистан, таджик. Кандидат юридических наук.

В 1989 году окончил дневное отделение юридического факультета Таджикского государственного университета и начал трудовую деятельность в качестве ассистента кафедры хозяйственного законодательства и трудового права (ныне кафедра предпринимательского и коммерческого права) под руководством профессора В.А. Ойгензихта.

В 1991 — 1993 годах — студент факультета государственных и правовых дисциплин Рейнского университета, г. Бонн, ФРГ. В 1993 году после успешной сдачи соответствующих экзаменов и публичной защиты работы магистра на тему "Применение иностранных императивных норм валютного контроля в рамках статьи VIII, раздел 2b, пункт 1 Соглашения о МВФ" получил степень магистра сравнительного правоведения.

С 1994 года продолжил работу в качестве ассистента кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского госуниверситета.

С 1996 года является соискателем центра правового регулирования международных экономических отношений Института государства и права Российской академии наук и занимается исследованием проблем международного и национального валютного права. Автор ряда публикаций по этим темам. Защитил в Институте государства и права РАН кандидатскую диссертацию по проблемам международного валютного права.

В ответ на вопрос редакции о том, каковы перспективы развития международного валютного права, Х.Р. Шамсиев ответил: “Международное валютное право, несомненно, будет признано самостоятельной отраслью международного права. При этом особое внимание будет обращаться на экстерриториальное применение различных национальных норм. Хочу обратить внимание на все возрастающую роль “новых азиатских тигров”, то есть тех азиатских государств — Японии, Южной Кореи, Тайваня, Китайской Народной Республики, — чей вес в международных экономических отношениях постоянно возрастает.

При этом та валюта, которая ныне считается малозначимой и малозаметной, будет постепенно становиться все более весомой. Это заставит обращаться к ней все чаще даже и Международный валютный фонд, как он это делает уже в отношении евровалюты. Думаю, что и международное соглашение о его учреждении тоже претерпит изменения.

И еще. Если говорить более конкретно, то и роль России в международной финансовой системе будет пересмотрена”.

Документы

**ПЕРВАЯ В РОССИИ РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И 40-Е ЮБИЛЕЙНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
(СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ)
Москва, 17—19 сентября 1997 г.**

**ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ МИРА —
ОТ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мне доставляет большое удовольствие приветствовать участников конференции Ассоциации международного права, объединяющей юридическую элиту многих стран мира.

Проведение конференции в Москве наглядно подтверждает естественный интерес юристов, дипломатов и политиков к нашей стране. Ведь за исторически короткий период Россия проделала огромный путь в направлении создания правового демократического государства.

Закрепленное Конституцией России новое государственное устройство базируется на принципе разделения властей. Политический плюрализм, верховенство закона, уважение прав человека и основных свобод постепенно превращаются в реальность российской жизни.

Наша внешняя политика сегодня нацелена на построение системы международных отношений многополюсного мира, в котором не должно быть доминирования какого-то одного центра силы. Россия считает, что мир XXI века должен опираться на силу права.

К сожалению, с таким подходом диссонируют все еще проявляющиеся попытки создания в Европе новых разделительных линий и рецидивы философии блокового мышления. Четко обозначились и новые вызовы международной безопасности. К ним прежде всего относятся международный терроризм и транснациональная «обычная» преступность, справиться с которыми можно лишь совместными усилиями.

Открывшиеся на рубеже веков перспективы укрепления сотрудничества государств создают и новые возможности для дальнейшего утверждения международного права в качестве одного из главных регуляторов международной жизни. Решению этих задач в значительной степени способствуют созданный в соответствии с рекомендациями Генеральной Ассамблеи ООН российский Национальный комитет по Десятилетию международного права ООН, Российская ассоциация международного права и другие объединения юристов. Нам вместе нужно добиваться того, чтобы уважение к международному праву и вытекающим из него обязательствам государств стало

нормой повседневной деятельности органов государственной власти, должностных лиц и всех граждан.

Желаю участникам конференции успешной работы.

Б.Н. ЕЛЬЦИН,
Президент Российской Федерации

16 сентября 1997 г.

ЭТАП В КОНСОЛИДАЦИИ СООБЩЕСТВА ЮРИСТОВ

Сердечно поздравляю вас с началом работы высокого форума — первой в России конференции Ассоциации международного права. Встреча ваша совпадает с 40-летним юбилеем деятельности Российской ассоциации международного права. Она знаменует собой новый этап в консолидации международного сообщества юристов — ученых и практиков — на благо стабильного и бесконфликтного развития межгосударственных отношений, на благо всех стран и народов.

Время ставит перед человечеством все новые и новые задачи, которые с каждым разом приобретают все более масштабный, общепланетарный характер.

Сегодня мы уже говорим не только о безопасности военной, но и безопасности экологической, энергетической, сырьевой, продовольственной и, конечно, гуманитарной.

Международное разделение труда, экономические, политические, гуманитарные и иные контакты пронизывают сегодня всю ткань межгосударственных отношений, которые упорядочены нормами международного права. Нормы эти ныне не может игнорировать ни одно государство. Для Российской Федерации они стали составной частью ее правовой системы.

В строгом соответствии с международным правом строится внешняя политика Российской Федерации. Международные договоры и соглашения России, содержащие современные международно-правовые принципы и нормы, обязательные к исполнению, ратифицируются российским парламентом. Международная деятельность палат Федерального Собрания, его рабочие контакты с парламентами других государств оказывают влияние на оздоровление международных отношений.

В центре всей нашей деятельности стоит человек с его повседневными нуждами, тревогами и надеждами, с его мыслями на пороге третьего тысячелетия. От того, насколько сбалансированной и адаптированной к интересам людей различных континентов будет международная правовая система, зависит устойчивое развитие человечества в новом тысячелетии, его уверенность в завтрашнем дне.

Российской ассоциации международного права — 40 лет. За этот период времени Ассоциация получила известность, приобрела вес и влияние. Юристы-международники России, других стран Содружества Независимых Государств совместно со своими коллегами из Европы, Америки, Азии,

Австралии и Африки много сделали для закрепления принципов неприменения силы в политике государств, гуманизма в международных отношениях, для утверждения достоинства и ценности человеческой личности.

В том, что в международном праве закрепились правила диалога в военной, экономической, политической, гуманитарной областях, корректных и взаимоуважительных межгосударственных отношений, есть и немалая заслуга участвующих в нынешнем форуме юристов-международников. Желаю участникам конференции успешной работы.

Творческих вам успехов, здоровья и благополучия вам и вашим семьям.

Е.С. Строев,
Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

ПРОВЕДЕНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ВЕСЬМА СИМВОЛИЧНО

Сердечно приветствую вас, участников конференции Ассоциации международного права, созываемой впервые со дня ее основания в 1973 году в нашей стране!

Проведение данной конференции в России в современный период весьма символично. Никогда еще парламент нашей страны не занимался вопросами международного права так обстоятельно и активно, как в последние годы.

Государственная Дума уделяет исключительное внимание соблюдению общепризнанных принципов и норм современного международного права и международных договоров России, исходя из того что они составляют часть ее правовой системы. Особое значение имеют договоры — конвенции Совета Европы, международные обязательства, принятые на себя Российской Федерацией в сфере защиты прав человека и основных свобод. Государственная Дума регулярно ратифицирует международные договоры.

Мы постоянно учитываем, чтобы положения принимаемых законов находились в полном соответствии с международным правом. Именно такой подход соответствует Конституции России, особенно тем ее положениям, которые направлены на признание примата международного права, что служит одним из факторов создания подлинно правового государства.

Нельзя не отметить, что решению этой задачи способствует также плодотворная деятельность Российской ассоциации международного права, объединяющей видных ученых и специалистов-международников и отмечающей в эти дни свое 40-летие.

От всей души желаю вам, дорогие коллеги и друзья, успешной работы вашей конференции, а нашим зарубежным гостям также самых ярких впечатлений во время пребывания в Москве в дни празднования ее 850-летия!

Г.Н. Селезнев,
Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания — парламента Российской Федерации

ОТ ИМЕНИ ЮСТИЦИИ

Участники конференции объединены одним-единственным желанием: видеть мир гармоничным, без войн, без насилия, мир, основанный на уважении к человеку.

Права человека — доктрина, получившая признание международного сообщества. Именно она питала и питает идеи, вошедшие в фонд международного права.

Позвольте от имени юстиции поприветствовать всех участников, всех тех, кто объединен одной идеей: видеть мир гармонии и прав человека. Права человека и юстиция неразрывно связаны.

Министерство, одним из руководителей которого я являюсь, озабочено одним: обеспечить надлежащие гарантии в сфере, где нет безразличия, — это сфера человеческих отношений. Они бесконечно разнообразны, и юстиция по своему статусу их защищает присущими ей методами. К ним относятся: разработка международных двусторонних договоров о правовой помощи по гражданским, семейным, уголовным делам. Мы оказываем помощь соотечественникам за рубежом. И это вполне логично, поскольку мир, в котором мы живем, открыт, и это благодаря признанию основополагающих ценностей права и доктрины прав человека. Человек открыт благодаря тому, что живет в открытом мире.

Мы возложили на себя сегодня одну серьезную обязанность: помочь тем людям, которые лишены свободы. Права заключенных — наша проблема. Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина “О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации” предусмотрена передача пенитенциарных учреждений под защиту юстиции.

Юстиция сегодня, пожалуй, самый большой радикал в системе органов защиты, — это ее обязанность. Мы проводим экспертизу всех проектов законов на предварительной стадии на соответствие главе II Конституции России: “Права и свободы человека и гражданина”, на соответствие стандартам международного уровня. Цель одна — сделать наше пространство правовым. Из этого мы исходим. Это цель нашей политики.

Нельзя не отметить еще одно серьезное направление защиты. Мы имеем 89 субъектов России. И граждане их должны обладать тем, что называют везде идеей равенства. Равенства прав, свобод, обязанностей. Суверенитет не панацея от принципа, он обязан содействовать реализации его, иначе граждане не равны. Мы делали и делаем то, что нам под силу. Мы проводим экспертизу актов всех субъектов России на соответствие конституционному статусу гражданина. Россия — страна уникальная. 89 субъектов приняли с момента становления суверенитета около 20 тыс. нормативных актов. Все они должны отвечать одному — быть актами, адекватными Конституции. Не все они касаются прав человека, но мы делаем все, чтобы соответствие стандартам было полным.

Л.Н. Завадская,
заместитель министра юстиции РФ,
государственный советник юстиции II класса

УВАЖЕНИЕ К ПРАВОВЫМ ЦЕННОСТЯМ

От имени международного неправительственного объединения «Союз юристов» сердечно приветствую участников первой в России конференции Ассоциации международного права. Проведение столь представительного международного форума в Москве свидетельствует о большом внимании мировой юридической общественности к тем экономическим, политическим, правовым реформам, которые проводятся в настоящее время в России, к ее целенаправленному стремлению интегрироваться в важнейшие мировые и европейские структуры. Внешнеполитическая концепция России все в большей степени опирается на общепризнанные принципы и нормы международного права. Событием огромной важности стало включение международного права в правовую систему Российской Федерации. В связи с этим роль международного права в практической деятельности всех российских государственных, общественных организаций, правоохранительных органов все более возрастает. Поэтому сегодня исключительно важными представляются усилия по формированию международно-правовой культуры российского общества. Особенно хотелось отметить тот факт, что конференция проводится в рамках программы мероприятий Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН. Это еще раз подтверждает, что в России создается атмосфера высокого внимания и уважения к международно-правовым ценностям, к их имплементации в национальную правовую систему.

Мы искренне рады приезду в Москву руководителей и членов Ассоциации международного права. Ассоциация вносит значительный вклад в развитие международно-правовой доктрины, совершенствование практики применения основных принципов и норм международного права. Нам известны заслуги Ассоциации по кодификации и прогрессивному развитию международного права. Многие плодотворные идеи, которые впервые рождались на конференциях и сессиях комитетов Ассоциации, затем были положены в основу важнейших международных конвенций.

Проведение конференции в России — это, конечно, международное признание заслуг и Российской ассоциации международного права, которая отмечает в этом году свое 40-летие. Российская ассоциация — одно из самых представительных и авторитетных объединений юристов-международников. Мы высоко ценим также усилия Ассоциации по укреплению сотрудничества с учеными и практикующими юристами из стран Содружества Независимых Государств, ее постоянное внимание к международно-правовым проблемам СНГ.

Программа конференции предусматривает обсуждение широкого круга актуальных проблем международного права. Однако необходимо особо выделить предстоящее обсуждение международно-правовых проблем, связанных с Содружеством Независимых Государств. Сейчас очень важно определиться с юридической природой СНГ, отметить пути повышения эффективности механизмов исполнения международных соглашений, принятых в рамках Содружества. В связи с 50-летием Всеобщей декларации прав человека наступающий год объявлен в России Годом прав человека.

Рассмотрение проблематики прав человека должно способствовать достойной встрече юбилейной даты. Трудно переоценить также значение проблем международного частного права, имея в виду принятие в ближайшем будущем третьей части Гражданского кодекса.

В заключение хотел бы пожелать участникам конференции творческих успехов и благополучия.

А.А. Требков,
председатель международного неправительственного
объединения "Союз юристов"

ПУСТЬ КРЕПНУТ СВЯЗИ РОССИИ С ПОСТОЯННЫМ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ

Примите самые сердечные поздравления Российской ассоциации международного права и Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН в связи с организацией этой исторической конференции.

Связи между Россией и Постоянным арбитражным судом

Установились тесные исторические связи России с Постоянным арбитражным судом (ПАС). Мы никогда не забудем, что это российский царь Николай II созвал Первую конференцию мира в Гааге в 1899 году и российская делегация на той конференции сыграла очень важную роль в создании ПАС. Именно российский юрист, профессор Федор Мартенс, бывший в то время юридическим советником Министерства иностранных дел в Петербурге, стал постоянной движущей силой в ходе подготовки конференции. Именно профессор Мартенс путешествовал по всей Европе, чтобы подготовить и Вторую конференцию мира в 1907 году, результатом которой стала новая Конвенция, которая усилила правовую основу ПАС.

Далее. Именно российский посол в Гааге 25 апреля 1994 г. на заседании административного совета ПАС объявил, что российское правительство по поручению президента Ельцина обратилось ко всем странам с предложением обсудить идею созыва Третьей конференции мира в 1999 году. Одна из целей этой конференции состояла бы в том, чтобы улучшить систему мирного урегулирования международных споров, включая ПАС. Российский посол в Гааге стал также одним из самых активных членов Руководящего комитета, который был учрежден для подготовки празднования 100-летия ПАС в 1999 году. Мы испытываем огромное удовлетворение в связи с тем, что правительства Российской Федерации и Нидерландов принимают участие в организации праздников в 1999 году в Гааге и Санкт-Петербурге, нацеленных на то, чтобы отметить 100-летие со времени проведения Конференции мира в 1899 году и учреждения ПАС, равно как подвести итоги Десятилетию международного права ООН. Поэтому, как видите, у России действительно имеются исторические связи с ПАС.

Поэтому мы считаем Россию одним из отцов-основателей ПАС. Мы надеемся, что Россия удовлетворена тем, как подрос ее ребенок. В своей истории у него были взлеты и падения. В настоящее время он переживает вторую молодость, период обновления.

Постоянный арбитражный суд

ПАС является интересной организацией. Он принимает резолюции по вопросам споров в спорах между государством—стороной в споре и негосударством — тоже стороной в споре и определяет, какие международные организации вовлечены в спор. Он предлагает сторонам спора воспользоваться преимуществами арбитражного производства, найти возможность уступить или найти какой-либо новый факт без некоторых ощутимых неудобств, свойственных обычному разрешению споров. Например:

— ПАС освобождает стороны и трибунал или комиссию от многих административных обязательств и предоставляет в их распоряжение все соответствующие удобства, имеющиеся во Дворце мира, включая одну из самых всеобъемлющих в мире библиотек по вопросам международного права;

— ПАС недавно принял современные правила процедуры для различных видов арбитражного процесса, для примирения и вскоре примет их для комиссий по поискам фактов;

— ПАС включает в свои списки самых выдающихся юристов-международников (профессор Колодкин — один из них), чьи имена опубликованы в ежегодном докладе ПАС; стороны спора, как известно, могут, но не обязаны выбирать членов трибунала или комиссий юристов из числа упомянутых в этом списке;

— ПАС оказывает финансовую помощь, направленную на оказание содействия развивающимся странам в их расходах, связанных с обсуждением протоколов и заключений суда.

Таким образом, ПАС предлагает сторонам все преимущества организации по улаживанию спора, но он избегает пороков, которые иногда свойственны подобным организациям, таких как высокий регистрационный сбор и нежелательное вмешательство в ход разбирательства. ПАС не берет регистрационных сборов со своих государств-членов, и правила процедуры ПАС являются гибкими и уважают автономность сторон.

Возрастание и применение международного права

Если Россия действительно удовлетворена тем, как развивается ее дитя — ПАС, то она должна понять, что это дитя, как и всякое иное, продолжает ожидать от своих родителей любви и поддержки. ПАС с глубоким удовлетворением отмечает, что созыв первой в России региональной конференции Ассоциации международного права является свидетельством того, что Россия глубоко привержена проблемам развития и применения международного права.

В этой связи ПАС надеется на более тесное сотрудничество с российским правительством и российскими юристами. Есть два действия, которые мы можем предпринять совместно. Первое — это побудить страны, входившие ранее в состав Советского Союза и не участвующие пока в

деятельности ПАС, объявить о том, что они считают себя продолжателями Советского Союза как стороны в Конвенции 1907 года о мирном урегулировании международных споров. Очень важно для этих стран вступить в ПАС вовремя, чтобы участвовать в качестве полноправных членов в мероприятиях, запланированных на 1999 год. Я надеюсь, что представители этих государств, которые присутствуют здесь, помогут достичь этой цели.

Другим очень важным действием, которое могли бы осуществить совместно российское правительство и ПАС, может стать поощрение включения в будущие двусторонние и многосторонние договоры, где возможно, ссылки на ПАС в статьи, касающиеся урегулирования споров.

Если российское правительство и ПАС совместно добьются успеха в существенном увеличении числа государств, которые станут участвовать в работе ПАС, и повысят эффективность статей по урегулированию споров в договорах, они тем самым внесут конкретный вклад в применение международного права и в осуществление программ Десятилетия международного права ООН.

Надеюсь, что одним из результатов этой конференции будет усиление сотрудничества между Россией и ПАС, основанного на их прочных исторических связях.

Ганс Йонкман,
генеральный секретарь
Постоянного арбитражного суда в Гааге

НАДО РАСПРОСТРАНЯТЬ ЗНАНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ

От имени Международного комитета Красного Креста (МККК) мне хотелось бы отметить, что мы считаем для себя большой честью принять участие в первой в России региональной конференции по международному праву по приглашению Российской ассоциации международного права и выразить удовлетворение по этому поводу.

МККК горячо приветствует эту конференцию, которая имеет важное значение и которая собрала представителей различных министерств Российской Федерации, членов неправительственных организаций, а также большое число научных работников и преподавателей высшей школы, чей неподдельный интерес к вопросам, связанным с правами человека и международным гуманитарным правом, хорошо известен.

После того как в 1992 году в Москве обосновалась региональная делегация МККК, наш Комитет установил и поддерживает тесные связи с научными и университетскими кругами, что на протяжении всего этого времени в высшей степени способствовало успеху деятельности МККК, направленной на распространение знаний и информации о международном гуманитарном праве и содействие его соблюдению. В связи с этим хотелось бы особо отметить то плодотворное сотрудничество, которое было налажено за последние несколько лет с Российской ассоциацией

международного права. Многие из вас, наверно, помнят участие Ханса-Петера Госсера — юридического советника штаб-квартиры МККК в Женеве, а в настоящее время главного редактора “Международного журнала Красного Креста” — в ежегодном собрании Ассоциации, которое состоялось в феврале 1996 года.

Эта конференция проходит в очень ответственный момент, когда отмечается ряд памятных дат, связанных с правами человека и международным гуманитарным правом.

Прежде всего, пожалуй, следует назвать полувековой юбилей Всеобщей декларации прав человека, которая была принята в 1940 году и которой, как я понимаю, на этой конференции будет посвящен ряд докладов. Упомянем также и двадцатую годовщину двух Дополнительных протоколов 1977 года к Женевским конвенциям.

Позвольте мне сказать несколько слов о международном гуманитарном праве, праве вооруженного конфликта — о том разделе международного права, который предназначен для ограничения насилия и защиты некоторых категорий лиц во время вооруженных конфликтов, как международных, так и немеждународных. Все мы прекрасно знаем, что право вооруженного конфликта очень часто нарушалось в вооруженных конфликтах, происходивших в последнее время во многих регионах планеты. Я хотела бы особо подчеркнуть две наиболее очевидные причины несоблюдения этого права: во-первых, явный недостаток знаний о международном гуманитарном праве и обязательствах, лежащих в его основе, который часто обнаруживают как представители властей, так и комбатанты воюющих сторон; во-вторых, отсутствие во многих случаях надлежащих мер по включению положений международного гуманитарного права во внутреннее законодательство государств; это приводит, в частности, к отсутствию в уголовном законодательстве норм, предусматривающих наказание и пресечение серьезных нарушений международного гуманитарного права.

Невозможно переоценить важность распространения знаний о гуманитарном праве, а также содействия включению соответствующих норм во внутригосударственное законодательство для обеспечения более строгого соблюдения гуманитарного права.

Поскольку вы являетесь представителями органов власти Российской Федерации и представителями научных кругов, служащими идеалам прав человека, ваша роль в выполнении положений международного гуманитарного права и распространении знаний о нем особенно велика.

Выполняя свою обязанность и в соответствии со своим международным мандатом хранителя гуманитарного права, МККК, как вы, вероятно, знаете, также проводил в последние годы работу по распространению знаний и информации о международном гуманитарном праве в Российской Федерации и других странах Содружества Независимых Государств. В рамках этой деятельности был осуществлен ряд программ, которые, при вашей активной поддержке, привлекли внимание к данной проблеме.

Вспомним некоторые мероприятия, которые мы провели в сотрудничестве с вами в прошлом году:

— во-первых, мне хотелось бы упомянуть состоявшийся в мае 1997 года визит в Москву Президента Международного комитета Красного Креста

та господина Корнелио Соммаруги. Впервые в истории Президент МККК в ходе официального визита в Россию встретился с представителями высших органов власти этой страны;

— во-вторых, отмечу ряд мероприятий по распространению знаний и информации о международном гуманитарном праве, проводившихся в этом году: несколько семинаров для руководства вооруженных сил, конференция по распространению знаний о международном гуманитарном праве, организованная в Казанском университете при содействии кафедры ЮНЕСКО при МГИМО, первый конкурс имени Мартенса по международному гуманитарному праву;

— наконец, следует сказать и о том, что в Российской Федерации и других странах СНГ положено начало программе, цель которой заключается в содействии принятию государствами мер по имплементации гуманитарного права. В рамках программы МККК создал Консультативную службу, отделы которой должны оказывать государствам помощь в этой работе.

МККК рассматривает предоставленную ему возможность участвовать в заседании, посвященном открытию конференции, как большую честь, и я хотела бы воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить нашу самую горячую благодарность Российской ассоциации международного права за приглашение участвовать в этой конференции.

В заключение позвольте пожелать всем участникам успеха в предстоящей работе и дискуссиях.

Элизабет Кнехт,
заместитель главы московской региональной делегации
Международного комитета Красного Креста (МККК)

РАСШИРЕНИЕ, ВЛИЯНИЕ, МНОГОГРАННОСТЬ

(Вступительная речь на открытии)

Я хотел бы от имени Ассоциации международного права (АМП) и ее президента выразить благодарность профессору Колодкину и его коллегам из Российского отделения за то, что они задумали и организовали эту конференцию в Москве. Мы очень рады присутствовать здесь. Все их усилия и заботы о том, чтобы конференция удалась, не будут потрачены впустую.

На конференции выявляются три черты, характерные для АМП: расширение ее деятельности, ее влияние и многогранность.

Что касается расширения ее деятельности, то стоит вспомнить, что с тех пор, как АМП была основана в 1873 году, она постоянно каждые два года проводила конференции — всего их было 67 — в различных городах мира, последние четыре были в Финляндии, Аргентине, Египте и Австралии, последующие состоятся на Тайване, в Лондоне и, я надеюсь, в Индии.

На этих конференциях собираются признанные в мире эксперты, которые в основном сосредоточивают свое внимание на работе комитетов, результатом чего часто являются важные публикации и проекты конвенций или сборников нормативных документов.

Недавно по их инициативе, но при согласовании с руководителем обучения и со мной мы провели три конференции между этими биенале — одну в Будапеште, одну в Тайбэе и сейчас проводим эту важную конференцию в Москве, которая уже оказала содействие в стимулировании предложения провести конференцию в 1999 году в Бразилии. Кроме того, конференции проходили в Чили, совместная с Американским обществом международного права — в Нидерландах. Определяющей частью нашей работы является расширение деятельности многих отделений.

Влияние АМП заметно не только по общему числу участников (около 250), но и по числу приехавших из-за границы на эту первую международную конференцию АМП в России. Мы счастливы приветствовать здесь более 50 человек из приблизительно 15 различных стран мира, не считая представителей из стран — бывших республик Советского Союза и представителей Международного комитета Красного Креста в Москве. Этот факт, в свою очередь, отражает рост Ассоциации в целом. В настоящее время мы имеем 50 отделений в различных государствах или регионах, признаны Эстонское, Гватемальское, Словенское отделения и отделения Тихоокеанских островов, приобрело независимость Новозеландское отделение, оживилась активность в Гонконге, где создано новое отделение. Кроме того, у нас есть еще одно отделение в Югославии. И под влиянием конференций, подобных этой, появятся и другие. Увеличится число членов, которое сейчас достигает 4300 человек. Я надеюсь, что после этой конференции в России численность Российского отделения значительно увеличится, что будет отражено в списке фамилий и адресов его членов.

Наша многогранность определяется двумя параметрами: спектром профессиональных интересов приезжающих и темами, которые мы обсуждаем. Основное ядро нашей Ассоциации составляют профессора международного права, и я не сомневаюсь, что они имеют более значительные и глубокие знания в этой сфере, чем остальные члены. Заметной чертой АМП является также наличие юристов, занимающихся частной практикой, которые сталкиваются с вопросами международного публичного права время от времени, но серьезно заинтересованных в предмете, многих юристов из государственных правовых служб или работников дипломатических служб и незначительного числа судей. Это разнообразие отражено сегодня здесь. Кроме того, я хотел бы видеть членами АМП в большем количестве студентов-юристов.

Но лучше всего наша многогранность проявляется в предмете, который мы обсуждаем. Мы продвигались от Йоркско-Антверпенских правил общего равенства, разработанных впервые в 1877 году, через Гаагские правила 1921 года к другим появляющимся время от времени важным вопросам. Достаточно только отметить наши нормы международного права, применяемого к международному терроризму, к международному уголовному суду, к уважению прав человека во время чрезвычайного положения, к использованию вод международных рек. Глядя на названия

наших комитетов, можно увидеть акцент на жизненных темах: международное валютное право, регулирование ценных бумаг, региональное экономическое развитие и торговое право. Что касается окружающей среды, мы изучаем водные ресурсы, устойчивое развитие, право наследования и юрисдикцию прибрежных территорий над загрязненной морской средой. На политическом уровне проходили обсуждения процедуры беженцев, международного права прав человека, контроля за вооружением и разоружением, экстрадиции перемещенных лиц и правопреемства. Участие профессора Покровского, директора Института морского права известной академии Санкт-Петербурга, показывает наш интерес к вопросам морского права. Кроме того, я очень рад, что профессор Жули Далиц организовала открытую встречу своего комитета во время конференции.

Темы сегодня отражают это разнообразие и многогранность. На многих сессиях поднимались вопросы, имеющие отношение к россиянам: смертная казнь и права человека, терроризм и контроль за ним, загрязнение моря, защита побережий вооруженными силами.

Однако мы должны помнить наше правило, что мы находимся здесь, чтобы обсуждать правовые принципы и правила, а не комментировать конкретные сложившиеся ситуации, как бы эмоционально люди сегодня к ним ни относились. Наша задача — не защищать позиции или нападать на них — на позиции, занятые государствами по соответствующему вопросу, а рассматривать принципы: разъяснять и продвигать международное право, как частное, так и публичное, изучать сравнительное право (растущая необходимость) и делать предложения по развитию и унификации права. Ни одна из категорий вышеназванных юристов не может себе позволить не быть членом АМП.

В России, в частности, имеется множество замечательных юристов в сфере международного права. Они работают и в Международном Суде, и в Институте государства и права, который я имел честь посетить с делегацией Европейского суда около десяти лет назад и еще раз не так давно, и в ее университетах. Все мы высоко ценили присутствие на наших встречах в течение длительного времени профессора Тункина. Профессор Коллодкин, к которому перешла мантия, проявил большую активность как новый президент, присутствуя на встречах Исполнительного комитета, предложив и организовав эту конференцию. Мы рады принимать Россию в его лице на наших встречах. Мы благодарны за все, что он и его коллеги сделали, особенно для этой конференции, которую я имею честь объявить открытой. И я прошу его от лица его отделения принять копию протокола заседаний нашей встречи в прошлом году в Хельсинки и новый список адресов членов АМП на 1997 год.

Лорд Слин оф Хэдли,
председатель Исполнительного совета
Ассоциации международного права,
член Верховного Суда Великобритании

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИИ

Quod omnis tangit, ab omnibus debet supportari.

(То, что касается всех, должно всеми и поддерживаться. — лат.)

Формирование международно-правовой концепции России происходит в сложных национальных и интернациональных условиях. Идет процесс определения основ внутренней и внешней политики государства в существенно изменившейся исторической обстановке. Процесс осложнен серьезными экономическими, политическими и иными проблемами в жизни страны. Этим определяется гипертрофированное преобладание внутренней политики над политикой внешней.

В результате во имя обеспечения поддержки внешней политики со стороны общества подготовленная Министерством иностранных дел РФ в 1993 году "Концепция внешней политики Российской Федерации" концентрирует внимание на обеспечении национальных интересов без должного внимания к интернациональным интересам. Между тем сегодня даже могучая держава не в состоянии в одиночку, без сотрудничества с другими государствами защитить свои национальные интересы. Национальные интересы государств прочно связаны с их общими интересами, с интересами международного сообщества в целом.

Для России разработка отвечающей требованиям современности концепции внешней политики имеет особое значение. Она не может позволить себе того, что произошло с Великобританией, о которой Д. Ачесон в свое время сказал, что, потеряв империю, она так и не смогла определить свою роль в мире. Произошедшие изменения настолько существенны, что требуют и от других стран разработки концептуальных основ новых отношений с Россией.

При формировании международно-правовой концепции России необходимо учитывать и те существенные изменения, которые произошли в международном праве. Идет процесс становления права международного сообщества, отличительной чертой которого является повышенное внимание к обеспечению интересов международного сообщества в целом.

Значительны изменения в механизме создания норм общего международного права. Они создаются международным сообществом государств в целом, то есть достаточно представительным большинством государств. Появились обязательства *erga omnes*, в отношении которых все государства обладают правом на участие в обеспечении их уважения. Есть основания полагать, что в ближайшем будущем утвердятся нечто подобное *actio popularis*. На первых порах вытекающие из этого института права будут осуществляться ООН по инициативе ее членов.

Заслуживает внимания совершенствование механизма реализации норм международного права как на интернациональном, так и особенно на национальном уровне. Существенно углубилось взаимодействие международного и национального права, без чего невозможно нормальное функционирование как того, так и другого.

Исключительно велико значение происходящего утверждения в международном праве принципа демократии, в соответствии с которым лишь

государство, отвечающее общепринятым стандартам демократии, может быть полноправным членом международного сообщества. В этом плане будет пониматься положение Устава ООН, в соответствии с которым прием в члены Организации открыт для всех миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в Уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять (см. ст. 4 п. 1).

Задача формирования современной международно-правовой концепции стоит и перед другими странами. Существенную роль в разработке модельной концепции могло бы сыграть сотрудничество юристов в рамках Программы Десятилетия международного права ООН. Учрежденный Президентом России Национальный комитет по Десятилетию международного права ООН уже предпринял ряд шагов, имеющих значение для формирования международно-правовой концепции страны.

Основы международно-правовой концепции России заложены ее Конституцией, которая по своему характеру представляет собой конституцию члена международного сообщества. Народ принял ее, "сознавая себя частью мирового сообщества".

В Конституции России нашла выражение общая тенденция развития конституционного права государств — рост числа одинаковых положений, несмотря на все многообразие государственно-правовых систем. В первую очередь это относится к демократическим стандартам, к правам человека, а также к статусу международного права в правовой системе страны. В этом видится проявление определенной интеграции конституционного и международного права при растущей роли последнего.

В соответствии с общей концепцией демократического, правового государства Конституция определила статус международного права.

Конституция предусматривает не только национальные, но и международные гарантии прав человека.

Россия добивается уважения прав человека и другими государствами, в том числе и в отношении своих граждан. Конституция предусматривает право на дипломатическую защиту. Согласно утвержденному Президентом документу "Основные положения военной доктрины Российской Федерации", допустимо применение военной силы в случае нападения на граждан России. Но это относится не к дипломатической защите, а к самообороне.

В законодательстве России нашел отражение и принцип неприменения силы. Закон об обороне 1996 года установил, что Вооруженные Силы предназначены только для отражения агрессии, для защиты целостности, неприкосновенности территории страны, а также для выполнения задач в соответствии с международными договорами. В понятие "отражение агрессии" Закон включает и непосредственную угрозу России, что не вполне соответствует Уставу ООН. В отличие от Закона, Основные положения военной доктрины не предусматривают возможности применения вооруженной силы в случае угрозы безопасности.

Военная доктрина предусматривает, что Россия не применит ядерное оружие против любого государства—участника Договора о нераспространении ядерного оружия, таким оружием не обладающего. В отличие от аналогичной позиции США, не упомянуты государства, не участвующие в

Договоре о нераспространении, но иным путем взявшие на себя обязательства не приобретать ядерные взрывные устройства. Думается, что это положение подразумевается.

Военная доктрина предусматривает следующие исключения из правила неприменения ядерного оружия против неядерного государства: 1) вооруженное нападение неядерного государства на Россию или ее союзников, если это государство связано союзным договором с ядерным государством; 2) совместные действия неядерного государства с ядерным государством в осуществлении вооруженного нападения на Россию или ее союзников. Второй случай отличается от первого тем, что речь идет о юридически не оформленном, то есть о фактическом союзе.

В целом позиция России в отношении применения ядерного оружия аналогична позиции США и Англии и не противоречит международному праву. Как известно, Международный Суд пришел к выводу, что ни в обычном, ни в договорном международном праве нет какого-либо полного запрещения угрозы или применения ядерного оружия как такового.

О значении, придаваемом Россией участию в миротворческих операциях, говорит сам факт принятия специального закона — “Закона о порядке предоставления РФ военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности” (1995 г.). Предоставление Вооруженных Сил для участия в принудительных действиях вне территории России должно осуществляться на основе ратифицированного договора и постановления Совета Федерации в каждом случае. Вопрос об участии Вооруженных Сил в миротворческих операциях отнесен к компетенции исполнительной власти.

Принципы территориальной целостности, равноправия и самоопределения отражены в ряде положений Конституции (преамбула, ст. 4, 5, 13). Принцип самоопределения сыграл важную роль в ликвидации колониальной системы. В новых условиях он приобрел несколько иную направленность. Его задача — обеспечить права народов и национальностей в пределах сложившихся государств. В результате расширилась сфера его действия, охватив все государства.

Принцип равноправия и самоопределения, взаимодействуя с принципом демократии, утверждает право всех народов свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы. С учетом принципа территориальной целостности можно утверждать: если государство обеспечивает народу право на самоопределение, то есть право самому определять свою политическую, экономическую, социальную систему, гарантирует всему населению общепризнанные права и свободы, то расчленение такого государства по воле того или иного меньшинства является противоправным.

Согласно Пактам о правах человека, “все народы имеют право на самоопределение”. Что же касается этнических, религиозных и языковых меньшинств, то им не может быть отказано в праве пользоваться своей культурой, своим языком, а также исповедовать свою религию.

Поскольку Российское государство основано на принципе равноправия и самоопределения народов и в нем гарантированы права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международ-

ного права, постольку самоопределение национальных групп может быть оправданным лишь в рамках федерации.

Международно-правовая концепция должна формироваться с учетом будущего, в условиях которого она будет реализовываться. Ускорение темпов исторического развития приближает будущее, упрочивает его связь с современностью. В результате как никогда остро ощущается потребность в развитии международно-правового прогнозирования.

Президент Б.Н. Ельцин заявил: "Наше желание участвовать в построении нового международного порядка в европейском и глобальном масштабе остается неизменным". Международный порядок XXI века будет порядком демократического, правового сообщества. Центр тяжести переместится на обеспечение интересов международного сообщества в целом. Наступает наиболее сложный этап социализации — этап осознания человеком связи своих интересов с интересами всего человечества, понимания единства судеб всего населения Земли. Государства должны сознать свой статус члена международного сообщества и вытекающую из этого ответственность.

Основным элементом международной системы останется государство. Вместе с тем возрастают объем и значение международных связей с участием индивидов, компаний и административно-территориальных образований, входящих в состав государств. Эта тенденция является закономерной, но порождает немало проблем. Их предстоит урегулировать на международном уровне. Весьма полезен в этом плане опыт Маастрихтских соглашений.

Продолжится рост роли международных организаций и их полномочий. Возрастет значение резолюций организаций как актов коллективной легитимации. Им будет принадлежать основная роль в формировании коллективного представления о правомерном поведении государств, ситуаций и даже политических режимов. Соответственно активизируется и функция делегитимации.

Роль международной "конституции" сохранится за Уставом ООН, обнаруживающим немалую способность адаптации к новым условиям. Нельзя признать обоснованными призывы к минимизации роли ООН, к ограничению ее функций тем, что "у нее лучше получается". Есть основания полагать, что наконец сбудутся слова государственного секретаря США Корделла Хелла, который при основании ООН заявил: "Больше не будет потребности в сферах влияния, союзах, равновесии сил или любых иных специальных соглашениях, при помощи которых в несчастливом прошлом государства стремились обеспечить свою безопасность и свои интересы".

Положение ООН упрочится. Возрастет ее роль в решении глобальных проблем. Станут более эффективными положения Устава о полномочиях Совета Безопасности. Его резолюции в необходимых случаях станут выполнять функции соглашений о перемирии и даже мирных договоров. Совет сохранит свою монополию в отношении применения силы.

Возрастет роль Международного Суда, который будет решать споры и с участием международных организаций. Будет учрежден Международный уголовный суд. Весьма реально учреждение в рамках ООН Суда по правам человека.

Рост роли ООН вступает в определенное противоречие с тем, что она остается не столько межгосударственной, сколько межправительственной организацией. Поэтому встанет вопрос об учреждении Парламентской ассамблеи ООН.

Окончательно сформируется такая важная отрасль, как право международной ответственности.

Получат еще более широкое распространение неправовые, политические обязательства в форме резолюций международных конференций и таких организаций, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Создаваемые такими актами правила поведения будут осуществлять значительный объем регулирования международных отношений. Углубится их взаимодействие с международным правом. Они будут готовить почву для новых норм этого права, делегитимизировать устаревшие нормы, служить инструментами реализации правовых норм.

Новый международный правопорядок будет характеризоваться не только демократизмом, но и высоким моральным уровнем. Он будет справедливым, обеспечит социальную справедливость всем народам. Одним из проявлений этой тенденции является концепция права устойчивого (sustainable) развития.

Может показаться, что изложенный прогноз является слишком оптимистичным. Следует, однако, учитывать, что речь идет о самоорганизующемся прогнозе, то есть о таком, который призван мобилизовать усилия во имя реализации желаемой модели будущего.

Для реализации подобного прогноза потребуется широкая поддержка общественности, широких слоев населения. К сожалению, международно-правовая культура не только широких слоев населения, но и юристов-практиков остается на крайне низком уровне. Регулярные призывы Генеральной Ассамблеи ООН к изучению и распространению международно-правовых знаний пока не дали ощутимых результатов. Поэтому крайне важно в рамках Программы Десятилетия международного права ООН разработать достаточно эффективные меры для достижения цели. Опыт Национального комитета России показывает, что проблема решаема.

И.И. Лукашук,
профессор, доктор юридических наук

РОССИЯ И ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Почти 50 лет назад, 10 декабря 1948 г., Генеральная Ассамблея ООН в торжественной обстановке приняла Всеобщую декларацию прав человека. С тех пор эта дата ежегодно отмечается во всем мире как День прав человека.

Принятие Всеобщей декларации прав человека — документа, впервые закрепившего перечень основных прав и свобод личности, — стало важным этапом в развитии международных отношений. Вместе с тем разработка и претворение в жизнь самой Декларации выявили некоторые характерные

тенденции в политике различных стран мира, касающихся прав человека. Сама же Декларация с каждым годом оказывает все большее влияние на становление и развитие общепризнанных принципов и норм международного права, на национальное законодательство в области прав человека и практику его применения. Не обошло стороной это влияние и Российскую Федерацию.

Пятьдесят лет — сравнительно короткий исторический срок, однако и он дает достаточные основания, чтобы подвести некоторые итоги развития сотрудничества государств в области прав человека, оценить влияние Декларации на этот процесс и поразмыслить о его перспективах.

* * *

Разработка Всеобщей декларации прав человека проходила в сложной дипломатической борьбе, а ее принятие было итогом рассмотрения и сопоставления различных мнений и точек зрения.

Позиция западных держав опиралась на Французскую декларацию прав человека и гражданина 1789 года, Конституцию США 1787 года и другие законодательные акты, провозгласившие естественный характер основных прав и свобод человека, которые принадлежат каждому с момента рождения. Эти документы содержали в основном перечень гражданских и политических прав. Поэтому западные страны первоначально возражали против включения в проект разрабатываемого документа социально-экономических прав.

В своих выступлениях при разработке и принятии Всеобщей декларации советская делегация неоднократно ссылалась на Конституцию СССР 1936 года и настаивала на включение в проект документа широкого перечня социальных и экономических прав, а также статей, посвященных вопросу о праве каждого народа и каждой нации на самоопределение, о равенстве прав каждого народа и каждой национальности в пределах государств. В то же время Советский Союз абсолютизировал принцип суверенитета государств и возражал против включения во Всеобщую декларацию ряда гражданских прав, как, например, право каждого свободно покидать свою страну и возвращаться обратно.

При обсуждении вопроса о праве каждого человека на собственность также проявился кардинально различный подход государств, принадлежащих к различным общественным системам, к его решению. Советский Союз и другие социалистические страны выступили против статьи 17 Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей право каждого “владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими”. Они считали, что эта статья фактически признает право на частную собственность, которая, по их мнению, является основой эксплуатации и несовместима со свободой и равенством людей.

Отвергая эти и другие предложения западных стран, глава советской делегации на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН А.Я. Вышинский заявил: “Все эти фразы и формулы эпохи французской революции, эпохи американской революции и английской революции XVII века сейчас уже поблекли, потому что живая жизнь показала, что за этими звонкими

формулировками скрывается жестокая действительность, разрушающая фетиши и иллюзии" (Вышинский А.Я. "Вопросы международного права и международной политики". — М., 1950. — С. 370).

Позиция Советского Союза определялась не только Конституцией СССР 1936 года и основными законодательными актами страны, но и идеологическими соображениями, а также так называемым классовым подходом к решению обсуждаемых проблем. Советский Союз стремился продемонстрировать преимущества социалистического строя, предостеречь развивающиеся страны от капиталистического пути развития, убедить все народы мира, что только социализм в состоянии обеспечить основные права и свободы человека, привести международное сообщество к миру и прогрессу.

Позиция западных стран также во многом определялась идеологическими соображениями, хотя они не играли доминирующей роли.

Советский Союз выступал против признания естественного характера прав человека, принадлежащих каждому от природы, с момента рождения, против того, что задача государства состоит в защите этих естественных прав и недопущении их нарушений. В то время подход СССР носил позитивистский характер. Он состоял в признании того, что свои права каждый человек получает исключительно от государства, которое по своему усмотрению закрепляет их в законодательстве.

Во Всеобщей декларации говорится о таких категориях, как «свобода», «справедливость», «принципы справедливости», «политический, экономический и социальный прогресс», «равноправие и равенство», и т.д. Они являются основой законодательства любого общества, даже такого, которое на практике отвергает их.

Советский Союз считал, что нет свободы вообще, так же как и равенства в демократии вообще. «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, — писал В.И. Ленин, — то ясно, что нельзя говорить о чистой демократии, пока существуют различные классы, а можно говорить только о классовой демократии» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 271). Для Советского Союза признание частной собственности означало эксплуатацию и отрицание свободы и равенства. Именно В.И. Ленин называл ложью и лицемерием буржуазного общества провозглашение свободы и равенства и одновременное увековечение частной собственности на средства производства. Высшее проявление свободы, подчеркивалось в Программе КПСС, — это «освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость» (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. — М., 1962. — Т. 3. — С. 238). Основоположники марксизма считали, что классовый характер имеют не только гражданские и политические, но и социально-экономические и культурные права. По вопросу об образовании, например, В.И. Ленин писал, что школа не может быть вне политики. Цель образования в капиталистическом мире, подчеркивал В.И. Ленин, сводится к тому, чтобы «напасткивать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли... капитала» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 431).

Несмотря на принципиально различную оценку и трактовку важнейших социально-политических категорий, государства—члены ООН разработа-

ли Всеобщую декларацию прав человека, а затем приняли ее. Каким же образом им удалось достигнуть согласия по этим вопросам? При разработке и принятии Всеобщей декларации, как и многих других документов в области прав человека, государства с различными общественными системами сознательно не уточняли содержание многих обсуждаемых понятий и не давали им классовых определений. Они исходили из того, что существуют взаимопримлемые оценки таких понятий, как «демократия», «права и свободы человека», «социальный прогресс» и другие, подчеркивающие наиболее общие черты этих категорий. Обсуждаемые понятия трактовались с различных позиций, однако в их определение вкладывался и общедемократический, и общечеловеческий смысл, приемлемый для всех. В то же время в законодательстве государств эти понятия странами — участницами международного сообщества трактовались с иных позиций.

Запад считал и считает, например, что социальный прогресс, права и свободы человека можно обеспечить лишь на путях рыночной экономики, ее развития и укрепления. Советский Союз исходил из того, что социальный прогресс и демократия могут быть достигнуты в результате ликвидации капиталистического общества и построения социализма и коммунизма. В то же время, заключая международные соглашения по правам человека в тот период, страны с различными общественными системами признавали, что основные права и свободы могут быть обеспечены путем развития социального прогресса в рамках существующего строя. Во многих случаях договаривающиеся стороны исходили из возможности различного толкования конкретного содержания и способов осуществления ряда прав и свобод человека.

Различные, а зачастую и прямо противоположные позиции Запада и социалистических стран при обсуждении Всеобщей декларации прав человека привели к тому, что многие статьи этого документа носят лишь общий характер и не имеют точных и конкретных границ.

В то же время формулировки отдельных статей Всеобщей декларации носят вполне конкретный характер и напоминают положения конституций и законодательных актов разных стран мира. И в этом нет ничего удивительного. Формулируя свои предложения, вносимые на рассмотрение ООН, многие государства фактически перефразировали положения своих законодательных актов.

После тщательной разработки и длительного обсуждения отдельных статей Всеобщая декларация прав человека была принята 48 голосами государств — членов ООН при 8 воздержавшихся. Выступая по мотивам голосования, представители СССР и других социалистических стран отмечали, что они при голосовании воздержались, так как принятый документ нарушает суверенитет государств, не содержит целый ряд предложений, внесенных ими, а также не гарантирует осуществление основных прав и свобод.

Всеобщая декларация содержит широкий перечень как гражданских и политических, так и социально-экономических и культурных прав. Она признала и естественный характер прав человека и в первой же статье, автором которой был известный французский ученый Рене Кассен, провозгласила, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и в своих правах». Они равны с момента рождения, а дальнейшее

положение человека в обществе и конкретная реализация прав во многом зависят от его способностей и труда.

Естественные права и свободы должны быть предоставлены каждому, независимо от того, где и в каком государстве он проживает. Они не могут определяться исключительно государством. Конкретный перечень этих прав и был закреплен во Всеобщей декларации. В результате обычной и договорной практики государств они стали обязательными для всех, и каждое государство мира обязано закрепить эти права в своем законодательстве.

Всеобщая декларация была принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, и поэтому она носит лишь рекомендательный характер. Естественно, не являясь международным договором, эта Декларация не может рассматриваться как юридически обязательный документ. В то же время при оценке юридической силы ее положений нужно учитывать, что в международном праве наряду с договором в нормотворческом процессе значительную роль играет и обычай, который формируется в результате международной практики государств и постепенно признается ими в качестве правовой нормы. Подобным образом основные права и свободы, провозглашенные во Всеобщей декларации, рассматриваются в настоящее время подавляющим большинством государств в качестве юридически обязательных обычных или договорных норм. Конституции многих стран мира непосредственно ссылаются на этот документ и включают в себя целый ряд его положений. При этом следует иметь в виду, что изложенные в Декларации принципы и нормы постоянно развиваются и уточняются в ходе заключения все новых и новых международных соглашений. Это свидетельствует о реалистичности документа и его большом значении для развития межгосударственных отношений.

Принятая в 1948 году в качестве "стандарта, к достижению которого должны стремиться все народы и все государства", Всеобщая декларация сегодня является одним из основных источников права, служит моделью, которая широко используется многими странами для разработки отдельных положений конституций, различных законов и документов, относящихся к правам человека.

Как подчеркивается в одном из исследований, "не менее чем 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Декларации, или включены в них под ее влиянием" (Jayawickrama N. *Hong Kong and the International Protection of Human Rights. Human Rights in Hong Kong.* — 1992. — Р. 160).

В таких странах, как Бельгия, Нидерланды, Индия, Италия, США, Шри-Ланка, положения Декларации широко используются для толкования внутригосударственных законов, относящихся к правам человека. На них постоянно ссылаются суды этих стран. В ряде постановлений Конституционного Суда России также содержатся ссылки на Всеобщую декларацию прав человека в обоснование вынесенных решений.

Большинство государств рассматривает Декларацию как документ, содержащий обычные нормы международного права, подавляющее большинство которых стало «*jus cogens*». Такое понимание Декларации особенно важно в связи с тем, что ряд стран (Китай, Куба, Индонезия, Пакистан, Саудовская Аравия и др.) не являются участниками ни Пакта о гражданских

и политических правах, ни Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Они обязаны руководствоваться положениями Всеобщей декларации прав человека.

За последние годы происходит конкретизация многих норм, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека.

Страны с рыночной экономикой, в которых происходит сближение политических и экономических систем, значительно легче согласовывают и конкретизируют свои позиции по правам человека. Новая Конституция России, признавая идеологическое многообразие и частную собственность, в значительной степени опирается на опыт стран с рыночной экономикой и воспринимает их лучшие достижения. Поэтому в процессе согласования принципов и норм, относящихся к правам человека, достигаются такие договоренности, которые ранее были невозможны. Это относится и к проблемам собственности, существования многопартийной системы, проведения действительно равных и всеобщих выборов и ко многим другим общечеловеческим атрибутам демократии. Сближение политических и экономических систем различных стран мира, широкое использование бывшими социалистическими странами законодательного опыта Запада облегчают процесс согласования международных норм по правам человека, их конкретизацию и практическое осуществление. Идеологическая борьба и классовый подход заменяются поиском общечеловеческих ценностей, новых форм и методов международной защиты прав человека.

Правовая система России в настоящее время закрепила практически все принципы и нормы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека. Статья 2 Конституции провозглашает, что "человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства".

Согласно Конституции, "права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием" (ст. 18). Более того, в Российской Федерации признаются и гарантируются права человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а в случае противоречия между международным договором и российским законом преимущественную силу имеют международные правила (п. 4 ст. 15 и 17).

Если сравнивать Всеобщую декларацию прав человека и Конституцию Российской Федерации, то нетрудно прийти к выводу, что права человека и гражданина, закрепленные в российском Основном законе, сформулированы более полно, конкретно и точно. Однако их практическое воплощение в жизнь еще далеко от реальности. Общечеловеческие ценности и достижения демократии нелегко прививаются в стране, где не одно десятилетие господствовали авторитаризм и тоталитаризм. Движение к демократическому правовому государству в России проходит на фоне не только успехов, но и досадных провалов. Причин здесь много. Одна из основных — это отсутствие стройной системы процедур и механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина.

В этом контексте речь идет прежде всего о процедурах и механизмах, на которые должен опираться Президент Российской Федерации, являющий-

ся, согласно статье 80 Конституции, гарантом прав и свобод российских граждан. Конституция не содержит указаний на те формы, в которых должна осуществляться эта деятельность. Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации и общественные комиссии по правам человека в субъектах Российской Федерации являются именно такими органами, которые должны содействовать выполнению Президентом России своих полномочий как гаранта конституционных прав граждан нашей страны.

Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации в ее нынешнем составе была утверждена Указом Б.Н. Ельцина 20 мая 1996 г. Уже на первом заседании, обсуждая свое Положение, Комиссия рассмотрела вопрос о совершенствовании механизмов и процедур защиты прав граждан. Она высказалась за создание общественных комиссий по правам человека во всех регионах нашей страны и записала в новом Положении, что Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации "работает в тесном контакте с общественными комиссиями по правам человека и иными органами, создаваемыми в субъектах Российской Федерации в целях защиты прав человека, и оказывает им содействие".

Президент России поддержал инициативу Комиссии, предложения ряда правительственных и неправительственных организаций, ученых, государственных и общественных деятелей и 13 июня 1996 г. издал Указ, в котором рекомендовал органам государственной власти субъектов Российской Федерации "образовать в соответствующих субъектах Российской Федерации комиссии по правам человека с функциями, аналогичными функциям Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации".

В настоящее время общественные комиссии по правам человека созданы в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации. Это важнейшее событие в жизни страны. Впервые за последние 50 лет создан новый механизм защиты прав и свобод российских граждан. Однако в некоторых регионах полагают, что создание таких комиссий излишне. Наиболее распространенный довод сводится к намечаемому избранию в ряде субъектов Федерации Уполномоченного по правам человека (Вологодская область, Мурманская область, Новосибирская область и др.). Фактически же Уполномоченный по правам человека пока избран только в Республике Башкортостан.

Учреждение поста Уполномоченного по правам человека не исключает необходимости создания комиссий по правам человека. Как подчеркивается в статье 3 Федерального Конституционного закона "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации", деятельность Уполномоченного лишь дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции существующих органов. Поэтому все существующие органы должны работать параллельно, и каждый в пределах своей компетенции должен действовать принципиально и решительно.

Уполномоченные по правам человека выбираются законодательными органами и работают в тесном контакте с ними. Комиссии же создаются при главах администрации субъектов Российской Федерации и оказывают им помощь и содействие в соблюдении и защите основных прав и свобод российских граждан. Поэтому правильно поступают в тех субъектах Российс-

кой Федерации, где создаются комиссии по правам человека (Астраханская область, Свердловская область, Калмыкия и др.).

Какие основные задачи стоят перед общественными комиссиями по правам человека в субъектах Российской Федерации?

Одним из важнейших средств строительства правового государства является законодательное обеспечение прав и свобод российских граждан, совершенствование механизмов их защиты. При этом должны неукоснительно соблюдаться всеми субъектами Российской Федерации Конституция страны и федеральные законы. Законность на территории России, так же как и права и свободы граждан, должна быть единой. Никто не имеет права ущемлять права и свободы человека и гражданина, зафиксированные в Конституции страны и федеральном законодательстве. Регулирование прав и свобод человека и гражданина находится в исключительной компетенции Российской Федерации.

В соответствии со статьей 55 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Между тем за последние годы многие субъекты Российской Федерации принимают законы и иные нормативные правовые акты, ущемляющие права и свободы российских граждан. В них, например, устанавливаются ограничения на передвижение и выбор места жительства, ограничиваются избирательные права, вводятся ценз оседлости, иммиграционные квоты и т.д.

Общепризнанный принцип международного права, первоначально зафиксированный в Уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека, — принцип равноправия граждан независимо от национальности, места жительства и любых других обстоятельств — ставится в зависимость от национальности или места жительства.

В Краснодарском крае, например, объем прав граждан зависит от получения особого статуса жителя; в Республике Саха (Якутия) и в Ставропольском крае введены ограничения на свободу передвижения и выбор места жительства; ограничиваются избирательные права граждан в Республике Калмыкия; введен в действие уголовный кодекс, основанный на исламском праве, в Чеченской Республике и т.д. Ежегодно Прокуратурой опротестовываются сотни нормативных правовых актов властей субъектов Российской Федерации, не соответствующих федеральному законодательству и международным обязательствам страны.

Наряду с Прокуратурой и другими органами власти важную роль в устранении коллизий, возникающих между федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, могут и должны играть общественные комиссии по правам человека. Им следует проанализировать Конституции (Уставы) и текущее законодательство, относящееся к правам человека и гражданина, и направить свои предложения в законодательные собрания и органы государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации. Общественные комиссии по правам человека обязаны участвовать в подготовке соответствующих законопроектов и вносить предложения по приведению их в полное соответствие с Конституцией страны и федеральным законодательством еще на стадии разработки.

Коллизии, возникающие между федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, по примеру других правовых стран мира должны регулироваться таким образом, чтобы федеральный закон имел верховенство перед законами и иными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Совершенствование законодательства в стране, в особенности в области прав и свобод, должно сопровождаться не расшатыванием законности, а ее укреплением.

Правовое государство должно быть одновременно и социальным, «политика которого направлена, — как подчеркивается в статье 7 Конституции, — на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Все права человека являются универсальными, незаменяемыми, взаимосвязанными и взаимозависимыми. Каждый человек должен пользоваться не только гражданскими и политическими, но и социально-экономическими правами. Согласно Всеобщей декларации прав человека, идеал свободной человеческой личности, не зависимой от страха и нужды, может быть осуществлен только в том случае, если государством будут созданы такие политические и социально-экономические условия, при которых каждый сможет пользоваться всеми своими правами.

Правовое социальное государство должно охранять труд и здоровье людей, установить гарантированный минимальный размер оплаты труда и обеспечить право на достаточный уровень жизни, обеспечить государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, установить государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты, обеспечивающие по меньшей мере минимальный прожиточный уровень жизни. Свертывание же государством своих социальных функций является отходом от строительства демократического правового государства. Любые решения, принимаемые как в центре, так и на местах, должны быть социально ориентированы. Комиссии по правам человека должны активно включиться в этот процесс. Для этого следует использовать все возможные средства, предусмотренные их положениями. Пример в этом отношении должны показывать федеральные органы законодательной и исполнительной власти. Следует в первую очередь добиваться скорейшего принятия закона «О минимальном прожиточном уровне», предусмотрев в нем поэтапное, в течение трех—пяти лет, начиная с 1998 года, повышение минимальной пенсии и зарплаты до уровня прожиточного минимума, а также установить уголовную ответственность за преступления, связанные с серьезными нарушениями законодательства о труде и несвоевременной выплатой заработной платы.

Общественные комиссии по правам человека должны уделять самое пристальное внимание фактам массовых и систематических нарушений прав и свобод человека и гражданина в своих регионах и принимать меры по их защите. Первостепенными среди таких вопросов являются защита прав беженцев и вынужденных переселенцев; защита прав уязвимых слоев населения (детей, инвалидов, пенсионеров); защита лиц, находящихся в следственных изоляторах и тюрьмах; защита прав военнослужащих; обуздание чиновничьего произвола; защита прав потребителей; защита прав акционеров; защита трудовых прав и др.

Все эти вопросы должны находиться под постоянным контролем со стороны комиссий.

В конце февраля этого года Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации на своем расширенном заседании с приглашением ведущих государственных и общественных деятелей страны, членов парламента, ученых, юристов обсудила вопрос "О защите прав лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях МВД Российской Федерации".

Выполняя принятые на этом заседании решения, Комиссия, в частности, подготовила в виде отдельного документа рекомендации в Государственную Думу в связи с рассмотрением проекта нового Уголовно-процессуального кодекса, в котором предусмотрено решение следующих вопросов: о введении в кодекс положений статьи 22 Конституции страны, предусматривающей, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов; об ограничении оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражей; об ограничении предельных сроков содержания обвиняемых под стражей до направления их дела в суд — до одного года или до полутора лет по решению суда; об ограничении срока содержания под стражей лиц, числящихся за судом, до полутора лет, за исключением тех случаев, когда суд в соответствии со своим мотивированным решением найдет оснований для избрания вместо заключения под стражей иной меры пресечения.

Комиссия также совместно с Главным государственно-правовым управлением Президента Российской Федерации подготовила проект Указа Президента о приведении в соответствие с Уголовно-процессуальным кодексом действующего законодательства, предусматривающего задержание любого лица на срок не более 72 часов. Такой Указ Б.Н. Ельцин подписал 14 июня 1997 г.

Сейчас Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации работает над двумя важными документами. Первый — это Федеральная программа действий в области прав человека. Эта программа — концептуальный документ, определяющий стратегию и тактику действий, — после ее утверждения Президентом Российской Федерации должна стать основой деятельности всех государственных структур, правительственных и неправительственных организаций на рубеже XX и XXI веков.

Второй документ — это план мероприятий, связанных с проведением Года прав человека в Российской Федерации. В связи с празднованием в 1998 году 50-летия принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека Президент страны Б.Н. Ельцин объявил следующий год Годом прав человека в Российской Федерации и образовал Национальный комитет по его проведению.

Мы надеемся, что все правительственные и неправительственные организации, российские законодатели, государственные и общественные деятели примут самое активное участие в реализации плана мероприятий, связанных с Годом прав человека и его проведением.

Год прав человека в Российской Федерации возлагает на всех нас особую ответственность. 1998 год должен стать переломным в соблюдении основных прав и свобод человека и гражданина в нашей стране.

Этот год — не повод для праздника и праздничных мероприятий, а время для интенсивной работы и исправления недостатков.

Он дает нам возможность оценить прогресс, достигнутый новой Россией в области прав человека за последние годы, определить препятствия и наметить пути их преодоления, принять Федеральную программу действий в области прав человека, направленную на решение текущих задач на ближайшую перспективу.

50-летие Всеобщей декларации прав человека должно быть достойно встречено в Российской Федерации.

В.А. Карташкин,
профессор, председатель Комиссии по правам человека
при Президенте Российской Федерации

НОВОЕ РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Принятие первой и второй частей Гражданского кодекса РФ, несомненно, одно из наиболее значительных достижений законотворческой деятельности в России. Тем не менее кодификация российского гражданского законодательства еще далеко не завершена, предстоят внесение в парламент проекта третьей части ГК, в которую предполагается включить и раздел о международном частном праве, а также разработка в соответствии с положениями Кодекса ряда федеральных законов и "расчистка" на их основе действующего законодательства от устаревших решений.

Подготовленный в рамках Исследовательского центра частного права при Президенте РФ проект раздела VII "Международное частное право" третьей части Гражданского кодекса РФ (далее: "Российский проект") был опубликован 30 ноября 1996 г. в приложении к "Российской газете". Сегодня было бы преждевременно делать окончательные выводы о степени новизны помещаемого в этом разделе нормативного материала, равно как и о его соотношении с принятыми в современной международной практике подходами. И все же представляет интерес рассмотрение некоторых проблем, возникших в ходе разработки проекта. При этом необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, содержание первой и второй частей Гражданского кодекса РФ, и прежде всего положений, раскрывающих основные начала гражданского законодательства, по существу, определяет идеологию проекта, его направленность. Более того, ряд правил первой части ГК непосредственно регламентирует вопросы международного частного права. Так, согласно п. 1 ст. 2 Кодекса, правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом. В ст. 127 говорится об особенностях ответственности РФ и субъектов РФ в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, с участием иностранных юридических лиц, граждан и государств — особенностей, которые должны определяться законом об иммунитете государства и его собственности. О последствиях несоблюдения простой письменной формы внешнеэкономической сделки идет речь в

п. 3 ст. 162. Прямое отношение к проблемам международного частного права имеют положения ст. 7 о гражданском законодательстве и нормах международного права.

Права и свободы человека и гражданина и новое гражданское законодательство России — тема, заслуживающая отдельного доклада. Определяя основные права и свободы человека как неотчуждаемые и принадлежащие каждому от рождения, Конституция РФ исходит из их естественной природы. Новый Гражданский кодекс России следует конституционной норме в понимании прав и свобод человека и гражданина как непосредственно действующих и существенно расширяет сферу их гражданско-правовой защиты, в том числе и для целей развития международного общения.

Особая тема — соотношение правил второй части ГК РФ об отдельных видах договоров и других обязательств и положений конвенций, действующих в сфере международного гражданского оборота, таких как Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года, Конвенция ЮНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 года, Конвенция ЮНИДРУА о международном факторинге 1988 года и др. Положения этих конвенций учитывались при подготовке ГК.

Во-вторых, под эгидой Научно-консультативного центра частного права СНГ разработана и Межпарламентской ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств одобрена модель Гражданского кодекса для стран СНГ (далее используется термин “модель Гражданского кодекса”). Часть третья модели Гражданского кодекса, одобренная Рекомендательным законодательным актом, принятым на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи 17 февраля 1996 г., включает (помимо разделов об интеллектуальной собственности и наследственном праве) раздел VII “Международное частное право”. Многие положения из модели ГК перенесены в российский проект.

В комментарии, сопровождавшем публикацию российского проекта, отмечалось, что отечественное международное частное право имеет свою историю, свои традиции и опыт, “и они, конечно же, учитывались при подготовке раздела о международном частном праве”. Вместе с тем все более активное участие России в мирохозяйственных связях, многообразие форм международного гражданского обмена, в котором участвуют российские граждане и юридические лица, “предопределило широкое обращение разработчиков к законодательству и судебной практике зарубежных стран, к международным договорам РФ, являющимся источниками международного частного права”.

Здесь уместно напомнить, что последние полтора-два десятилетия за рубежом отмечены активным обновлением нормативной основы международного частного права. В ряде стран, включая Австрию, ФРГ, Швейцарию, Турцию, Румынию, Италию, в канадской провинции Квебек, в штате Луизиана (США) были приняты законодательные акты, кодифицирующие нормы международного частного права. Заключены международные договоры, значительно расширившие пределы унификации материальных и коллизионных норм. Понски доктрины и практики обострили интерес к проблемам, подкаzanным международной жизнью, высветили новые грани, казалось бы, уже давно известных институтов. Все эти нововведения, во многом изменившие привычные представления о возможностях и значении междуна-

родного частного права в современном мире, не должны быть обойдены вниманием разработчиков российского проекта.

В настоящее время работа над проектом продолжается: рассматриваются замечания и предложения, поступившие от российских и зарубежных ученых и специалистов. Немало ценных советов было высказано при обсуждении проекта в ходе научно-практической конференции “Новый Гражданский кодекс России: проблемы теории и практики”, состоявшейся в марте 1997 года.

Решение посвятить один из разделов Гражданского кодекса РФ проблемам международного частного права представляется сегодня не только обоснованным, но и — что не кажется преувеличением — безальтернативным. Было бы заблуждением воспринимать включение раздела о международном частном праве в Гражданский кодекс всего лишь как дань традициям. Помещение этого раздела в Кодекс предопределяется прежде всего той ролью, которая отводится новому ГК в возрождении российского частного права (его ветвью является и международное частное право), в обновлении всего российского законодательства.

Концептуальную основу российского проекта составил преобладающий, по нашему мнению, в отечественной доктрине взгляд на международное частное право как на область отношений гражданско-правового характера в широком смысле слова, возникающих в условиях международной жизни и потому осложненных иностранным элементом. Раздел VII, очевидно, станет заключительным разделом ГК, но он должен быть органически связан с другими структурами Кодекса, объединяемыми едиными началами, общими подходами и, в частности, отражающими особенности переходного периода, в условиях которого предстоит действовать ГК в целом, включая и этот раздел.

И модель ГК, и российский проект начинаются с общих положений, рассматривая которые нельзя не обратить внимание на следующее. Во-первых, никогда прежде в отечественном законодательстве общие институты международного частного права не были представлены столь полно и обстоятельно. В этом отношении с названными разработками сравним, пожалуй, лишь подготовленный в 1989—1990 годах ВНИИ советского государственного строительства и законодательства проект Закона о международном частном праве и международном гражданском процессе, так и оставшийся, к сожалению, проектом. Во-вторых, общие положения и в модели ГК, и в российском проекте представлены как институтами, уже известными отечественному законодательству (установление содержания иностранного права, оговорка о публичном порядке, обратная отсылка, реторсии), так и институтами, обращение к которым у нас ранее осуществлялось в основном в рамках доктрины (квалификация понятий коллизийной нормы, императивные нормы, ограничивающие действие коллизийных правил).

Вопросы, связанные с применением императивных норм в международном частном праве, нашли решение в Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 года, некоторых других международных договорах, в ряде законодательных актов зарубежных стран. Воспроизведение соответствующих правил в отечественном законодательстве потребует дать ответ на вопрос, о каком круге императивных

норм идет речь. Задача законодателя и, конечно же, доктрины состоит в том, чтобы назвать ориентиры, облегчающие нахождение такого ответа. Представляется, что в российском проекте редакция правила о действии императивных норм законодательства РФ в большей мере (чем аналогичное правило в модели ГК) отвечает этой задаче: оно распространяется на императивные нормы, которые вследствие указания в самой норме или ввиду их особого значения для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

Модель ГК и российский проект предлагают осуществлять квалификацию юридических понятий на основе права страны суда, если иное не предусмотрено законом. Формула российского проекта содержит представляющееся немаловажным уточнение: "при определении права, подлежащего применению". В целом эта новелла представляется не бесспорной, если иметь в виду допускавшуюся отечественной доктриной возможность автономной квалификации понятий, составляющих объем коллизионной нормы, с использованием начал сравнительного правоповедения.

Еще один блок правил в модели ГК и российском проекте составляют нормы о правовом положении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций. Главное, что отличает эти правила, выражается, по нашему мнению, в следующем.

Во-первых, вводится понятие личного закона физического лица, учитываемое в соответствии с частью 1 ст. 62 Конституции РФ (поскольку речь идет о российском проекте) фактор двойного гражданства. Личным законом физического лица предлагается считать право страны, гражданство которой это лицо имеет; если лицо наряду с иностранным гражданством имеет и российское гражданство, его личным законом признается российское право. При наличии у лица нескольких иностранных гражданств личным законом считается право страны, с которой лицо наиболее тесно связано. Что касается лица без гражданства, то в качестве его личного закона рассматривается право страны, в которой это лицо постоянно проживает. Личным законом беженца считается право страны, предоставившей убежище.

Во-вторых, следуя правилу п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, российский проект приравнивает иностранных граждан и лиц без гражданства в гражданских правах и обязанностях к российским гражданам, а на иностранные юридические лица, осуществляющие в РФ предпринимательскую и иную деятельность, регулируемую гражданским законодательством, распространяет правила, установленные этим законодательством для такой деятельности российских юридических лиц (если законом не предусмотрено иное). Соответствующие нормы о национальном режиме для иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц закреплены и в модели ГК.

В-третьих, модель ГК наряду с понятием личного закона физического лица вводит понятие закона юридического лица, не известное российскому проекту. Пробел в российском проекте желательно восполнить, предусмотрев также перечень вопросов, решение которых подчиняется закону юридического лица.

Некоторые отличия российского проекта от модели ГК в вопросах, касающихся статуса юридического лица, смягчаются одинаковым подходом

к определению коллизийной привязки, применяемой в этой области (привязка к праву страны, где юридическое лицо учреждено).

В-четвертых, модель ГК и российский проект содержат коллизийную норму, позволяющую определять способность иностранного гражданина или лица без гражданства быть индивидуальным предпринимателем. Эта норма отсылает к праву страны, где лицо зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя, а в отсутствие такого права подлежит применению право страны основного места осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности.

В-пятых, в российском проекте предлагается неизвестное действующему законодательству РФ положение, относящееся к гражданской правоспособности иностранной организации, которая, не являясь юридическим лицом по иностранному праву, тем не менее признается им субъектом права. Гражданскую правоспособность такой организации имеется в виду определять по праву страны, где организация учреждена, причем к деятельности подобных организаций намечается применять правила Гражданского кодекса РФ, регулирующие деятельность юридических лиц, если иное не вытекает из закона, других правовых актов или существа правоотношения.

Особый интерес представляют рекомендуемые моделью ГК и российским проектом направления совершенствования коллизийного права. В самом общем виде они могут быть определены следующим образом.

Во-первых, введение единой субсидиарно применяемой коллизийной нормы, суть которой выражается в формуле: если в соответствии с установленными правилами невозможно определить право, подлежащее применению, применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом. Целью этого нововведения, которое, безусловно, вызовет немало проблем в практике правоприменительных органов, является предотвращение правового вакуума, обеспечение достижения в соответствующих ситуациях наиболее справедливого решения.

Во-вторых, расширение рамок коллизийного регулирования, увеличение количества коллизийных норм. К числу новых (помимо уже названных) относятся, например, правила, подлежащие применению к обязательствам из односторонних действий, ответственности за ущерб, причиненный потребителю, правам на интеллектуальную собственность.

В-третьих, придание некоторым односторонним коллизийным нормам двустороннего характера (статьи о праве, применимом к правам и обязанностям по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда за границей, если стороны являются гражданами или юридическими лицами одного и того же государства, а также о праве, применимом к наследованию недвижимого имущества).

В-четвертых, отказ от дуалистического подхода, "двойного стандарта", при определении статуса договорных обязательств. В отличие от основ гражданского законодательства 1991 года, предусматривающих, как известно, разные коллизийные нормы для определения прав и обязанностей сторон по внешнеэкономическим сделкам (ст. 166) и по сделкам, не являющимся внешнеэкономическими (п. 2 ст. 165), модель ГК и российский проект предлагают ввести единые коллизийные начала, которым подчиняется статут договорного обязательства. Но в отношении формы внешне-

экономических и иных сделок коллизионное регулирование сохраняет прежние различия.

Модель ГК относит к сфере действия права, применимого к договору, его толкование, права и обязанности сторон, исполнение, последствия ничтожности или недействительности договора, а также уступку требований и перевод долга в связи с договором.

Российским проектом и моделью ГК допускается выбор сторонами применимого права как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

Заключительные разделы Основ гражданского законодательства 1961 года и 1991 года, Гражданского кодекса РСФСР 1964 года завершали статьи о соотношении правил международных договоров и гражданского законодательства. В разделах о международном частном праве модели ГК и российского проекта такой статьи нет, но это не означает, что данная тема оставлена разработчиками без внимания. О приоритете международного договора по отношению к внутреннему закону говорится в общих положениях Гражданского кодекса РФ (ст. 7) и модели ГК (ст. 7); эта норма как бы "вынесена за скобки", предвзялая основной массив нормативного материала кодексов.

Статья 7 Гражданского кодекса РФ отражает положения части 4 ст. 15 Конституции РФ. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы РФ. Если международным договором установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора.

Пункты 1 и 2 ст. 2 Гражданского кодекса РФ определяют отношения, регулируемые гражданским законодательством. Международные договоры РФ, в том числе международные договоры, являющиеся источниками норм международного частного права, применяются к этим отношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта.

Включение в состав третьей части Гражданского кодекса РФ раздела о международном частном праве не означает, на наш взгляд, отказа от идеи разработки специального Закона о международном частном праве. Предмет такого закона могли бы составить общие институты международного частного права (квалификация юридических понятий, обратная отсылка и отсылка к праву третьей страны, применение императивных норм в области международного частного права, установление содержания норм иностранного права, оговорка о публичном порядке и др.), а предмет отраслевых законодательных актов — правила, регулирующие гражданские, семейные, трудовые, процессуальные отношения с иностранным элементом.

* * *

Не будет преувеличением сказать, что предложение о включении в третью часть Гражданского кодекса РФ раздела о международном частном праве нашло поддержку у многих ученых и специалистов. Кодекс образует сердцевину российского частного права, включая и ту его ветвь, которая воздействует на частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом. В условиях становления рыночной экономики России, интернационализации хозяйственной жизни, расширения сферы международного

гражданского обмена актуальность проблем международного частного права возрастает, а обновление гражданского законодательства предоставляет уникальную возможность "осовременить" инструментарий отечественного международного частного права.

В осуществлении упомянутого предложения уже сделаны важные практические шаги. 17 февраля 1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств принят Рекомендательный законодательный акт для СНГ — модель части третьей Гражданского кодекса, включающая, в частности, раздел о международном частном праве. В рамках Исследовательского центра частного права при Президенте РФ подготовлен проект раздела VII Гражданского кодекса РФ, опубликованный в приложении к "Российской газете" 30 ноября 1996 г. В проекте приводятся многие положения из модели ГК.

Правила российского проекта и модели ГК состоят из трех основных блоков: общие положения; положения о правовом статусе субъектов международного частного права; коллизионные нормы.

Общие положения включают не только уже известные, но и впервые предусматриваемые в отечественном законодательстве институты, посвященные таким проблемам, как квалификация юридических понятий, действие императивных норм в международном частном праве.

Правила, относящиеся к правовому положению иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, вводят в отечественную практику категории личного закона физического лица и закона юридического индивидуальных предпринимателей, о правоспособности организаций — субъектов иностранного права, не являющихся юридическими лицами.

Наиболее существенные новшества (по сравнению с Основами гражданского законодательства 1991 г.) отличают коллизионное право российского проекта. Суть их состоит в следующем:

- если в соответствии с правилами раздела невозможно определить право, подлежащее применению, применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом;

- расширяется область коллизионного регулирования, увеличивается количество коллизионных норм;

- некоторые односторонние коллизионные нормы становятся двусторонними;

- проект отказывается от дуалистического подхода к определению статуса договорного обязательства (внешнеэкономические договоры и договоры, не являющиеся внешнеэкономическими, подчиняются — в том, что касается прав и обязанностей сторон, — единому статусу).

При подготовке российского проекта принимались во внимание законодательство и судебная практика зарубежных стран. Разработчики проекта обращались к положениям международных договоров РФ, являющихся источниками международного частного права. В соответствии с Конституцией РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы РФ.

Включение в состав третьей части Гражданского кодекса РФ раздела о международном частном праве не означает, на наш взгляд, отказа от идеи разработки специального Закона о международном частном праве. Предмет такого закона могли бы составить общие институты международного частного права, а предмет отраслевых законодательных актов — правила, регулирующие гражданские, семейные, трудовые, процессуальные отношения с иностранным элементом.

В.П. Звеков,
заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук

ИНСТИТУТ ВЫДАЧИ И БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

В доктрине международного права, различными органами ООН, в международных соглашениях, касающихся сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом, признано, что действенным принципом в пресечении актов международного терроризма должен стать принцип *aut dedere aut judicare*: лицо, совершившее преступление, должно понести суровое наказание в стране, где оно было задержано, либо в стране совершения преступления, либо в стране, в наибольшей степени пострадавшей от преступного деяния. О некоторых особенностях требований, предъявляемых к процессу осуждения исполнителя террористического акта, уже говорилось не раз. Здесь же необходимо рассмотреть возможность и специфику применения института выдачи в борьбе с международным терроризмом.

Институту выдачи — одному из самых древних институтов международного внутригосударственного права — уделяется значительное внимание в научной литературе различных стран, международной договорной практике, деятельности органов ООН, международных правительственных и неправительственных организаций. Это говорит, с одной стороны, о его важности для современных международных отношений, а с другой — о необходимости постоянного пересмотра и переосмысления его содержания в свете последних теоретических достижений, а также требований практики международной и внутригосударственной борьбы с уголовной преступностью и международными преступлениями. В частности, новые теоретические вопросы, касающиеся института выдачи, появились в связи с перспективой применения его в борьбе с таким специфическим видом международного преступления, как международный терроризм.

Понятию «выдача» («экстрадиция») в теории права уже уделялось большое внимание, и здесь следует остановиться на достижениях теории и практики применительно к данному вопросу. Л.Н. Галенская, например, определяет выдачу как «процесс передачи преступника государством в соответствии с нормами международного права другому государству для привлечения к уголовной ответственности или применения уголовного наказания». Данное определение в известной мере раскрывает содержание института выдачи, однако оно не учитывает его комплексного характера,

закрывающегося в применении в процессе выдачи норм не только международного, но и внутригосударственного права. Как отмечает Р.М. Валсеев, выдача преступников относится к тем институтам международного права, которые находятся на стыке международного и внутригосударственного права. В связи с этим он понимает выдачу как основанный на международных договорах и общепризнанных принципах международного права акт правовой помощи, состоящий в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, требующему его передачи государству, где требуется лицо совершило преступление или гражданином которого он является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора.

Аналогичным образом определяют понятие "выдача". Например, Ганс-Генрих Джешек (ФРГ) в "Трактате по международному уголовному праву" пишет: "Нормы, касающиеся экстрадиции, составляют неотъемлемую часть международного уголовного права. С одной стороны, международное уголовное право ограничивает распространение внутригосударственного уголовного закона на отношения с иностранными государствами, которые, согласно последним исследованиям, предопределяются суверенным приговором заинтересованного государства. С другой стороны, экстрадиция определяет процесс, при котором власти государства, где находится предполагаемый преступник, передают его официальным лицам другого государства для судебного преследования или для исполнения уголовного приговора".

Таким образом, упомянутые выше авторы, проведя исследования понятий выдачи преступника, предлагавшихся учеными, различными международными организациями и конференциями, отмечают следующие черты экстрадиции:

а) комплексный характер норм, лежащих в основе процесса выдачи, ибо в этом случае взаимодействуют нормы двух самостоятельных правовых систем — международного права и внутригосударственного права;

б) компетенцию государства как главного субъекта международного права и суверенного образования решать эти вопросы;

в) выдача решается только в отношении физических лиц, совершивших уголовные преступления;

г) выдаваемое лицо подвергается судебному преследованию либо несет наказание, которое было определено выдающим государством.

Выдача является актом правовой взаимопомощи государств в борьбе с уголовными преступлениями. Эта сущностная черта института выдачи приобрела новое содержание в связи с разносторонними усилиями миролюбивых сил, направленными на борьбу с международными преступлениями и государств, и лиц (групп лиц). Впервые вопрос о выдаче лиц, совершивших международные преступления, лица (группы лиц), совершившего преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, был поставлен после первой мировой войны (в отношении, например, германского императора Вильгельма), однако прошли десятилетия, и только после организационного и правового оформления антигитлеровской коалиции Объединенных Наций стало возможным применить этот институт к преступникам такого рода. Правило их выдачи было зафиксиро-

вано в целом ряде международных документов периода второй мировой войны и в послевоенные годы.

Развитие института выдачи лиц, совершивших международные преступления, шло на фоне и в связи с дальнейшей активизацией борьбы народов против актов агрессии, геноцида, апартеида, колониальных захватов и других видов международных преступлений государства и лица (группы лиц). В связи с ростом революционного и освободительного движения народов и наций в настоящее время поставлен вопрос о применении этого института к тиранам собственных народов, нашедшим после народной революции убежища в других странах и пользующимся покровительством реакции.

Таким образом, институт выдачи лиц, совершивших международные преступления, как и иные виды международно-правовой взаимопомощи, может быть использован в борьбе за укрепление мира, безопасности и сотрудничества. В связи с этим данный институт требует дальнейшей обстоятельной разработки как в теоретическом плане, так и в отношении практики его применения в борьбе с конкретными видами преступлений.

Международный терроризм мы рассматриваем как международное преступление лица (группы лиц). В связи с этим лица, совершившие акт международного терроризма, подлежат выдаче государству — месту совершения преступления. По мнению Т. Алексадровича, институт выдачи преступников является наиболее эффективным средством борьбы с международным терроризмом, поскольку он дает возможность вести эту борьбу на международном уровне, несмотря на территориальные разграничения юрисдикции отдельных государств. Вместе с тем он считает, что "современные международные отношения пока еще не позволяют ввести эту обязанность в мировом масштабе".

Основанием для выдачи лица, совершившего акт международного терроризма, являются нормы и принципы современного международного права, запрещающие совершать деяния, направленные на подрыв международных отношений и требующие пресечения и наказания за их совершение. Это нормы и принципы Устава Организации Объединенных Наций, обязывающие государства не применять силу в международных отношениях, не вмешиваться во внутренние дела государства, не нарушать принципы мирного сосуществования и сотрудничества. Как и по отношению к лицам, совершившим другие международные преступления, здесь основанием для выдачи могут служить моральные принципы человечества, принцип взаимности, национальные законы.

Подчеркнем, что наличие специального договора о выдаче между государствами, ведущими переговоры о лице, совершившем международное преступление, не обязательно. Достаточно, чтобы преступление было признано таковым по договору. На эту сторону борьбы с актами международного терроризма в советской и российской правовой литературе пока не обращалось внимания.

Весьма желательным является заключение международного соглашения, где определенные насильственные акты квалифицировались бы как международные преступления. Наряду с этим в соглашении необходимо зафиксировать то положение, что лица, совершившие акт терроризма, выдаются не как уголовные преступники, а как лица, совершившие международные пре-

ступления. Советские юристы активно выступают за разработку и заключение многосторонней конвенции, нацеленной на регулирование выдачи лиц, совершивших любое международное преступление.

Однако эта задача сложная и долгосрочная. Представляется, что здесь реальнее подготовка соглашений по видам международных преступлений, в частности по международному терроризму, с указанием обязательства выдавать их как преступников — исполнителей такого рода деяний. В этом случае государство обязано будет выдать лицо, совершившее акт терроризма. Акт терроризма рассматривался бы как тяжкое преступление, за совершение которого предусматривалось бы суровое наказание в соответствии с национальным законодательством. Не могут рассматриваться как основание для невыдачи лица — исполнителя террористического акта такие причины, как срок давности совершения преступления, гражданство страны пребывания преступника и др., позволяющие не выдавать лицо, совершившее уголовное преступление. Члены Специального комитета по международному терроризму и Специального комитета по выработке международной конвенции о борьбе с захватом заложников, рассматривая международный терроризм как уголовное преступление, затрагивающее международные отношения, выражают мнение о необходимости создания специального договора, который регулировал бы порядок и условия выдачи лиц, совершивших такого рода деяния.

Т. Фрэнк и Б. Локвуд (США) считают, что если гражданин государства А совершил террористический акт против гражданина государства А на территории государства В и был задержан на территории государства С, то государство С не может преследовать и наказывать террориста, пока на преступлении международного терроризма не будет распространен принцип универсальной юрисдикции. Вместе с тем и выдача может быть, а может и не быть произведена. Все зависит, отмечают авторы, от того, был ли договор о выдаче у государства С с государствами А и В. Однако и тут, по мнению Т. Фрэнка и Б. Локвуда, есть проблема, ибо даже если договор существует, то необходимо добиться исключения международного терроризма из числа политических преступлений. Они считают также, что необходимо заключить широкое соглашение о выдаче лиц, совершивших акты международного терроризма.

В работе “Международный терроризм и политические преступления” указывается на необходимость, заключив международный договор, либо выдавать, либо судить исполнителя террористического акта. В ней подчеркивается, что “выдача запрашивающему государству должна гарантироваться в случае отсутствия судебного преследования со стороны запрашиваемого государства до тех пор, пока будет создан международный уголовный суд с юрисдикцией по такого рода вопросам”.

В аналитическом исследовании замечаний государств по проблеме международного терроризма, подготовленном Секретариатом ООН в 1973 году, было указано, что одним из принципов борьбы с преступлением должен быть принцип *aut dedere aut judicare*, зафиксированный в конвенционном порядке.

В докладе Специального комитета по международному терроризму 1973 года предлагалось, в частности, подготовить документ, который не ущемлял

бы право народов на самоопределение и права, изложенные в Декларации о принципах международного права 1970 года, и был бы направлен на предотвращение экспорта насилия и основывался на вышеупомянутом принципе. В докладе Спецкомитета 1979 года рекомендуется уделять должное внимание высокой эффективности заключения двусторонних соглашений по борьбе с террористическими актами и предотвращению их с особым упором на вопрос о выдаче преступников. Разрабатывая конвенцию о борьбе с захватом заложников, члены Спецкомитета исходили из необходимости включения в соглашение статей о выдаче лиц, совершивших акт захвата заложников.

По какому пути пошла практика заключения международных соглашений, имеющих отношение к сотрудничеству государств в борьбе с международным терроризмом?

Пожалуй, положения резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об определении агрессии в некоторых случаях могут служить основанием для выдачи лица, совершившего акт международного терроризма, без наличия специального договора о выдаче или специальных норм о выдаче, ибо лишь в этом документе отдельные виды актов терроризма названы международными преступлениями. Основанием для выдачи таких лиц также могут служить нормы проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 года.

Положения остальных соглашений, касающихся борьбы с международным терроризмом, и проекты таких соглашений фиксируют требование совершать выдачу террористов и сотрудничать в иных вопросах правовой взаимопомощи главным образом на основе специальных соглашений.

Можно сделать следующие выводы:

1. Рассмотренные соглашения подтверждают, что основанием для выдачи лиц, совершивших акты международного терроризма, является прежде всего международное соглашение о выдаче (включая сами соглашения о борьбе с международным терроризмом). Некоторые соглашения упоминают такое основание, как внутрисударственный закон. Почти нет указаний на моральные принципы человечества и принцип взаимности как известные основания для экстрадиции. Все соглашения при решении процессуальных вопросов выдачи отсылают к закону либо специальным международным договорам о выдаче, регламентирующим их подробно.

2. Говоря об объеме уголовного преследования, отметим, что конвенции, принятые после второй мировой войны, определяют акты террора как экстрадиционные в связи с их тяжким характером.

3. Соглашения почти не содержат положений, которые определяли бы основание для отказа в выдаче того или иного предполагаемого преступника. Однако ряд из них упоминает об отказе в выдаче по мотивам расового, религиозного, политического и иного характера, хотя в этом случае усматривается определенная противоречивость: лицо выдано не будет, но будет осуждено, и главным образом за деятельность нетеррористического характера.

Е.Г. Ляхов,
профессор,
доктор юридических наук

О КОНТРОЛЕ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И РАЗОРУЖЕНИИ

Одно из пленарных заседаний Московской региональной конференции Ассоциации международного права было необычным. По решению руководства Ассоциации утром 18 сентября состоялась открытая сессия ее рабочего органа — Комитета по праву контроля над вооружениями и разоружению, темой которой стало: «Своевременное выявление правовых проблем контроля над вооружениями в СНГ и прилегающих регионах».

Такая формулировка была встречена с пониманием далеко не всеми коллегами по Российской ассоциации, ее Исполкому и даже не была включена в программу Конференции. Позиция отчасти объяснимая: с одной стороны, трудно заставить себя мыслить категориями контроля над вооружениями применительно к отношениям между государствами, которые совсем недавно входили в единое союзное государство. С другой стороны, хрупкость и аморфность Содружества, бремя вновь обретенной независимости и болезненное восприятие независимости соседа и многие другие обстоятельства придают «разоруженческим» вопросам в рамках СНГ особую деликатность.

Как бы то ни было, заседание состоялось, оно вызвало интерес у участников Конференции и заслужило похвалу руководителей международной Ассоциации.

Прежде чем рассказать о докладах, докладчиках и дискуссии, несколько слов о самом Комитете.

Комитет по праву контроля над вооружениями и разоружению был образован решением Исполкома Ассоциации в 1990 году. В его состав входят более двадцати ученых и специалистов из семнадцати стран мира, в том числе Российской Федерации. В соответствии с мандатом, сформулированным Исполкомом, Комитету поручалось «исследовать то, каким образом принципы и нормы международного права могли бы способствовать контролю над вооружениями и вооруженными силами и их сокращению, а также уменьшению опасности вооруженного конфликта, уделяя особое внимание возможным проблемам и, по мере целесообразности, внося рекомендации о совершенствовании этих норм и принципов». Эта общая задача была конкретизирована в Руководящих указаниях (Guidelines), которыми Комитет должен был руководствоваться в своей деятельности и проводимых исследованиях.

Поле для работы оказалось обширным: от формулирования практических рекомендаций и проектов типовых статей договоров о разоружении до изучения национальных идей и концепций международного права применительно к праву контроля над вооружениями. Соответственно, обширна тематика конференций и иных международных встреч, организуемых Комитетом. Только в 1997 году Комитет провел три заседания: совместно с голландским отделением Ассоциации семинар о правах и обязанностях государств, подписавших Конвенцию о запрещении химического оружия. В Женеве на базе Высшего института международных исследований состоялся colloquium по проблеме расширения участия в первоначально двусторонних договорах (на примере Договора об ограничении систем противоракетной обороны). С основным докладом там выступил представитель Российской ассоциации в Комитете, член Исполкома РАМП Б.Р. Тузмукха-

медов. И наконец, еще одно заседание Комитета состоялось в рамках Московской региональной конференции.

Осязаемым плодом деятельности Комитета стали три тома исследования «Международное право контроля над вооружениями и разоружения», издаваемого под эгидой ООН. Доклады, представленные на Московской региональной конференции, составят отдельную главу четвертого тома, который увидит свет ближе к лету 1998 года.

Программа московского заседания Комитета была составлена таким образом, чтобы не сводить обсуждаемые проблемы к традиционному контролю над вооружениями, а рассмотреть и международно-правовые аспекты более широких вопросов международной безопасности. Так что наряду с такими специальными «разоруженческими» темами, как трансформация режима Договора по ПРО, участники уделили внимание, к примеру, проблемам миротворческих операций в регионе СНГ.

Первым с сообщением на тему «Россия и страны бывшего СССР — партнерство в процессе контроля над вооружениями» выступил посол по особым поручениям МИД РФ, полномочный представитель РФ в Совместной консультативной комиссии СНГ по вопросам разоружения К.Ф. Михайлов. По мнению докладчика, распад СССР и образование на его пространстве независимых государств не привели к утрате общего разоруженческого поля. Оно не только сохранилось, но и было подкреплено путем достижения договоренностей на этот счет в рамках СНГ, обеспечивающих равноправное участие их представителей в самих переговорах. В качестве примера были упомянуты документы СНГ, в силу которых ряд бывших союзных республик приняли на себя исполнение обязательств СССР по договорам об ограничении и сокращении вооружений.

Одновременно новые независимые государства стали выступать в качестве самостоятельных актеров в переговорном процессе. Самый свежий пример — достигнутые уже после завершения Московской конференции договоренности о сохранении режима советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года. Документы на этот счет были подписаны в конце сентября 1992 года представителями России, США, Беларуси, Казахстана и Украины, и в соответствии с ними теперь уже не два, а пять государств должны участвовать в Договоре по ПРО, включая работу в Постоянной консультативной комиссии (ПКК), созданной для содействия исполнению Договора.

ПКК — это, так сказать, внешний институт. Что касается СНГ, то в его рамках была создана Совместная консультативная комиссия по вопросам разоружения в составе полномочных представителей государств-участников. Первоначально предназначенная для организации взаимодействия в осуществлении прежде всего Договора об обычных вооруженных силах в Европе, Комиссия со временем стала заниматься более широким кругом вопросов безопасности и разоружения. В одной из бесед с автором этих строк К.Ф. Михайлов назвал ее «школой разоружения».

Выступление доктора юриспруденции Джули Далиц (Австралия), бесшестного председателя Комитета по праву контроля над вооружениями и разоружениям, было посвящено специальной и весьма актуальной теме — «Эволюция Договора по ПРО: измерение СНГ». Как известно, Договор был заключен между СССР и США в 1972 году, при этом некоторые объекты и

деятельность, регулируемые им, оказались на территории разных республик в то время единого государства. Союз распался, и циклопические станции раннего предупреждения о ракетном нападении оказались в Беларуси и на Украине, огромный испытательный полигон — в Казахстане. Как сохранить в таких условиях Договор, являвшийся на протяжении ряда лет эффективным гарантом стратегической стабильности?

В коротком выступлении Дж. Далиц удалось лишь обозначить ряд правовых проблем, возникших в связи с состоянием Договора по ПРО в новых условиях. Применима ли к сложившейся ситуации оговорка *ebus sic stantibus*? Насколько адекватны и точны нормы, регулирующие правопреемство государств в отношении международных договоров вообще и особенно в такой специфической области, как контроль над вооружениями? В какой степени договор, регулирующий отношения, складывающиеся на острие научно-технического прогресса, способен поспевать за технологическими новшествами? Понятно, что эти вопросы не исчерпываются сферой действия Договора по ПРО.

С сообщением на тему «Проблемы контроля над вооружениями: взгляд со стороны» выступил бригадный генерал Джон Репперт, атташе по вопросам обороны Посольства США в РФ, с тех пор отбывший к новому месту службы в должности директора Агентства США по инспекциям на месте.

Оговорившись, что рассматривает проблемы контроля над вооружениями, во-первых, как военный и, во-вторых, как человек, не обладающий специальной юридической подготовкой, Дж. Репперт указал на ряд сложностей, вызванных геополитическими изменениями в мире, происшедшими за последние годы. Как эти изменения сказываются на договорах, заключенных еще в период открытой конфронтации, когда было ясно, где вероятный противник и откуда исходят угрозы безопасности?

Дж. Репперт привел в качестве примера Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Договор заключался на блоковой основе и был направлен на уменьшение угрозы военного столкновения между ОВД и НАТО на пространствах от Атлантики до Урала. Ситуация коренным образом изменилась. На каких принципах должны строиться модернизация Договора, его приспособление к новым условиям?

Возьмите другую любопытную проблему, связанную с тем же Договором. В соответствии с ним предполагалось проведение регулярных инспекций, при этом инспекторы из стран ОВД инспектировали бы объекты на территориях стран НАТО, и наоборот. Сегодня Польша, бывший союзник бывшего СССР, стоит на пороге НАТО, и, видимо, Россия была бы не прочь проинспектировать происходящее на территории недавнего «брата по оружию».

Более того, не захочет ли Молдова воспользоваться правом инспекции на территории Приднестровья, а Грузия — присмотреть за военной деятельностью в Абхазии?

Доклад кандидата юридических наук, полковника юстиции И.Н. Глебова был назван «Правовые проблемы пребывания российских воинских контингентов на территориях республик бывшего СССР». Приведя любопытные исторические примеры урегулирования статуса российских войск за границей, начиная с договоров, заключенных еще в X веке, И.Н. Глебов дал общую характеристику «военной» части огромного договорного массива, существующего в рамках СНГ. По подсчетам докладчика, военному

сотрудничеству государств СНГ посвящено более 700 документов, составляющих едва ли не треть общего числа актов, принятых с момента создания Содружества.

Договоров-то много, но выполняются они плохо. Лучше обстоит дело с двусторонними договорами, заключенными Россией с бывшими союзными республиками. Они регулируют широкий круг вопросов — от правового статуса российских войск, размещенных в этих новых независимых государствах, до поставок запчастей и обслуживания военной техники.

Совокупность многосторонних и двусторонних договоров образует, по мнению И.И. Глебова, неплохую правовую основу для военного сотрудничества между государствами СНГ.

Выступление кандидата политических наук, полковника А.В. Демуренко на тему «Миротворческие операции в регионе СНГ» во многом было основано на личном опыте. Работая в Генеральном штабе Вооруженных Сил РФ, докладчик принимал участие в планировании и проведении операций в Абхазии, Северной Осетии, Боснии и Герцеговине.

Дав критическую оценку документам СНГ, регулирующим проведение миротворческих операций, он отметил, что по мере накопления опыта их качество улучшается, но пробелов остается немало. Взять хотя бы сам термин «миротворческие операции», широко употребляющийся в СНГ. Он слишком широк и нередко не способен отражать особенности конкретных операций. По словам А.В. Демуренко, в международной практике уже устоялось шесть категорий действий по поддержанию мира.

Докладчик отметил уникальные особенности такого рода операций, проводимых в СНГ. Нигде более в них не участвуют вооруженные формирования враждующих сторон. Ни одна операция в пределах СНГ не направлена на урегулирование международного конфликта, все они проводятся в пределах государств, раздираемых внутренними спорами.

Последним выступил председательствовавший на заседании кандидат юридических наук, доцент Б.Р. Тузмухамедов. Его сообщение называлось «Конституция и законы Российской Федерации о военных полномочиях власти». Отметив недостаточную разработанность в российских законах и доктрине этих полномочий, иначе говоря, права избранных органов власти распоряжаться своим вооруженным инструментом, докладчик привел примеры несовершенства российской Конституции и законодательства.

Так, Конституция может быть истолкована как позволяющая Президенту РФ брать на себя исключительное полномочие Совета Безопасности ООН по установлению акта агрессии. Некоторые российские законы противоречат международным обязательствам России, в том числе и по Уставу ООН. А иные межведомственные соглашения, заключенные, к примеру, Федеральной пограничной службой РФ с партнерами из стран СНГ, подрывают основополагающие статьи российских федеральных законов.

Доклады вызвали интерес аудитории, о чем свидетельствовали вопросы из зала и последовавшие комментарии.

С резкой критикой Договора СНВ-2 выступил советник Комитета по вопросам геополитики Государственной Думы доктор юридических наук Г.М. Мелков. Договор, по его мнению, ведет к одностороннему разоружению России, поэтому она сама должна решать, какие вооружения ей сокращать, а какие не трогать.

Доктор юридических наук, профессор В.К. Собакин рассказал о малоизвестном решении Конституционного Суда РФ, отказавшегося рассматривать по существу просьбу Совета Федерации дать толкование п. «г» ст. 102 Конституции. Это положение наделяет верхнюю палату Федерального Собрания исключительным полномочием решать вопрос о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами российской территории.

Доктор юридических наук, профессор М.И. Лазарев высказал интересные соображения по двум проблемам: проверке соблюдения обязательств и конверсии военной промышленности.

Б.Т.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО — В ЖИЗНЬ

Я не собирался сегодня выступать. Но интерес, вызванный прекрасными речами по теме окружающей среды, заставил меня почувствовать, что и мой долгий опыт практической деятельности в области экологического права — свыше 50 лет — заставляет сделать меня три замечания.

Первое — это сама конференция и ее сегодняшнее утреннее заседание. Инициатива профессора Колодкина может иметь историческое значение. Очень важно собрать юристов со всего мира, чтобы встретиться с российскими юристами для обсуждения проблем международного права. Само по себе — это замечательное достижение. Но в сочетании с обсуждением экологического права такая встреча сразу же приобрела историческое значение.

Второе суждение по поводу исторического значения этой конференции. Почему исторического? Потому что она может стать катализатором. Она может стать точкой отсчета важного развития, поворотным пунктом движения в будущее.

Хочу снова вспомнить о своем богатом опыте. Должен кое-что объяснить, вспоминая этот опыт. Около девяти лет назад состоялась похожая на сегодняшнюю встречу конференция в Варшаве. Так же как и здесь, у нас были весьма активные участники. Они были настолько заинтересованы в международных связях юристов, что потом помогли создать международно-правовое учебное заведение, которое стало изучать предмет, обсуждавшийся ими, — английское и европейское право — и создали курс европейского и английского общего права как часть правового обучения в этом университете. Его сейчас преподают совместно силами Кембриджского и Варшавского университетов.

Год за годом там обучаются сотни студентов. В этом смысле Варшавская конференция явилась катализатором.

А теперь третье. Катализатор чего? Что должно за такой конференцией последовать?

Существует взгляд, что предмет дискуссии на заседании сегодня утром — экологическое право — по меньшей мере настолько же важен в

этой части мира, Восточной Европе и Центральной Европе, как и любой другой. Предметом воздействия экологического права являются воздух, море, внутренние воды, а также контроль за обработкой земли, за ее использованием, поскольку от этого зависят благополучие, здоровье и выживание ее обитателей. И здесь нужен катализатор — новые и постоянно улучшаемые законы — как на международном, так и на национальном или муниципальном уровне, и прежде всего их обязательное применение на практике, как доведение их до сведения общественности, так и изучение.

Ассоциация международного права может вести нас в этом направлении. Многое уже сделано для того, чтобы улучшить окружающую среду в последние десять лет, но потребность в хороших международных документах пока еще очень велика.

Насколько я знаю, имеется мало ученых-теоретиков и сравнительно мало студентов, к тому же почти нет практикующих юристов — и я это подчеркиваю, — почти нет юристов, практикующих частным образом, специализируясь в этой отрасли права. Тем не менее именно эта часть Европы должна обращать больше внимания на окружающую среду, чем какая-либо другая: говорят, к примеру, что загрязнение окружающей среды находится на своих самых высших отметках именно здесь, в Центральной и Восточной Европе.

Прогресс во всех областях, тем не менее, имеет место. Москва уже стала великим центром права. Через несколько лет она в любом случае будет гордиться всем, что сделала. Экологическое право требует создания законодательства, особенно его применения в жизни, требует изучения, воспитания специалистов-практиков, которые могли бы помочь проведению всех этих законов в жизнь.

Настоящая конференция может помочь достижению благородных целей. Не будет преувеличением сказать, что она станет событием исторического значения.

Джордж Добры,
член Королевского совета,
Почетный судья (Великобритания)

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ В УЧАСТИИ И РЕШИМОСТЬ В ИМПЛЕМЕНТАЦИИ — КЛЮЧ К УСПЕХУ КОНВЕНЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Благодарю вас за предоставленные мне честь и возможность выступить здесь по этому важному вопросу от имени нашего отделения Ассоциации международного права. Хотел бы прежде всего поблагодарить российское отделение Ассоциации международного права за то, что оно пригласило нас на эту замечательную конференцию. Выступавшие до меня ученые уже говорили о кодификации норм в связи с изменениями в том, как управлять рыбными богатствами Мирового океана. Мы стали свидетелями обзора

важных событий за последние годы, связанных с тем, что называется “международным экологическим правом”. Постараюсь разъяснить причины, почему международные конвенции по защите окружающей среды не полностью претворяются в жизнь, как того ожидали их авторы.

Вполне очевидно, что в последней четверти столетия самыми важными событиями в области этого права были две конференции, организованные ООН, которая к тому же являлась и их спонсором. Первая из них — это Конференция ООН по окружающей среде в 1972 году в Стокгольме, в которой приняли участие представители 114 стран. На ней родились Стокгольмская декларация человечества по окружающей среде и План действий. Эта Конференция привела к тому, что Генеральная Ассамблея ООН приняла Программу по защите окружающей среды ООН (ЮНЕП) с Межправительственным руководящим советом и Фондом окружающей среды. А вторая — это Конференция ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году в Рио-де-Жанейро (Земной саммит). В ней приняли участие представители 178 стран и были подписаны важные документы: Декларация Рио по окружающей среде и развитию, Заявление о принципах в лесном деле и 21 пункт повестки дня — план действий по устойчивому развитию. Кроме того, были подписаны две важные конвенции: Конвенция по биологическому разнообразию и рамочная конвенция по изменению климата. Кроме того, в рамках Экономического и Социального Совета была создана Комиссия ООН по устойчивому развитию. Фактически концепция “устойчивого развития” стала самым распространенным лозунгом в последние пять лет. Все эти развития внесли свой вклад в возникновение новой отрасли международного права, а именно международного природоохранного или экономического права.

Примечательно, что число государств-участников выросло со 117 в 1972 году до 178 в 1992 году, то есть дало увеличение на 56 %, и не хватило всего только 14 государств от всех членов международного сообщества, а Конференция в Рио смогла сохранить и приумножить это число по сравнению со Стокгольмской конференцией в 1972 году. Тем не менее имеется ряд проблем, которые до их пор не решены.

Например, крупнейшие представители бизнеса в Рио отсутствовали, а неправительственные организации (НПО) собрались там на свою собственную конференцию, отличную от межправительственных организаций (МПО). А государства-участники не проделали многого из той работы по имплементации, что от них ожидалось за минувшие со времени Земного саммита пять лет. Вот почему профессор Олег С. Колбасов из Российской академии наук назвал эту обстановку “Рио минус пять” вместо того, чтобы сказать: “Рио плюс пять”. Он имел в виду, что пять лет после 1992 года были полностью потеряны.

На мой взгляд, самое важное, чего не хватает в этом контексте, — это универсальности в имплементации и в определении этой имплементации. В то же время ресурсы, в которых остро нуждаются развивающиеся страны, чтобы обеспечить выполнение требований, изложенных в ст. 21, не могут быть предоставлены развитыми странами. Другая, менее очевидная причина состоит в том, что наблюдается нехватка универсальности в участии. Полностью согласен с предыдущим оратором, профессором Арндом Бернерцем

из Гамбургского университета, что природоохранные юристы не должны исключаться из международных конференций по вопросам, связанным с изменением климата. В противном случае принятые определения могут иметь небольшой юридический смысл и вызвать трудности в имплементации. В самом деле, ведь на этих конференциях, особенно на Конференции в Рио, отсутствовали не только крупные представители делового мира, но и некоторые важные члены международного сообщества. Китайская Республика (КР) на Тайване — одно из таких заметных государств. КР послала на Конференцию в Рио официальную делегацию во главе с Президентом законодательного юаня (председателем парламента) и администратором Администрации по защите окружающей среды. Их исключили из состава Конференции, но они смогли участвовать во встрече НПО.

Как мы знаем, проблемы окружающей среды, в частности в условиях быта и трудовой деятельности человека, — это глобальные проблемы, которые влияют на благополучие народов и на экономическое развитие во всем мире, несмотря на размеры страны, ее местонахождение или идеологию. Поэтому проблема защиты и улучшения среды, окружающей человека, — это общая обязанность каждого члена международного сообщества, и подобные конференции должны собирать как можно больше членов международного сообщества, чтобы обеспечить максимальный консенсус и согласие. Нет никаких разумных оснований не допускать на подобные международные конференции какое-то государство, которое способно и желает участвовать в них.

Китайская Республика на Тайване — не маленькая страна. Ее население составляет 21,6 млн. человек — это больше, чем население каждого из трех четвертей государств, существующих в мире. Она стратегически расположена в центре Восточной Азии, и около нее проходит ряд важнейших нефтяных транспортных морских путей. В настоящее время наша страна имеет торговый оборот в 226 млрд. долл. и занимает 15-е место в мире по его объему. Хотя Китайская Республика на Тайване не представлена в ООН с 1991 года, ее глубокая заинтересованность в решении глобальной проблемы окружающей среды далеко не последняя. В последние 15 лет она внесла свой вклад в защиту окружающей среды, проводя имплементацию различных природоохранных законов и мер в соответствии с различными природоохранными конвенциями, в том числе и теми, по которым ООН выступала как спонсор. В этой связи стоит упомянуть из сделанного только следующее:

1. Контроль за распространением ХФУ*:

- запрещено использование ХФУ как аэрозолей в космических и ин-текстицидных товарах в 1992 году;
- устранено производство ХФУ из списка производств, которым отдается предпочтение, в 1987 году;
- запрещено создание новых заводов по производству восьми химических веществ в 1988 году;
- организована государственная силовая структура с задачей по контролю над ХФУ в 1989 году;

* ХФУ — хлорфторуглероды — групповое наименование хлорфторсодержащих органических соединений.

— развита рециркуляционная технология ХФУ для автомобильных и бытовых кондиционеров;

— продолжаются НИОКР* по рециркуляции ХФУ и по альтернативным проектам;

— взяты обязательства по Монреальскому протоколу.

2. Сохранение биологического разнообразия:

— принятие Закона о сохранении культурного наследия в 1982 году;

— принятие Закона о сохранении дикой природы в 1989 году со списком наименований и разрушительными процедурами, сравнимыми с теми, что приняты по Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой (CITES) (Вашингтон, 1973 г.);

— конфискованы и уничтожены товары, созданные из животных, запрещенных к истреблению.

3. Сокращение распространения CO₂:

— планирование структур энергетических и машинных производств для сокращения выбросов CO₂ и

— поощрение накопления энергии путем регулирования стимулов для этого, технологических перемещений, технической помощи и образования.

4. Контроль за опасными отходами:

— введение в действие "Правил по импорту, экспорту и транзиту опасных отходов и по управлению трансграничными перевозками" в 1997 году по существующим соответствующим требованиям Базельской конвенции.

5. Участие в научных исследованиях по международному глобальному изменению окружающей среды:

— выдвижение Тайваня как регионального научно-исследовательского центра для изучения глобальных изменений;

— участие во многих международных программах по защите окружающей среды, таких как "Всемирная программа по исследованию климата", "Глобальные изменения в прошлом" и "Тропические океаны и программы земной атмосферы".

Страна, выполняющая такие обязательства по защите окружающей среды и ее сохранению, казалось, должна была бы встретить доброжелательный прием на любой международной природоохранной конференции или при разработке любой подобной конвенции. Тем не менее Китайская Республика на Тайване не смогла полноправно участвовать в разработке следующих международных конвенций, получив право присутствовать на конференциях по их разработке либо как неправительственная организация, либо как наблюдатель:

1. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, в 1973 году.

2. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, в 1987 году.

3. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением в 1989 году.

* НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

4. Конвенция о сохранении биологического разнообразия в 1992 году.

5. Рамочная конвенция ООН об изменении климата в 1992 году.

Очевидно, что несправедливо и неадекватно обращаться со страной такого калибра подобным образом, если она стремится стать конструктивным членом международного сообщества, особенно в сфере защиты и сохранения окружающей среды.

Поэтому предлагаю, чтобы Китайской Республике на Тайване было разрешено, как и любой другой стране, взявшей на себя обязательства по защите окружающей среды, полноправно участвовать во всех этих международных конвенциях. Наконец, о послании, которое уполномочен передать, и я это подчеркиваю: универсальность в участии и решимость в имплементации — вот что является ключом к достижению цели, путь к которой был возрожден в 1972 году, но утерян в 1992 году.

Сердечно благодарим вас.

Наконец, последнее по высказыванию, но не по значению. Хотел бы воспользоваться этой возможностью и пригласить вас всех в Тайбэй на Тайвань в Китайскую Республику в мае будущего года на очередную, 68-ю, созываемую обычно раз в два года, конференцию Ассоциации международного права. Предварительная программа этой конференции вам предложена на столах регистрации этой Конференции. Окончательная программа будет послана вашему отделению в конце нынешнего года. Надеюсь на встречу с вами в будущем году в Тайбэе. Большое вам спасибо.

* * *

По сведениям из источников, близких к Представительству в Москве Тайбэйско-московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, профессор Йинг-жеу МА является самым вероятным кандидатом на пост президента Китайской Республики на Тайване на выборах 2000 года. Сравнительно молодой, энергичный, он — представитель правящей национальной партии Гоминьдана, а это самая крупная партия на Тайване (2,1 млн. членов, т.е. каждый десятый житель острова из 21-миллионного населения). И его победа, как указывают источники, вроде бы предопределена.

(Соб. инф.)

Йинг-жеу Ма,
профессор Национального университета Ченчи,
доктор права Гарвардского университета (США),
вице-президент Китайского общества международного права
и Китайского (Тайвань) отделения
Ассоциации международного права,
глава делегации китайских юристов (Тайвань)
на первой в России региональной конференции
Ассоциации международного права

ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ О ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ

Мне хотелось бы поднять практический вопрос. Профессор Бойль в своем очень интересном и насыщенном информацией выступлении рассмотрел кодификацию международного права окружающей среды и различные попытки, которые уже сделаны или делаются в этом направлении. Он ссылаясь на проблему ответственности и компенсации за деятельность, запрещенную или не запрещенную международным правом. Важные отличия в этих усилиях, о которых профессор Бойль очень хорошо осведомлен, связаны, на мой взгляд, с вопросом оценки и количественности потерь в окружающей среде.

Почему этот вопрос так важен?

Оценка потерь — это практический вопрос, который оказывает влияние на весь прогресс международного права окружающей среды (или экологического права). В последние годы наблюдается бурное развитие экологического права, но если мы хотим экологические вопросы "спустить на землю" и сделать их вопросами осязаемыми, то тогда проблема оценки экологических потерь становится очень важной. Где имеются средства для борьбы с нарушениями международного права окружающей среды, там становится необходимым проводить подсчеты ущерба. Теперь вопрос состоит в том, как можно измерить экологический ущерб?

Я упомяну один пример, который мне известен: экологические претензии к Компенсационной комиссии ООН в Женеве.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 687 (1991) устанавливает ответственность Ирака за прямой ущерб, нанесенный в результате нападения на Кувейт и его оккупации. Экологический ущерб и истощение естественных сырьевых ресурсов специально отмечены в параграфе 16 резолюции № 687 как компенсируемые потери.

Более 30 экологических претензий зарегистрировано Комиссией со стороны правительств различных стран. Эта цифра не высока по сравнению с общим числом в 2,6 млн. претензий, зарегистрированных Комиссией в целом, однако суммарная претензия представляется довольно важной: свыше 35 млрд. ам. долл., которые затребованы в основном Кувейтом и другими странами региона за ущерб, причиненный поверхностным водам, рыболовству, лесам, морской среде, сельскому хозяйству, здравоохранению и т.д.

Вопрос, перед которым стоят правительства, представившие свои претензии, и который в равной степени стоит и перед Комиссией, состоит в количественной оценке потерь. Рабочая группа экспертов по ответственности и компенсации за экологический ущерб, нанесенный в результате военных действий, созданная в рамках ЮНЕП (Программы ООН по окружающей среде), разработала определенное руководство по этому вопросу в своем докладе, но этого еще недостаточно.

Оценка потерь сама по себе является сложным вопросом. Тем не менее по другим вопросам, не связанным с окружающей средой, имеются определенные юридические нормы, разработанные Постоянной палатой Международного правосудия, Международным Судом, другими международными трибуналами и совсем недавно — Трибуналом в Гааге по спорам между Ираном и США.

Если вы хотите оценить объект, учреждение или предприятие, то это можно сделать. А как быть с вопросами окружающей среды? Как вы оцените ущерб, нанесенный лесам? Ущерб, нанесенный загрязнением, кислотными дождями или морской среде? Может быть, легче было бы это сделать, если пойдет речь о количестве ущерба, например, по отношению к запасам рыбы, но даже и в этом случае сразу же встанет вопрос: является ли экономическая оценка в потерях рыбы единственным видом ущерба? Как вы оцените ущерб, нанесенный лесу, если он является одновременно еще и туристской достопримечательностью? Ущерб от потерь в популяции редких птиц или поголовье редких животных? Разве все эти вещи не бесценны или могут быть выражены в цифрах и понятиях экономики?

Не хочу развивать эти мысли далее. Думаю, что сейчас имеется хорошая возможность подчеркнуть важность этого вопроса и привлечь внимание к нехватке научно-исследовательских и материальных ресурсов, которые следовало бы использовать для решения этих вопросов.

Мойтаба Казази (Иран),
руководитель секции секретариата
Компенсационной комиссии ООН
по обслуживанию Совета управляющих
и группы уполномоченных (Женева)

ТЕРРОРИЗМУ — ЗАСЛОН!

ЗАЯВЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ В РОССИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Международный терроризм распространяется по планете. Он создает угрозу гражданам всех стран, их территориальной целостности и безопасности, конституционному строю государств, посягает на международный правопорядок. От террористических актов гибнут и страдают невинные люди — женщины, дети, старики. Терроризм наносит ущерб нормальной жизни общества, ведет к нарушению прав человека, несет пагубные последствия для жизни международного сообщества.

Опасность терроризма возрастает. Он приобретает все новые формы, использует новейшие достижения науки и техники, широкие возможности, открывающиеся в связи с интеграцией международного сообщества, расширением международных связей.

Терроризм создает угрозу международному сообществу. Он не является ныне вопросом, входящим лишь во внутреннюю компетенцию государства. Террористы — это враги всего человечества.

Задача предупреждения и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях может быть достигнута лишь усилиями всех членов международного сообщества.

Конференция обращается ко всем государствам, к международным организациям с призывом принимать решительные меры по предупреждению и пресечению террористических актов, кем бы и где бы они ни осуществлялись, усилить сотрудничество на многосторонней и двусторонней основе для борьбы с терроризмом, используя в этих целях адекватные способы и средства, в том числе международно-правовые, уделяя особое внимание мерам практического характера, ускорить создание международного уголовного суда. Мы призываем также широкие круги общественности, средства массовой информации, национальные ассоциации международного права, все неправительственные организации способствовать достижению благородной цели — предупреждению и ликвидации международного терроризма.

*Москва,
19 сентября 1997 г.*

СЕМИНАРЫ КРАСНОГО КРЕСТА

Речь пойдет о двух важных семинарах, состоявшихся в очень короткий промежуток времени и организованных Международным комитетом Красного креста (МККК) в Российской Федерации

Встреча на Истре

Помните из истории знаменитую советско-американскую встречу на Эльбе в конце второй мировой?.. Радостные воины обнимались и палили в воздух из всех стволов. Победа пьянила!

В Снегирях, на берегу Истры, произошла тоже памятная встреча. Тоже российско-американская. Встретились российский профессор Ю.М. Колосов и американский профессор Герберт Мерон. Первый — главный редактор “Московского журнала международного права” (в декабре 1997 г. профессор Ю.М. Колосов перешел на пост председателя Редакционного совета этого же журнала), второй — главный редактор “American Journal of International Law” (“Американского журнала международного права”, в апреле 1998 г. профессор Г. Мерон на очередном съезде Американской ассоциации международного права тоже был переизбран с поста главного редактора. Один — из МГИМО-Университета, второй — из Нью-Йоркского университета.

Самое любопытное, что они всего десять дней назад встречались в Нью-Йорке. Профессор Ю.М. Колосов выступал с лекцией в Нью-Йоркском университете, профессор Г. Мерон находился в числе слушателей. И вот теперь оба оказались как приглашенные профессора на семинаре МККК. Причем американский гость прибыл в Москву вообще впервые.

“Все могут короли, все могут короли...”

Вот они, короли и королевы, почти 50 человек со всех концов постсоветского пространства. Стефан Хэнкинс — член московской региональной делегации МККК по распространению знаний о международном гуманитарном праве (МГП) и организатор этой встречи — превзошел самого себя. Он представляет в Москве МККК и организует такого рода семинары. В этот раз в подмосковном доме отдыха собрались “представители гуманитарного права” от балтийского Калининграда до тихоокеанского Владивостока, от Северной Пальмиры — Санкт-Петербурга — до солнечного кабардино-балкарского Нальчика. Прибавьте к этому пять крупнейших университетских центров Украины — Киев, Харьков, Львов, Одесса, Донецк, да еще могучее представительство белорусских военно-юридических структур, да к тому же “сливки” международно-правового ума Молдавии, Грузии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана. Так что, как видите, охвачено практически все пространство бывшей огромной страны.

И все сделал — даже не верится — один человек с определенным опытом широкомасштабной работы. За плечами Стефана Хэнкинса два года работы в Камбодже, много месяцев — в Руанде, наконец, три года в Москве. Это — один из тех “полевых командиров”, которыми по праву может гордиться МККК.

А королями и королевами мы назвали этих людей потому, что именно они владеют умами своих сограждан в таких вопросах: что разрешено и что запрещено. На церемонии представления участников Виктория Ништорвна Архилук (подробнее о ней см. № 4 нашего журнала за 1997 г.) из Кишинева так честно и сказала, что после приезда домой ей предстоит рассказывать об МГП высшим руководителям республики и сам семинар, несомненно, обогатит и ее собственные знания о предмете.

Все это происходило 5—12 ноября 1997 г. под Москвой и официально называлось “Второй семинар по международному гуманитарному праву для преподавателей вузов”.

Благодаря грамотному, профессиональному подходу к работе семинара Стефан Хэнкинс помог в недельный срок охватить чрезвычайно широкий круг вопросов. Предварительно ознакомив участников с историей и развитием МГП, делегаты МККК и признанные профессора международного права прочитали курс лекций, касающийся таких основополагающих вопросов МГП, как защита, предоставляемая гражданскому населению, раненым, больным и потерпевшим кораблекрушение, статус комбатанта и беженца во время вооруженного конфликта, защита военнопленных, детей и т.д. Затем для закрепления материала происходило обсуждение в рабочих группах предложенных лекторами конкретных ситуаций, при этом у всех участников был шанс продемонстрировать хорошие знания Конвенций о защите жертв войны и Дополнительных протоколов к ним. Специалисты применяли на практике их положения при рассмотрении реальных ситуаций в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке, Конго. Одним из заключительных аккордов семинара была презентация Меж-

дународного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, в которой приняли участие представители МККК, Международной федерации и Российского общества Красного Креста.

Размышления военных

2—3 декабря 1997 г. в Москве под эгидой Министерства иностранных дел Российской Федерации и Международного комитета Красного Креста прошел семинар “Имплементация международного гуманитарного права в Российской Федерации”.

Состав его участников и докладчиков был весьма представительным. Здесь встретились делегаты МККК с сотрудниками российских министерств и ведомств. Выбор проблем, предложенных для обсуждения в ходе общей дискуссии и “круглого стола”, оказался весьма разнообразным. Непосредственно после открытия семинара директором Правового департамента МИД РФ А.Г. Ходаковым и профессором Цюрихского университета Д. Шиндлером, подчеркнувшими в своих выступлениях практическую важность и актуальность темы семинара, был сделан ряд содержательных докладов, посвященных основным проблемам МГП.

Во вступительном слове перед началом работы семинара было отмечено, что МГП, являясь общепризнанным и наиболее кодифицированным правом, должно поставить своей целью готовность отвечать перспективам и тенденциям развития — конфликтам нового поколения, новым вызовам. И здесь трудно переоценить ту роль, которую играет МККК в оказании юридического и технического содействия государствам, подписавшим Женевские конвенции, среди которых Россия, являясь одним из деловых партнеров МККК, считает своим долгом активно сотрудничать в дальнейшей разработке МГП.

Глава Консультативной службы МККК по МГП Мария Тереза Дутли в своем докладе об имплементации МГП на национальном уровне подробно рассмотрела разработанные экспертами МГП способы имплементации положений этого права. Она остановилась также на принципиальной важности наказания за нарушения МГП и представила наряду с перечнем подлежащих пресечению деяний принципы, которые, по мнению МККК, непременно должны быть включены в действующее национальное законодательство РФ для обеспечения единого режима преследования за нарушения МГП.

Достойным продолжением темы прозвучал доклад профессора Института государства и права РАН И.И. Лукашука, посвященный специфике МГП как части правовой системы РФ, права, ядром которого являются общие законы гуманности, присущие общечеловеческой культуре и цивилизации и стремящиеся в конечном итоге сохранить нравственные основы человека, необходимые для его существования как индивида.

Одной из центральных тем, представленных на семинаре, была защита эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца, при этом были отражены принципы правовой защиты эмблемы, предусмотренные МГП и действующим законодательством РФ. В ходе семинара также неоднократно подчеркивалась важность эффективного распространения знаний о МГП в воору-

женных силах и службах безопасности, при этом, по мнению экспертов МККК, детальное преподавание МГП должно проводиться институционально.

В частности, руководитель отдела образовательных программ МККК в РФ Алан Делетро в своем докладе уделил много внимания тем видам технической и юридической помощи, которую оказывает МККК непосредственно учебным заведениям РФ, поскольку для того, чтобы МГП соблюдалось во время войны, необходимо в мирное время преподавать его надлежащим образом.

По окончании семинара были выработаны принципиально важные рекомендации для представителей российских министерств и ведомств, касающиеся имплементации общепризнанных норм МГП и пресечения их нарушений, использования и защиты эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца, а также создания Национальной комиссии по имплементации МГП.

Э.Н. Николаева,
аспирантка МГИМО-У
МИД РФ

РЕКОМЕНДАЦИИ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

**МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОМИТЕТ
КРАСНОГО КРЕСТА**

Национальный семинар: “Имплементация международного гуманитарного права в Российской Федерации”

Участники Национального семинара по имплементации международного гуманитарного права в Российской Федерации, состоявшегося 2 — 3 декабря в Москве, организованного совместно Министерством иностранных дел Российской Федерации и Международным комитетом Красного Креста для представителей государственных структур и организаций Российской Федерации, рассмотрев законодательство Российской Федерации с точки зрения ее международных обязательств по имплементации международного гуманитарного права, применяемого во время вооруженного конфликта, приняли следующие рекомендации.

РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Имплементация международного гуманитарного права

Подчеркивая, что государства—участники Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним взяли на себя обязательство соблюдать и обеспечивать их соблюдение при любых обстоятельствах,

Выслушав доклады представителей ряда государственных и правительственных структур и других организаций Российской Федерации, представителей Международного комитета Красного Креста и приглашенных экспертов,

Учитывая, что принятые в Российской Федерации меры по имплементации международного гуманитарного права могли бы быть дополнены и расширены,

Участники семинара рекомендуют:

I. Продолжать принимать в Российской Федерации все необходимые меры, с тем чтобы полностью включить в национальное законодательство положения четырех Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1977 года;

II. Продолжать принимать все необходимые меры в области распространения знаний о международном гуманитарном праве, в частности законодательство закрепить необходимость распространения знаний о международном гуманитарном праве в вооруженных силах и силах безопасности, а также его преподавания в школах и высших учебных заведениях.

2. Пресечение нарушений международного гуманитарного права

Подчеркивая, что государства—участники Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним обязались преследовать лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права в период международного вооруженного конфликта, и принимать для этого соответствующее законодательство,

Принимая во внимание, что следует обеспечить пресечение серьезных нарушений международного гуманитарного права, независимо от того, совершены ли они в период международного или немеждународного вооруженного конфликта.

Участники семинара рекомендуют:

I. Продолжать предпринимать все необходимые усилия для приведения национального уголовного законодательства в соответствие с требованиями международного гуманитарного права, с тем чтобы обеспечить эффективное пресечение нарушений международного гуманитарного права;

II. Не ограничиваться в этой связи только договорными обязательствами, но пресекать все серьезные нарушения международного гуманитарного права, независимо от того, совершены ли они в период международного или внутреннего вооруженного конфликта;

III. Не ограничиваться пресечением серьезных нарушений международного гуманитарного права (также называемых “военные преступления”), но в равной мере продолжать размышлять в направлении включения в уголовное законодательство иных нарушений этого права;

IV. Эффективно преследовать нарушения международного гуманитарного права, предусмотренные во внутреннем законодательстве.

3. Использование наименования и эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца

Сознавая всю важность уважения эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца для защиты жертв вооруженных конфликтов и для тех, кто оказывает им помощь,

Напоминая положения Первой Женевской конвенции от 12 августа 1949 г., которые предусматривают обязательство государств принимать в рамках внутреннего законодательства меры, необходимые для предотвращения и пресечения во всякое время злоупотреблений использованием эмблемы,

Признавая, что в Российской Федерации принимаются отдельные меры в этом направлении,

Участники семинара рекомендуют:

I. Продолжать предпринимать усилия с целью принятия закона, который содержал бы положения о защите эмблемы;

II. Принять необходимое законодательство для закрепления соответствующих санкций за неправомерное использование эмблемы (подражание, злоупотребление в коммерческих целях, вероломное злоупотребление);

III. Определить государственный орган, в обязанности которого входило бы осуществления надзора за правомерным использованием эмблемы и выявление возможных нарушений;

IV. Доводить до всеобщего сведения нормы, касающиеся эмблемы и ее использования, в частности в рамках военной подготовки;

V. Делать все необходимое для преследования и пресечения возможных нарушений использования эмблемы.

4. Национальный орган по имплементации международного гуманитарного права

Стремясь содействовать как можно более полной имплементации международного гуманитарного права в Российской Федерации,

Сознавая вместе с тем всю сложность этой задачи, которая затрагивает органы законодательной, исполнительной и судебной власти,

Участники семинара рекомендуют:

Внимательно изучить вопрос о создании в Российской Федерации национального органа по имплементации международного гуманитарного права, который, с одной стороны, занимался бы координацией усилий по приведению внутреннего законодательства в соответствие с договорными обязательствами Российской Федерации и, с другой стороны, участвовал бы в как можно более широком распространении этого права.

5. Помощь Консультативной службы по международному гуманитарному праву Международного комитета Красного Креста

Подчеркивая, что Консультативная служба по международному гуманитарному праву Международного комитета Красного Креста была создана в целях оказания помощи государствам в области имплементации международного гуманитарного права на национальном уровне,

Участники семинара в заключение обращаются к Международному комитету Красного Креста в лице Консультативной службы по международному гуманитарному праву при Московской делегации Международного комитета Красного Креста с просьбой:

Предоставлять органам власти Российской Федерации по их просьбе и в пределах своих возможностей любую необходимую информацию по вопросам инкорпорации норм международного гуманитарного права во внутреннее законодательство Российской Федерации.

Принято единогласно в Москве 3 декабря 1997 г.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Умер человек, которого седые да лысые ветераны, сами уже давно вышедшие на пенсию, приветствовали до последних дней как учителя. Его приветствовали и поздравляли как живую легенду науки международного права — Федору Ивановичу Кожевникову 15 июня 1998 г. должно было исполниться 95 лет. Сегодняшние аспиранты и студенты — те и вовсе знают его по старому учебнику “Международное право” да по книгам с пожелтевшими от времени страницами.

Все это должно было быть, но не случилось. Он не дожил до юбилея всего каких-то три месяца. И тот разговор, который мы с ним провели для

юбилейного номера, мы публикуем как последнее интервью вместо некролога.

В годы революции и гражданской войны он был солдатом-чоновцем. Нынешние молодые люди не знают такого слова. Зато знают другое — “омоновец”. Улавливаете созвучие? Да, “чоновец” — это военнослужащий частей особого назначения. Именно они были созданы в первые послереволюционные годы для борьбы с бандитизмом. Крестьянский паренек родом из-под Смоленска прошел суровую школу жизни в этих частях: и с бандюгами воевал, и собор смоленский охранял от грабителей, и среди зноя и пыли ходил на большие дела, чтобы “по курганам горбатым, по речным перекатам” прошла о нем “гордая слава”.

А потом учился — на рабфаке, в университете. Он грыз гранит науки настолько успешно, что в 35 лет стал профессором МГУ.

Грянула война. Среди десяти его боевых медалей самая памятная — “За оборону Москвы”.

Еще в годы войны был назначен директором Всесоюзного заочного юридического института, а вскоре после ее окончания — членом Комиссии международного права ООН. Работал в Нью-Йорке. С 1960 года — профессор МГИМО. В течение почти двадцати лет он являлся членом Постоянной палаты Третейского Суда в Гааге.

Ф.И. Кожевникову звание профессора было присвоено еще до войны, в 1938 году. А докторскую диссертацию он защитил в победном 1945 году. Тема ее оказалась созвучной патриотическим настроениям победителей: “Русское государство и международное право”. За большой вклад в науку международного права в 1964 году ему присвоили почетное звание “Заслуженный деятель науки РСФСР”.

С 1953 по 1961 год он занимал одну из самых почетных должностей, до которых может дорасти крупный юрист-международник нашего времени, — являлся членом Международного Суда, должность, на которую специалист избирается Генеральной Ассамблеей ООН.

Свыше 30 лет он преподавал в МГИМО, из них более 20 лет заведовал там кафедрой международного права. На пенсию ушел только в конце 80-х, когда ему уже было далеко за 80. А до этого и лекции читал, и семинары проводил. Завидное трудолюбие!

Его перу принадлежат многие труды по теории и истории международного права: монографии и учебники, статьи и мемуары. Наиболее известные среди них — монографические работы “Русское государство и международное право” (М., 1945), “Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права” (М., 1954).

Популярны среди ученых его книги “Международный Суд” (М., 1971, в соавторстве) и “Комиссия международного права” (М., 1977, в соавторстве) и другие работы. Многие его труды переводились на европейские и восточные языки, издавались за рубежом, а мемуары публиковались в журналах “Вопросы истории” (М., 1971) и “Алтай” (Барнаул, 1985).

В составе делегации СССР Федор Иванович участвовал в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, во многих международных конференциях, побывал, помимо Нью-Йорка, в Лондоне и Стамбуле, Париже и Аккре, Варшаве

и Вене. Диапазон его общественной деятельности тоже весьма широк: президент правовой секции Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами, член ревизионной комиссии Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, главный редактор и член редколлегии журнала "Советское государство и право".

Его грудь, помимо боевых, украшали и трудовые награды: орден Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов (единственный из всех советских орденов, который сохранился и в новой России), два ордена "Знак почета".

Редакция задавала вопросы, и Федор Иванович Кожевников, чуть поразмыслив, без всяких заминок отвечал:

— Вы ведь не только преподавали всю жизнь. Когда-то и учились. Не могли бы Вы вспомнить своих учителей? Что это были за люди?

— Отчего же не могу? Очень даже могу. Тем более что все мои учителя были корифеями науки международного права. Все они учились задолго до революции, так что несли в себе культуру старой закалки, умение дотошно, скрупулезно изучать предмет и ясно, четко и доходчиво доносить существо объяснений до ученика, до студента.

Помню, к примеру, Евгения Александровича Коровина, который пришел в науку еще в 1915 году. Однако его талант как ученого расцвел в годы советской власти. Он занимался проблемами новейшей отрасли международного права — космического права, стал председателем Комиссии Академии наук СССР по правовым вопросам межпланетного пространства, был избран членом-корреспондентом Академии.

Или Сергей Борисович Крылов. Искрометный, остроумный, стремительный. Он родился задолго до Великой Октябрьской революции, а на научную и преподавательскую работу пришел в годы гражданской войны. Однако во всем блеске его талант юриста-международника раскрылся в 40-е годы: на конференциях в Думбартон-Оксе в 1944 году, которая часто вспоминается сейчас в средствах массовой информации, поскольку там разрабатывались основополагающие документы таких важных теперь Всемирного банка и Международного валютного фонда; и в Сан-Франциско в 1945 году, где дорабатывался Устав ООН. Во всех документах тех конференций чувствовалась рука профессора Крылова. Кстати, именно его я сменил на посту члена Международного Суда в Гааге.

Помню хорошо Ивана Сергеевича Перетерского, тоже ученого и блестящего дипломата. Его прекрасные лекции я слушал в Московском юридическом институте. Он был и видным дипломатом, и крупным специалистом в области международного частного права.

Нельзя не вспомнить Всеволода Николаевича Дурденевского. Человек высочайшей внутренней культуры, он на удивление всем дипломатическим работникам считался в МИД "ходячей энциклопедией". Казалось, не было такого дипломатического документа, договора или конвенции, который бы он не знал наизусть. Он способен был прочитать студентам весь курс лекций по международному праву, ни разу не заглядывая в бумажку.

Наконец, Владимир Эммануилович Грабарь. Невероятно плодовитый труженик, написал огромное количество книг, учебников, статей. Всего их

у него около 150. Преподавал международное право в Тартусском — а это было еще в XIX веке, — Воронежском и, наконец, Московском университетах. Участвовал в Лозаннской конференции в составе советской делегации в начале 20-х годов. Специализировался в области торгового права и участвовал в разработке многих международных торговых договоров.

Это мои учителя, которых я видел не только на профессорской кафедре, не только слушал их лекции, но и учился у них многим премудростям практического применения норм международного права.

Самое интересное в моем общении с учителями состоит в том, что вскоре после выучки у них я должен был работать вместе с ними по линии МИД СССР на дипломатическом поприще или в научной среде. Те годы оставили в моей памяти неизгладимый след, поскольку я был счастлив, что судьба свела меня с людьми такой богатой эрудиции и культуры, с теми, кто и в повседневной жизни всегда был примером для подражания и обладал великолепным даром — учить других.

— Об учителях Вы рассказали довольно подробно. Давайте перейдем к ученикам. Конечно, за многие десятилетия преподавательской работы Вы подготовили очень много специалистов в области международного права. Но кто из них Вам особенно запомнился?

— Могу назвать очень много фамилий. Все эти мои ученики стали крупными учеными или профессиональными дипломатами высокой пробы. Но я не хотел бы приписывать всех заслуг в этом себе. У каждого из них был свой талант, свое умение, свое желание работать. А труд, как известно, и дает результаты. Поэтому разрешите использовать слово “отчасти”. Хотя все они — то есть те, о ком мы сейчас будем говорить, — были в какой-то степени моими учениками, я все-таки хотел бы просить Вас считать, что они отчасти мои ученики, а в основном каждый из них сделал себя сам: своим трудом, своими знаниями и умениями.

А теперь перейдем к фамилиям. Мало кто знает, например, что такой человек с мировым именем, как академик Георгий Аркадьевич Арбатов, начинал свой путь в науку, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а учился в МГИМО на международно-правовом факультете. Хотелось бы отметить и такого широко известного в стране ученого, как Анатолий Васильевич Торкунов, ныне ректор МГИМО. Хотя он учился на факультете международных отношений, но слушал и мои лекции по международному праву. Могу привести фамилии трех “светил” в области международного права, все трое — заведующие кафедрами международного права в Дипакадемии, МГИМО и Университете дружбы народов: Валерий Иванович Кузнецов, Юрий Михайлович Колосов, Игорь Павлович Блищенко. И они все трое — выдающиеся специалисты, дипломаты-“переговорщики”, которых часто привлекает МИД России для работы на внешнеполитической арене.

Крупными дипломатами и учеными стали доктора наук Игорь Иванович Лукашук и Степан Васильевич Молодцов, Геннадий Петрович Жуков и Вадим Константинович Собакин, Лидия Артемьевна Моджорян и Елена Алексеевна Шибаева, Анатолий Сергеевич Бахов и Владимир Николаевич Федоров.

Дипломатами, широко известными за рубежами нашей страны, стали послы Олег Николаевич Хлестов и Яков Аркадьевич Островский, Валентин Александрович Романов и Юрий Михайлович Рыбаков. Отдельно могу сказать добрые слова в адрес профессора Эмили Семеновны Кривчиковой, которая довольно часто звонит мне и является как бы связующим звеном между мною и моей родной кафедрой международного права МГИМО. Наконец, хотел бы упомянуть об отце и сыновьях Пархитко — Всеволоде Петровиче, Иване Всеволодовиче и Всеволоде Всеволодовиче. Все были моими студентами и аспирантами. Считаю, между прочим, своим учеником и третьего сына Всеволода Петровича, хотя он стал не юристом, а журналистом, но полный курс международного права в МГИМО он изучил — и неплохо. Так что, как видите, и среди учеников наблюдается преемственность поколений.

Конечно, я назвал далеко не всех, да всех и невозможно перечислить. Получится список в несколько сот человек.

— А как Вы смотрите на развитие международного права в XX веке? Ведь Вы родились в начале этого века и сейчас становитесь свидетелем окончания столетия, а человечество вступает в третье тысячелетие. Как изменилось международное право за минувший век?

— С моей точки зрения, международное право развивалось успешно. Оно всегда шло в ногу с событиями века и отражало все крупнейшие события и повороты в истории человечества. Вспомните две мировые войны и Великую Октябрьскую революцию в России. Все эти события находили соответствующее отражение в международно-правовых документах. Равно как успехи человечества в проникновении в космос и в тайны атомного ядра. К концу века в международном праве появилось множество отраслей, поскольку каждая из них базируется на вполне достаточном нормативном материале. К концу века человечеству уже требуются специалисты узкого профиля в области международного права, так называемые “отраслевники”, чего в начале века еще не было.

— Дорогой Федор Иванович, Вы — накануне такого необычного юбилея. Знайте, что ученики Ваши любят Вас, помнят и всегда почитают Ваше имя и Ваши труды.

— Спасибо большое. Передайте через “Московский журнал международного права” мою благодарность за то, что не забываете меня, и моим ученикам, и всем помнящим меня читателям журнала.

Интервью было взято в феврале 1998 г.

Федор Иванович Кожевников скончался 22 марта этого же года. Совсем недолго не дожил до юбилея.

Но не юбилеями светла жизнь, а делами. Светлых дел за ним — великое множество.

ВНИМАНИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ!

В издательстве “Международные отношения”

в 1998 году вышло второе, переработанное и дополненное издание учебника **“МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО”** под редакцией Ю.М. Колосова и В.И. Кузнецова.

Предлагаемая книга — базовый учебник Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ. Он подготовлен профессорско-преподавательским составом кафедр международного права Дипломатической академии МИД РФ, МГИМО-У МИД РФ, а также практическими работниками МИД РФ. Учебник переиздан в связи с тем, что первое издание (1995 г.) давно и быстро было раскуплено.

Международное публичное право — основная профилирующая дисциплина для студентов, обучающихся по специальности “правоведение (международное право)”. В юридических высших учебных заведениях и на юридических факультетах настоящий курс также включен в учебные планы. Преподается он и студентам, специализирующимся в области международных отношений и внешнеэкономических связей.

Международные отношения — подверженная изменениям сфера общественных отношений, содержание которых составляет деятельность государств, их институтов, международных организаций. Новое издание учебника отражает современное (включая 1997 г.) состояние действующего международного права. Существенным отличием от изданий подобного рода является Особенная часть учебника, в которой среди прочих рассматриваются такие отрасли международного права, как гуманитарное и морское, воздушное и космическое, обеспечение международной безопасности и международная борьба с преступностью.

По вопросам приобретения учебника обращаться по адресу: 107078, Москва, ул. Садовая-Спасская, 20.
Издательство “Международные отношения”.
Тел. 975-30-09
Факс: 200-22-04

КОЛОКОЛОВ Б.Л.
ПРОФЕССИЯ — ДИПЛОМАТ.
МЕМУАРЫ

В издательстве “Международные отношения” выходит книга известного дипломата, ветерана Великой Отечественной войны, человека яркой судьбы, прошедшего за 42 года службы путь от переводчика до заместителя министра иностранных дел России. Мемуары состоят из отдельных очерков: о работе в ООН, Протокольном отделе МИД СССР, посла СССР в Тунисе и т.д. Автор описывает любопытные, а подчас и курьезные случаи из своей практики, дает собственные оценки пережитых событий. Особый интерес вызовут рассказы о Н.С. Хрущеве, А.Н. Косыгине, королеве Великобритании, шахе Ирана и о многих других российских и зарубежных государственных и общественных деятелях, с которыми автору приходилось встречаться. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редакция “Московского журнала международного права” сердечно поздравляет члена Редакционного совета нашего журнала, всемирно известного ученого Сергея Александровича Малинина (г. Санкт-Петербург) с его 75-летием. Желаем Вам, дорогой Сергей Александрович, доброго здоровья и той неувядающей способности радовать своих учеников мудрыми советами, которой Вы так блестяще обладаете.

• • •

Редакция “Московского журнала международного права” горячо поздравляет нашего постоянного автора Вильяма Васильевича Похлебкина с его 75-летним юбилеем. Желаем Вам, чтобы Вы и впредь не боялись сложных тем и не снижали ни своего творческого тонуса, ни многосторонней активности в написании статей и книг.

• • •

Мы поздравляем члена нашего Редакционного совета, президента Российской ассоциации международного права, профессора Анатолия Лазаревича Колодкина с 70-летием.

Здоровья Вам, благополучия и новых творческих успехов!

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 03.06.98. Формат 60×88^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 19,58.

Тираж плавающий. Изд. № 2-МЖМП/98. Заказ № . Цена договорная.

Отпечатано с оригинал-макета издательства «Международные отношения»

в отделе полиграфических услуг

фирмы «Мосгорпечать»

Зак. № ~~138~~. Тир. ~~1100~~ экз.

ВНИМАНИЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ, ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ!

Издательство продолжает знакомить своего читателя с основами сравнительного правоведения — комплексным изучением правовой карты современного мира. Начало знакомства восходит к книге Р. Давида, К. Жоффре-Спинози «Основные правовые системы современности». Пер. с фр. проф. В.А. Туманова. — 1996. — 400 с.

В издательстве “Международные отношения”

В 1998 году вышло двухтомное издание: *К. Цвайгерт, Х. Кётц* «Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права». Пер. с нем. проф. Ю.М. Юмашева. Том I. Основы. — 480 с.; Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. — 512 с.

В мировой юридической литературе авторы этих книг имеют высочайший рейтинг. Он обусловлен их профессионализмом, блестящей эрудицией, глубоким знанием законодательства и судебной практики стран с разным экономическим развитием и правовыми режимами.

Частное право представляет особый интерес для формирования правовой основы хозяйственных отношений в нашей стране, для развития предпринимательства с учетом опыта, накопленного в разных правовых системах мира.

Международное частное право — основная профилирующая дисциплина для преподавателей и студентов в высшем юридическом образовании.

Двухтомник дает возможность познакомиться с господствующими тенденциями развития современной юридической мысли и обобщением мирового опыта решения спорных проблем правового регулирования хозяйственной жизни в условиях растущей международной взаимозависимости.

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
Изд-во “Международные отношения”, Отдел маркетинга
Контактный тел. (095) 975-30-09, факс 200-22-04

Московский журнал международного права

Подписаться на «Московский журнал международного права» на второе полугодие 1998 года можно в любом отделении связи.

Индекс издания — 70893. Стоимость подписки по каталогу (без доставки):

на № 3 и 4 — два номера — 48 руб.

Наценка за доставку определяется отделениями Минсвязи.

На «Московский журнал международного права» («Moscow Journal of International Law») на английском языке можно подписаться:

Россия — 121019, г. Москва Г-19, а/я 32

НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.

телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38

США и Канада —

1318, 15th Street, Oregon City

Ore., 97045 USA

Tel./Fax: 503 650 0559

или через каталоги таких подписных агентств, как «Книга Сервис»

(Россия); EBSCO (1996-97 Periodicals for Law Libraries); Dawson UK Ltd.

Цена одного номера на английском языке — 30 \$ США,

подписка на полгода — 60 \$ США; на год — 120 \$ США.

Moscow Journal of International Law

ISSN 0869-0049

9 770869 004006

